

Мф

МИР ФАНТАСТИКИ

АЛЕКСАНДР
МИРЕР

★
Дом
скитальцев
★

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Мир фантастики (Азбука-Аттикус)

Александр Мирер
Дом скитальцев (сборник)

«Азбука-Аттикус»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Мирер А. И.

Дом скитальцев (сборник) / А. И. Мирер — «Азбука-Аттикус», — (Мир фантастики (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-13129-3

Это было братство друзей по духу – фантастическому духу свободы, повеявшему вдруг над страной в легендарные 60-е годы. Они собирались на квартире у Ариадны Громовой около зоопарка – Аркадий Стругацкий, душа компании, Север Гансовский, Роман Подольный, Анатолий Днепров, молодой Дмитрий Биленкин, бывал и Станислав Лем в редкие свои визиты из Польши, – и под крик зверей за окном, под бешеные струны Высоцкого («По пространству-времени мы прём на звездолете...»), частого гостя в доме, под чаёк или что покрепче говорили о фантастике, думали о фантастике, верили в нее. Умница Александр Мирер, неперенный участник сборищ, мнение которого ценили и уважали здесь, высказался афористично и точно: «Фантастика – самый честный и наблюдательный свидетель на суде истории». Потому что фантастика и реальность, особенно реальность российская, для людей этого круга были неразделимы. В фантастике Александр Мирер прежде всего исследователь. Предмет его исследовательской работы – манипулирование человеческим сознанием. Захват и порабощение разума («Дом скитальцев»), управление мозгом извне, ведущее к крушению цивилизации («У меня девять жизней»), конфликт между естественным и навязанным («Остров Мадагаскар») ... Темы эти актуальны всегда, и уж тем более никогда не вторичны – времена хотя и меняются, но люди в них в основном такие же, что были вчера и позавчера.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-13129-3

© Мирер А. И.
© Азбука-Аттикус

Содержание

Дом скитальцев	10
Книга 1	11
Часть 1,	11
Федя-гитарист	11
Такси	12
Еловый пенё	14
Пустое место	17
Автобус	17
Тревога!	18
Мы начинаем действовать	20
Двойная обертка	22
Капитан Рубченко	23
Несчастье	25
Шнурок	26
Доктор Анна Егоровна	28
Что видел Степка	30
Снова капитан Рубченко	32
Я «инфекционный больной»	34
Черная «Волга»	38
Находка и пропажа	38
Зона корабля	41
Часть 2	42
Наводчики и «посредники»	42
Куда броситься?	47
«Входи!»	49
«Вы думаете, что вас нельзя убить»	51
Степка получает инструкцию	55
Хитрый портняжка	57
Сентиментальный боксер	58
Опять один	62
Сурен Давидович	63
Пришельцы	65
Допрос	67
Полковник Ганин	69
Сорвалось	70
Квадрат – сто три	72
Инструкция	74
Волосок лопается	75
Огонь!	78
На свободе	79
Исход	80
Ушли!	82
Вячеслав Борисович	83
Книга 2	85
Пролог	85
Тугарино, вечер	85

Комитет девятнадцати	87
Ночное совещание	89
Особняк	94
Учитель появляется	94
Часть 1	96
Дача	96
Белый Винт	98
Ничто	99
Место Покоя Мыслящих	100
Что теперь делать?	101
Иван Кузьмич	102
Перчатки	105
Первая проверка	107
Охранник	108
Кург	111
Старая Башня	114
Дома	116
Монтировочная	118
Господин Первый Диспетчер	120
Еще одна неожиданность	122
Мыслящие	122
Испытание	123
Вернемся к началу	124
Приглашение	127
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Александр Мирер

Дом скитальцев (сборник)

© А. Мирер (наследники), 2017

© Оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Дом скитальцев

Книга 1 Главный полдень

Часть 1, рассказанная Алешей Соколовым. Утро

Федя-гитарист

В тот день с утра было очень жарко и солнечно. От жары я проснулся рано, позавтракал вместе с матерью и рано, задолго до восьми, пошел в школу. Помню, как на проспекте сильно, терпко пахло тополевыми чешуйками, и липы были дымные, светло-зеленые, и солнце горело в витринах универмага. Дверь магазина была заперта, но Федя-гитарист уже сидел на ступеньках со своей гитарой и жмурился. Я еще подумал, что на молокозаводе кончилась ночная смена и Федя прямо с работы явился на свидание с Неллой, продавщицей из обувной секции. Я прошел по другой стороне улицы, свернул за угол, к школе, и тогда уже удивился – не такой он человек, Федя, чтобы сидеть и ждать. Он лучше встретит девушку около дома и проводит с громом, с гитарой – э-эх, расступись!.. Он такой парень. Утро, вечер – ему все нипочем. Я думал о нем и улыбался, потому что мне такие люди нравятся. Потом я стал думать, удастся ли днем, после школы, накопать червей для рыбной ловли.

Я прошел по пустой лестнице, положил портфель и посмотрел в окошко.

Федя-гитарист по-прежнему сидел на ступеньках универмага и держал на вытянутых руках гитару. Понимаете? Он ее рассматривал и хмурился: что это, мол, за штука? Пожал плечами. Взял несколько аккордов и еще раз пожал плечами. Потом он стал притопывать ногой и с удивлением смотрел на свой ботинок, заглядывая сбоку, на петушинный манер, – гитара ему мешала.

Я опять заулыбался – наш знаменитый гитарист будто заново учился играть на гитаре. Выдумает же – забавляться так чудно и в такую рань!

Минуты через две-три у универмага появился заведующий почтой. Федя его окликнул. Мне через стекла не было слышно, что сказал Федя-гитарист, но заведующий почтой свернул и подошел к ступенькам.

И тогда произошло вот что. Заведующий сделал неверный шаг, двумя руками схватился за грудь, сразу выпрямился, опустил руки и зашагал дальше, не оглядываясь. Через полминуты стеклянная дверь почты открылась, заведующий скрылся за ней, а потом до меня долетел резкий стук закрывающейся двери. Федя сидел, словно ничего не произошло, и постукивал по гитаре костяшками пальцев. А я уж смотрел на него во все глаза: что он еще выкинет? На улице сталолюдно – шли служащие на работу, из подъездов выскакивали ребята и мчались к школьному подъезду. До звонка оставалось всего пять минут. Степка, торопясь, сдувал с моей тетради задачки по геометрии. Я смотрел, значит, целых полчаса, а Федя все сидел, опустив гитару к ноге, и равнодушно жмурился на прохожих. И вдруг он поднял голову... Тяжко подрагивая при каждом шаге, к почте торопился седой, грузный телеграфист, важный, как генерал. Он всегда проходил мимо в это время, всегда спешил и перед угловой витриной универмага смотрел на часы и пытался прибавить шаг. Он весит килограммов сто, честное слово! Именно его Федя выбрал из всех прохожих и что-то ему говорил, просительно наклоняя голову. Тот обернулся – даже его спина, туго обтянутая форменной курткой, выражала недовольство.

Я приподнялся. Старый телеграфист будто налетел на невидимую веревку. Нырнул всем корпусом, просеменил и остановился, схватившись обеими руками за грудь. Я думал, он упадет. Гитарист равнодушно смотрел на свой притопывающий ботинок, не приподнялся даже, скотина такая! Старик же мог насмерть разбиться о ступеньки. К счастью, он не упал – выпрямился и как будто взял у гитариста что-то белое. И сразу пошел дальше прежней походкой. Хлопнула дверь почты, только солнце уже не блеснуло в стекле. А Федя-гитарист встал и пошел прочь.

Гитара осталась на ступеньках.

Я оглянулся – учителя еще не было – и прыгнул через скамьи прямо к двери. Кто-то вскрикнул: «Ух!» – я вылетел в коридор и ходом припустился вниз, торопясь проскочить мимо учительской, чтобы вдруг случайно не встретиться с Тамарой Евгеньевной.

Звонок заливался вовсю, когда я выбежал из подъезда. Улица казалась совсем другой, чем сверху, и гитары не было на ступеньках универмага. Я пробежал вперед, на газон между тополями, и увидел совсем близко Федю – он успел вернуться за гитарой и опять отойти шагов на двадцать. Черный лак инструмента отражал все, как выпуклое зеркало на автобусах: дома, деревья, палевый корпус грузовика, проезжающего мимо. И меня, а рядом со мной кого-то еще. Я оглянулся. Рядом со мной стоял Степка, совершенно белый от волнения.

Такси

– Ты что? Тревога? – спросил Степка.

– С ним что-то неладно. – Я кивнул на спину гитариста.

– С Федором? А тебе-то что за дело? Ну и псих...

Я не знал, как быть. Мы торчали посреди улицы, где любой учитель мог нас взять на карандаш и завернуть обратно в школу. А гитарист удалялся по проспекту вниз, к Синему Камню – это у нас поселок так называется, два десятка домов за лесопарком. Тут выглянула из школы техничка тетя Нина, и мы, как зайцы, дунули через улицу.

Гитарист неторопливо вышагивал по длинным полосам тени, здоровался со знакомыми, встряхивал чубом. Мы шли за ним. Зачем? Я этого не знал, а Степка тем более. Он взъерошился от злости, но вел себя правильно – шел рядом и молчал. Так мы прошли квартал, до нового магазина «Фрукты – соки», перед которым стояло грузовое такси. Оно тоже было новое. Взрослые на такое не обращают внимания, а мы знали, что в городе появились два новых грузовых такси, голубых, с белыми полосами и шашками по бортам и с белыми надписями «таксомотор». Сур нам объяснил, почему «таксомотор»: когда автомобили только появились, их называли «моторами». Так вот, одно из новых такси красовалось у тротуара и уютно светило зеленым фонариком. Мордастый водитель сидел на подножке, насвистывал Федину любимую песню «На Смоленской дороге снега, снега...». Мы видели по гитаристой спине, что он и такси заметил, и водителя и свою «Дорогу» услышал и узнал отлично. Он небрежно вышагивал – высокий, поджарый, в черных брюках и рубашке и с черным инструментом под мышкой. Конечно, водитель с ним поздоровался. Федя остановился и сказал:

– А, привет механику!

Я подхватил Степку за локоть, и мы прошли мимо и остановились за кузовом машины. Степка молча, сердито выдернул локоть. Машина дрогнула, завизжал стартер... Я прыгнул, заглянул под машину и увидел ногу в черной штанине. Нога поднималась с земли на подножку. Это гитарист садился в кабинку. «Давай», – сказал я, и мы разом ухватились за задний борт, перевалились в кузов, под брезентовую крышу, пробежали вперед и сели на пол. Спинами мы прижимались к переднему борту, и нас не могли заметить из кабины. И машина сразу тронулась. Пока она шла тихо, я рискнул приподняться и заглянуть в окошечко – там ли Федя. Он был там. Гриф гитары постукивал о стекло.

Я прижал губы к Степкиному уху и рассказал о заведующем почтой, телеграфисте и вообще о Фединых фокусах. Машина ехала быстро. На ухабах нас било спинами и головами о доски борта. Поэтому, может быть, посреди рассказа я стал сам с собой спорить. Сказал, что я дурень и паникер и напрасно втянул Степку в историю. Конечно, Федя вел себя очень странно, да какое наше дело? Он вообще чудной. А я паникер.

Степка убрал ухо и сморщился. Он моей самокритики не выносит. Он показал, как играют на гитаре, и прошептал:

– А это он что – разучился? Ты видел, чтобы он гитару забывал?

Я зашептал в ответ, что после ночной смены можно голову позабыть, а не гитару. Что Феде просто надоело ждать Нелку. Он сидел, ему было скучно, и он шутил со знакомыми. Например, так: «А почту вашу ограбили». Почтари – будь здоров! – хватались за сердце. Потом он решил поехать Нелке навстречу, воспользовался своей популярностью и поехал на грузовом такси. Нормальное поведение. Друзей у него в городе каждый третий. Ну каждый пятый, не меньше...

– К Нелке поехал? – сказал Степка. – Она живет в обратной стороне вовсе. – Он подумал и добавил: – Хороши шуточки! А с гитарой на завод не пускают.

– Его везде пропускают.

– Это молокозавод, – сказал Степка. – Там чистота и дисциплина. А ты – идиот.

Я все-таки рассердился:

– Ну паникер ну, шпионских книжек начитался, но почему я идиот?

– Потому. Федька вчера выступал в совхозе, в ихнем клубе. Загулял, наверно. А ты – лапша. Начал дело – доведи его до конца.

– Вот сам и доводи до конца, – окрысился я и полез к заднему борту, чтобы спрыгнуть, но в эту секунду по кузову забарабанили камешки, машина резко прибавила скорость – кончился город, пошло шоссе. Мы слышали, как смеются в кабине те двое, а машина летела, как реактивный самолет. Приходилось ехать дальше. Мы в два счета проскочили стадион, сейчас будет подъем, и там спрыгнем... Вз-з-з! – внезапно провизжали тормоза, машина встала, и мы ясно услышали голос гитариста:

– ...Пилотируешь, как молодой бог. Будь здоров!

– Да что там! – говорил водитель. – Будь здоров!

Степка влепил кулаком себе по коленке... Здесь, на юру, из машины не вылезешь – кругом поле. Но гитарист небрежно сказал:

– А поехали со мной, механик... Здесь рядом. Покажу такое – не пожалеешь.

Степка развел и сложил ладони: ловушка, мол... Я кивнул. Мы ждали, выкатив глаза друг на друга. Удивительно был прост этот «механик»! Он только проворчал:

– Поехать, что ли?.. Не сядем?..

Дверца хлопнула, машина прокатилась до лесопарка и свернула на проселок.

Нас кидало в кузове, пыль клубами валила сзади под брезент. Зубы лязгали. Я чихнул в живот Степке. Но машина скоро остановилась.

– Пылища – жуть, – произнес Федин голос. – Топаем, механик?

Водитель не ответил.

– Э, парень, да ты чудак! – весело сказал Федя. – Сколько проехал, полста метров осталось... Ленишься? Езжай тогда домой.

– На «слабо» дураков ловят, – прошептал Степа.

Водитель шел неохотно, оглядывался на машину. Место было подходящее для темного дела – опушка елового питомника. Елочки здесь приземистые, но густые и растут очень тесно. Сначала скрылся за верхушками русский хохол гитариста, потом голова шофера в грязной кепке.

Мы спрыгнули в пыль, переглянулись, пошли. По междурядью, по мягкой прошлогодней хвое. Впереди, шагах в двадцати, был слышен хруст шагов и голоса.

Еловый пенёк

Междурядье было недлинное. Еще метров пятьдесят – и откроется круглая полянка. Туда и вел Федя таксиста, причем их аллея попадала аккуратно в середину поляны, а наша – как бы по касательной, вбок. Я было заторопился, но Степан махнул рукой, показывая: «Спокойно, без спешки!»

Эх, надо было видеть Степку! Он крался кошачьим шагом, прищурив рыжие глаза. Мы с Валеркой знали, и Сур знает, что Степка – настоящий храбрец, а что он бледнеет, так у него кожа виновата. На этом многие нарывались. Видят – побледнел, и думают, что парень струсил, и попадают на его любимый удар – свинг слева.

Значит, Степка, такой белый, что хоть считай все веснушки, и я – мы проползли последние два-три метра под еловыми лапами и заглянули на поляну.

Солнца еще не было на поляне. Пробивались так, полосочки, и прежде всего я увидел, как в этих полосах начищенными монетами сияют ранние одуванчики. Две пары ног шагали прямо по одуванчикам.

– Ну вот, друг мой механик, – говорил Федя. – Видишь ли ты пенёк?

– Вижу. А чего?

– Да ничего. Замечательный пенёк, можешь мне поверить.

– Пе-енёк? – спросил шофер. – Пенёк, значит... Так... Пенёк... – Он булькнул горлом и проревел: – Ты на него смотреть меня заманил... балалайка?

– А тише, – сказал Федя. – Тише, механик. Этого пенечка вчера не было. Се ля ви.

– «Ля ви»? – визгливо передразнил шофер. – Значит, я тебя довез. А кто твою балалайку обратно понесет? – заорал он, и я быстро подался вперед, чтобы видеть не только их ноги. – И кто тебя обратно понесет?

Федя сиганул вбок, и между ним и шофером оказался тот самый пенёк. Шофер бросился на Федю. Нет, он хотел броситься, он пригнулся уже и вдруг охнул, поднял руки к груди и опустился в одуванчики. Все было так, как с двумя предыдущими людьми, только они удерживались на ногах, а этот упал.

Впрочем, он тут же поднялся. Спокойно так поднялся и стал вертеть головой и оглядываться. И гитарист спокойно смотрел на него, придерживая свою гитару.

Я толкнул локтем Степана. Он – меня. Мы старались не дышать.

– Это красивая местность, – проговорил шофер, как бы с трудом находя слова.

Гитарист кивнул. Шофер тоже кивнул.

– Я – Угол третий. Ты – Треугольник-тринадцать? – проговорил гитарист.

Шофер тихо рассмеялся. Они и говорили очень тихо.

– Он самый, – сказал шофер. – Жолнин Петр Григорьевич.

– Знаю. И где живешь, знаю. Слушай, Треугольник... – Они снова заулыбались. – Слушай... Ты водитель. Поэтому план будет изменен. Я не успел доложить еще, но план будет изменен, без сомнения...

– Развезти эти... ну, коробки, по всем объектам?

– Устанавливаю название: «посредник». План я предложу такой – отвезти «большой посредник» в центр города. Берешься?

Шофер покачал головой. Поджал губы.

– Риск чрезвычайный... Доложи, Угол-три. Я – как прикажут...

Степка снова толкнул меня. Я прижимался к земле всем телом, так что хвоя исколола мне подбородок.

– Меня Федором зовут, – сказал гитарист. – Улица Восстания, пять, общежитие молокозавода. Киселев Федор Аристархович.

Шофер ухмыльнулся и спросил было:

– Аристархович? – Но вдруг крикнул и закончил другим голосом: – Прости меня. Эта проклятая... ну как ее... рекуперация?

– Ассимиляция, – сказал гитарист. – Читать надо больше, пить меньше. Я докладываю. А ты поспи хоть десять минут.

Они оба легли на землю. Шофер захрапел, присвистывая, а Федя-гитарист подложил ладони под затылок и тоже будто заснул. Его губы и горло попали в полосу солнечного света, и мы видели, что под ними шевелятся пятна теней. Он говорил что-то с закрытым ртом, неслышно; он был зеленый, как дед Павел, когда лежал в гробу. Я зажмурился и стал отползать, и так мы отползли довольно много, потом вскочили и дали деру.

Далеко мы не убежали. У дороги, у голубого грузовика, спокойно светящего зеленым глазком, остановились и прислушались. Погони не было. Почему-то мы оба стали чесаться – хвоя налезла под рубашки или просто так, – в общем, мы боялись чесаться на открытом месте и спрятались. Рядом с машиной, за можжевельником. Эта часть лесопарка была как будто нарочно приспособлена для всяких казаков-разбойников: везде либо елки, либо сосенки, можжевельник еще, а летом потрясающе высокая трава.

– Дьявольщина! – сказал Степка. – Они видели нас... Ох как чешется!

– Они – нас? И при нас все говорили?

– Ну да, – сказал Степка. – Они понарошку. Чем нас гнать, отвязываться, они решили мартышку валять. Дьявольщина!.. Чтобы мы испугались и удрали.

– Хорошо придумано, – сказал я. – Чтобы мы удрали, а после всем растрезвонили, что шофер Жолнин – Треугольник-тринадцать. Тогда все будут знать, что он сумасшедший или шпион. Тсс!..

Нет, показалось. Ни шагов, ни голосов. Через дорогу, у обочины, тихо стоял грузовик. Солнце взбиралось по колесу к надписи «таксомотор».

– Да, зря удрали, выходит, – прошептал Степка.

Зря? Меня передернуло, как от холода. Все, что угодно, только не видеть, как один храпит, отвалив челюсть, а второй говорит с закрытым ртом!

– Хорош следопыт! – фыркнул Степка. – Трясешься, как щенок.

– Ты сам удрал первый!

– Ну, врешь. Я за тобой пополз. Да перестань трястись!

Я перестал. Несколько минут мы думали, машинально почесываясь.

– Пошли, – сказал Степка. – Пошли обратно.

Я посмотрел на него. Не понимает он, что ли? Эти двое нас пришибут, если попадемся. А подкрадываться, не видя противника, – самое гиблое дело.

– Они же шпионы, – сказал я. – Мы должны сообщить о них, а ты на рожон лезешь. Слышал – клички, пароли, «большой посредник»? А «коробки» – бомбы, что ли? Надо в город подаваться, Степка. Ты беги, а я их выслежу.

– В город погодим. Пароли... – проворчал Степан. – Зачем они сюда забрались? Допустим, весь разговор был парольный. А место что, тоже парольное? Кто им мешал обменяться паролями в машине?

– Ладно, – сказал я. – Главное, чтобы не упустить.

– У него, гада, ларингофон, – сказал Степка. – Понимаешь? В кармане передатчик, а на горле такая штука, как у летчиков, чтобы говорить. Микрофон на горле. Дьявольщина! Кому он мог докладывать? Либо они мартышку валяли, либо шпионы. Здорово! И мы их открыли.

Я промолчал. По-моему, шпионы – гадость, и ничего хорошего в них нет. Выследили мы их удачно, только я, хоть убейте, не понимал, почему так переменялся шофер возле этого

пенька... Был обыкновенный шофер и вдруг стал шпионом! Этот Угол третий с утра вытворял штуки, а шофер был вполне обыкновенный... Может, и «Смоленская дорога», которую он свистел, тоже пароль?

У Степана очень тонкий слух. Он первым услышал шаги и быстро стал шептать:

– Я прицеплюсь к ним, а ты лупи в город. К Суру. Там и встретимся.

Я прошептал:

– Нет, я прицеплюсь!

Но спорить было поздно. Затрещали веточки у самой дороги. Первым показался Федя – красный, пыхтящий, он тащил что-то тяжелое на плече. За ним потянулось бревно – второй его конец тащил шофер. Он пыхтел и спотыкался. Медленно, с большой натугой, шофер и Федя перебрались через канаву. Вот так здорово – они тащили пень! Тот самый, о котором говорилось, что вчера его не было, с белой полосой от сколотой щепы, – знаете, когда валят дерево, то не перепиливают до конца, оставляют краешек, и в этом месте обычно отщепывается кусок.

Шофер открыл дверцу в заднем борту, и вдвоем они задвинули пень внутрь – машина скрипнула и осела. Чересчур он оказался тяжелым, честное слово...

Федя отряхнул рубаху. Гитара торчала за его спиной. Она была засунута грифом под брючный ремень, а тесьма куда-то подевалась. Я помнил, что утром тесьма была. Федя изогнулся и выдернул гитару из-под ремня, а шофер подал ему узелок, связанный из носового платка.

Мне показалось, что в узелке должны быть конфеты, так с полкило.

Тут же Федя проговорил:

– Конфет купить, вот что... В бумажках. – Он осторожно тряхнул узелок, шофер кивнул. – Лады, Петя. Я сяду в кузов.

– Незачем, – сказал шофер. – Садись в кабину.

– Мне бы надо быть с *ними*.

– Слушай, – сказал шофер, – эти вещи я знаю лучше, я водитель. Включу счетчик, поедем законно. Увидят, как ты вылезашь из пустого кузова, будут подозрения. Поглядывай в заднее окно. Доведем!

– Ну хорошо. – Киселев прикоснулся к чему-то на груди, под рубахой. Наклонился, чтобы отряхнуть брюки, и на его шее мелькнула черная полоска. Что-то было подвешено у него под рубахой на тесьме от гитары...

Они полезли в кабину.

Я знал, что мы должны выскочить не раньше, чем машина тронется, потому что шоферы оглядываются налево, когда трогают. Я придержал Степку – он стряхнул мою руку. Федя в кабине спрашивал:

– Деньги у тебя найдутся внести в кассу? Я пустой.

– На-айдутся, какие тут деньги... Километров тридцать – трешник... Зачем они теперь, эти деньги?!

Они вдруг засмеялись. Заржали так, что машину качнуло. Взревел двигатель, и прямо с места машина тронулась задом, с поворотом, наезжая на наш можжевельник. Мы раскатились в стороны.

Голубой кузов просунулся в кусты – р-р-р-р! – машина рванулась вперед, и Степка прыгнул, как блоха, и уцепился за задний борт. Я чуть отстал, и этого хватило, чтобы Степка оттолкнул меня ногами, сшиб на землю и перевалился в кузов. И вот они укатили, а я остался.

Пустое место

Я не ушибся, мне просто стало скверно. Минуты две я валялся, где упал, а потом увидел перед своим носом Степкину авторучку, подобрал ее и поднялся. Пыль на дороге почти осела, только вдалеке еще клубилась над деревьями. Я постоял посмотрел. Закуковала кукушка – близко, с надрывом: «Ку-ук! Ку-ук!...»

Она громко прокричала двадцать два или двадцать три раза, смолкла, и тогда я побежал на еловую поляну. Мне надо было мчаться в город, и поднимать тревогу, и выручать Степку от этих людей – все я знал и понимал. Меня, как собаку поводком, волокло на полянку, я должен был посмотреть – тот пень или не тот. И я вылетел на это место и едва не заорал: пень исчез.

И если бы только исчез!

Он совершенно следа не оставил, земля кругом не была разрыта, никакой ямы, лишь в дерне несколько неглубоких вдавлен.

Значит, Федя не соврал, что вчера этого пня не было. Его приволокли откуда-то. Судя по траве, недавно – ночью или утром. Трава под ним не успела завянуть. А вот следы шофера и Феи. Даже на поляне, где земля хорошо просохла, они пропечатались, а в сырых аллеях были очень глубокими.

Пень весил центнер, не меньше.

Вот уж действительно дьявольщина, подумал я. То притаскивают этот несчастный пень, то увозят... И больно он тяжел для елового пня.

Федя сказал так: «Взять в машину „большой посредник“ и отвезти в город».

«Большой посредник»... Посредники бывают на военных играх, они вроде судей на футболе и хоккее – бегают вместе с игроками.

Да, но люди, не пни же... Ставят, увозят...

Совсем запутавшись, я начал искать следы тех, кто принес «посредник» сюда. Не мог он прилететь по воздуху и не мог потяжелеть, стоя здесь, правда? Так вот, никаких следов я не обнаружил, хотя излазил все аллеи до одной. Минут пятнадцать лазил, свои следы начал принимать за чужие, и так мне сделалось страшно, не могу передать. Когда рядом со мной взлетела птица, я начисто перепугался и без оглядки помчался на большую дорогу.

Автобус

Я выбежал на шоссе, на свежий полевой ветер. Он разом высушил спину, мокрую от испуга и беготни, и я удивился, до чего хорош наступающий день. Солнце было яркое, а не туманное, как в предыдущие утра. Синицы орали так звонко и густо, будто над лесопарком висела сеть из стеклянных иголок. Несмотря на ранний час, асфальт уже подавался под каблуком, и хотелось искупаться. Я представил себе, что сбрасываю тяжелые брюки и лезу в воду. Купание!.. О нем и думать не стоило. Надо было мчаться к Суру, поднимать тревогу.

Флажок автобусной остановки желтел слева от меня, высоко на подъеме. Пробежав к нему, я сообразил, что надо было бежать в обратную сторону, не навстречу автобусу, а от него, и не в гору, а вниз. Но возвращаться уже не стоило, и, если некогда купаться, я хоть мог поглядеть с холма на пруды.

И правда, от остановки открывалась панорама: прямо по шоссе – дома и водоканал Синего Камня, левее – лес и пруды с песчаными берегами, потом лесопарк и, наконец, весь наш городок как на блюдечке. Три продольные улицы и пять поперечных, завод тракторного электрооборудования, элеватор, молокозавод – вот и все. Мне, как всегда, стало обидно. Люди живут в настоящих городах, с настоящими заводами, а наш – одно название что город.

Это электрооборудование делают в четырех кирпичных сараях. Правда, молокозавод новый, хороший.

Я стал поворачиваться дальше, налево, обводя взглядом круг. По той стороне шоссе тянулись поля и пруды совхоза, перелески и дальше гряда холмов, уходящая за горизонт. Их я нарочно приберег напоследок, потому что на ближнем холме стоял радиотелескоп. Он был отлично виден – плоская чаша антенны на сквозной раскоряченной подставке. Антенна тоже сквозная, она только казалась сплошной и маленькой, с чайную чашку. На самом деле она была почти сто метров в диаметре, нам говорили на экскурсии. Под телескопом белели три коробочки: два служебных корпуса и один жилой, для научных сотрудников. Забор казался белой ниточкой, огибающей холм. Здорово! Очень хотелось увидеть, как телескоп поворачивается, но чаша неподвижно смотрела в небо, и ее огромная тень неподвижно лежала на склоне. Я загляделся, а тем временем приблизился автобус. Маленький, синий, с надписью: «Служебный». Не стоило и руку поднимать, этот автобусик был с радиотелескопа.

И вдруг он остановился. Дверцу даже открыли и крикнули: «Садись, мальчик!»

Я не стал бы рассказывать так дотошно про автобус и дорогу в город, если бы не Вячеслав Борисович. Он ехал в этом автобусе, он меня и посадил: водителю и Ленке Медведевой это бы и в голову не пришло. О нем я знал, что он научный сотрудник с радиотелескопа. Довольно молодой, светловолосый, в сером костюме. Приезжий. Их там было человек десять приезжих, остальные местные, как Ленка Медведева – радиотехник.

Вячеслав Борисович вел себя не по-начальнически. Он смеялся все время, подшучивал надо мной: почему я такой красный и взъерошенный и что я делал в лесопарке в учебное время? Я как-то растерялся и грубо спросил:

– А вы зачем в рабочее время катаетесь?

Он захохотал, хлопнул себя по ноге и воскликнул:

– Вопрос ребром, а? А знаешь ли ты, что такое нетерпение сердца?

Я покачал головой.

– На почту пришел пакет, – сказал он нежно. – Голубенький. Ты можешь не улыбаться. Настала моя очередь. И нетерпение сердца велит мне получить голубое письмо немедленно. В самое рабочее время. – Он потер ладони и притворно нахмурился. – Но оставим это. Хороши ли твои успехи в королеве наук – математике?

Я сказал:

– Не особенно.

Вячеслав Борисович мне страшно понравился, и мы очень весело доехали. Даже Ленка вела себя как человек. Понимаете, эти девчонки, едва наденут капроновые чулки, начинают на людей смотреть... Ну, как бы вам сказать? У них на лицах написано: «Нет, ты не прекрасный принц и никогда им не будешь». Но веселый нрав Вячеслава Борисовича действовал на Ленку Медведеву положительно. Она улыбалась всю дорогу и сказала на прощание: «Будь здоров, привет Симочке». Симка – это моя сестра, старшая.

Меня высадили на углу улицы Героев Революции, наискосок от тира, и я перебежал улицу, спустился в подвал и дернул дверь оружейной кладовой. Она была заперта. Все еще надеясь, что Степка в зале вместе с Суреном Давидовичем, я метнулся туда.

В стрелковом зале было темно, лишь вдалеке сияли мишени. Резко, сухо щелкали мелкокалиберные винтовки – трое ребят из техникума стреляли, Сурен Давидович сидел у корректировочной трубы, а Степки не было.

Тревога!

Когда я пригляделся в темноте, обнаружился еще Валерка – он махал мне со стопки матов. Сурен Давидович проговорил, не отрываясь от трубы:

– Зачем пришел?.. Хорошо, Верстович! – Это уже стрелку.

Мы могли ввалиться к Суру хоть среди ночи с любым делом или просто так. Только не во время работы. Сур – замечательный тренер и сам стреляет лучше всех. Проклятая астма! Сур был бы чемпионом Союза, если б не астма, я в этом убежден.

– Восьмерка на «четыре часа», – сказал Сур. – Дышите, Ильин, правильно.

Я спросил у Верки:

– Давно стреляют?

– Только начали, – прошептал Верка. – А Степка где?

– Помолчите, гвардейцы, – сказал Сурен Давидович. – Хорошо, Ильин! Бейте серию с минимальными интервалами!

Я сам видел, что тренировка началась недавно – мишени чистые. Значит, Сур освобождается через час. Раньше не отстреляются.

– Не узнаю вас, Оглоблин. Внимательней, мушку заваливаете!

Невозможно было целый час ждать. Я подобрался к Суру и прошептал:

– Сурен Давидович, тревога, Степа в опасности...

Он внимательно покосился, кашлянул, встал:

– Стрелки, продолжайте серию! Валерий, корректируй...

Верка, счастливый, кинулся к трубе, а мы вышли в коридор. Мне казалось, что Сурен Давидович очень рассержен, и я стал торопливо, путаясь, рассказывать:

– Степка уехал на новом такси из лесопарка, а в такси сидели шпионы...

– Какие шпионы? – спросил он. – Откуда шпионы?

Я вернулся к началу – как шел и увидел Федю-гитариста. Сур слушал вполуха, поглядывая на дверь, глаза так и светились в темном коридоре. Я зашпешил. Скоренько рассказал, как шофер свалился у пня. Сурен Давидович повернулся ко мне:

– Что-о? Тоже схватился за сердце?

– И еще упал. Это не все, Сурен Давидович!

– Подумай только, не все... – пробормотал он. – Рассказывай, Лешик, рассказывай.

Я рассказывал, и мне становилось все страшней. В лесопарке я на четверть – да что, на десятую так не боялся. Там мы были вместе. А где сейчас Степка? Я боялся, здорово боялся.

Когда я закончил, Сур проворчал:

– Непонятная история... Лично мне Киселев был симпатичен.

– Федя? Еще бы! – сказал я. – А теперь видите, что получается!

– Пока вижу мало. Пень был очень тяжелый, говоришь? – Он покосился на дверь, откуда слышались выстрелы, и тогда я понял...

– Оружие в нем, а в платке патроны! – завопил я. – Сурен Давидович! А на шее автомат, на гитарном шнуре!

– Лешик, не торопись. Оружие? – Он вел меня за плечо к кладовой. – Шпионам незачем прятать оружие. Я даже думаю, что шпиону просто не нужно оружие. Пистолетик, может быть... Но маленький, маленький. Бандит, грабитель – другое дело.

– Шпиону и оружие не нужно? Что вы, Сурен Давидович! Везде пишут: бесшумный пистолет, авторучка-пистолет...

– Авторучка – понятно, – говорил Сур, входя в кладовую. – Маленький предмет, укромный. Хранится на теле. Зачем целый пень оружия? Через пень-колоду... Где мой блокнот? Вот мой блокнот. Сядь, Лешик. Я думаю, что шпиону совсем не нужен пистолет. Шпион, который выстрелил хоть однажды, уже покойник... Побеги, пожалуйста, и пригласи сюда Валерика.

Верка не особенно обрадовался приглашению. Он корректировал стрельбу больших парней, покрикивал гордым голосом. Они тоже покрикивали: Верка путал, где чья мишень. Он вздохнул и побежал за мной, спрашивая:

– А что? Тревога? Вот это да!

Сур уже написал записку. Он сказал:

– Валерик, время дорого. Лешик все расскажет тебе потом, ни в коем случае не по дороге. Так? – (Я кивнул.) – Так. Вот что я написал заместителю начальника милиции капитану Рубченко: «Дорогой Павел Остапович! Ты знаешь, я из-за болезни не могу выйти „на поверхность“. Очень тебя прошу: зайти ко мне в тир, срочно. Не откладывай, пожалуйста. Твой Сурен». Валерик, беги. Если нет дяди Павла, передай записку майору. Если нет обоих – дежурному по отделу. Запомнил? Ты же, Лешик, ищи Степана. Тебе полчаса срока... нет, двадцать минут. А ты, Валерик, передай записку и сейчас же возвращайся.

Он посмотрел на нас и, чтобы приободрить, сказал:

– Гвардия умирает, но не сдается. Бе-егом ар-рш!

Мы начинаем действовать

Мы вылетели «на поверхность» и припустили по дворам. Что я мог успеть за двадцать минут? Пробежаться по улицам да заглянуть на почту. Милиция тут же, рядом. (Почта выходит на проспект, а милиция – на улицу Ленина, но двор у них один, общий с универмагом и химчисткой.) У нас есть правила, как вести себя при «тревоге». Сегодня я объявил ее, а вообще мог объявить каждый, от Сура до младшего, то есть Верки. Сурен Давидович никогда не приказывал, его и так слушались, но всегда обсуждали, как лучше сделать то или это. Когда же объявлялась тревога, споры-разговоры кончались. Сур становился командиром. Мне было приказано двадцать минут разыскивать Степку, а Верке – передать записку и возвращаться. Значит, я не должен заглядывать в милицию, хотя Степка, конечно уж, постарался навести милицию на след. И Верка напрасно поглядывал на меня, пришлось ему идти одному. Я посмотрел, как он нерешительно поднимается на крыльцо, а сам побежал дальше. На углу остановился, пригладил волосы. Казалось, все насквозь видят, зачем я иду на почту.

...Солнце теперь светило вдоль улицы, мне в лицо. Кто-то выглядывал из окошка математического кабинета на третьем этаже школы. Чудно было думать, что сейчас я виден из этого окна совершенно так же, как были видны Федя-гитарист и остальные двумя часами раньше. Только я шел к школе лицом, а не спиной, как почтари, и Федя не сидел на ступеньках.

Ударил стеклянная дверь. Пахнуло сургучом, штемпельной краской – нормальный запах почты. Я заставил себя не высматривать этих двух, которые хватались за сердце. Сунул руки в карманы и оглядывался, будто хочу приобрести марку.

Народу было немного, по одному у каждого окошечка. Степки не было. В самом деле, черта ли ему в этой почте!.. Кто-то оглянулся на меня. Пришлось для конспирации купить открытку за три копейки. От барьера я увидел, что оба почтаря на местах: один сидел за столиком с табличкой «Начальник отделения связи», второй работал на аппарате, трещал, как пулемет. Рядом с окошком, в котором продавались открытки, висело объявление, написанное красным карандашом: «Объявление! До 16:00 сего числа междугородный телефон не работает, так как линия ставится на измерение». «Как они ее будут мерить, эту линию?» – подумал я, взял свою открытку, и тут мне навстречу открылась дверь и вошел Федя-гитарист. Открытка выскочила из моих пальцев и спланировала в угол, к урне...

Я не спешил поднять открытку. Носком ботинка загнал ее за урну и, кряхтя, стал выуживать – смял, конечно. А Федя с изумительной своей улыбкой придвинулся к окошечку и попросил своим изумительным баритоном:

– Тамар Ефимовна, пяточек конвертиков авиа, снабдите от щедрот?

Та, ясное дело, заулыбалась. Я подобрал открытку и с дурацким видом стал подходить к улыбающейся Тамаре Ефимовне, а Федя установил ноги особенным, шикарным образом и разливался:

– Погода ликует, вы же тут сидите, не щадя своей молодости... – и всякую такую дребедень.

Поразительно, как быстро я его возненавидел. Два часа назад я смотрел на него с восторгом – что вы, Федор Киселев, первая гитара города, фу-ты ну-ты! Сур только что сказал, что Киселев ему нравится, а сейчас тревога, поэтому «нравится» Сура надо считать приказом.

Понимаете, до чего надо обалдеть, чтобы такие мысли полезли в голову?

– А, пацан! – сказал Федя. – Получи *конфетку*.

Он вынул из правого кармана карамельку «Сказка». На бумажке – тощий розовый кот с черным бантиком на шее и черными лапами. Внутри – настоящая конфета. Я развернул ее, но есть не стал. Купили они конфет все-таки! Зачем?! Вот дьявольщина!

А Суру я забыл рассказать про конфеты!

– Это вам, Тамар Ефимовна, – сказал Федя и подал ей такую же конфету.

– Вам... прошу вас... угощайтесь. – Он обошел все окошки, все его благодарили.

Прошло уже десять минут, но я отсюда уходить не собирался.

– Тетенька Тамара Ефимовна, – проныл я, – открытку я испортил, – и показал ей смятую открытку.

– Так возьми другую открытку, цена три копейки, – услышал я.

Услышал. Лица Тамары Ефимовны я не видел, потому что смотрел на Федю, а он достал из *другого* кармана конфету и ловко перебросил ее на стол начальника:

– Угощайтесь, товарищ начальник!.. И вы, пожалуйста! – Это уже старшему телеграфисту. – И вам одну. – Он обращался к девушке, подающей телеграмму, и достал очередную конфету опять из *правого* кармана...

– Я сегодня деньрожденник, угощайтесь!

– Тетенька, у меня денег больше нет, – с ужасом гудел я в это время, потому что был уверен: конфеты из правого кармана отравлены. И я не мог закричать: «Не ешьте!» До сих пор стыжусь, когда вспоминаю эту секунду. Мне, идиоту, казалось важнее поймать шпиона, чем спасти людей...

– Тетенька, дайте тогда конфе-е-етку...

Но поздно, поздно! Она уже хрустела этой карамелькой, а бумажка с розовым котом, аккуратно разглаженная, красовалась под стеклом на ее столе.

– Вот какой! – сказала Тамара Ефимовна. – Какие наглые пошли дети, просто ужас! Вы слышали, Феденька?

Все уставились на меня, лишь толстый телеграфист трещал на своей машине.

Федя обмахивался конвертами, как веером.

– Любишь сладенькое, а? Ты ж эту не съел, сладстена... – Он приглядывался ко мне очень внимательно.

Я начал отступать к двери, бормоча:

– Симке, по справедливости... Одну мне – одну ей... Сестре, Симке...

Без всяких усилий я выглядел совершенно несчастным и жалким.

Девушка, подающая телеграмму, покраснела – ей было стыдно за меня. Федя сказал:

– Держи, семьянин, опля!

Я не шевельнулся, и конфета (из правого кармана) упала на линолеум.

В эту секунду я почувствовал, что телеграфист, не поднимая головы и ничего не говоря, подал знак Феде. И сейчас же со мной случилось ужасное: будто меня проглотило что-то огромное и я умер, но только на секунду или две. Огромное выплюнуло меня. Конфета еще

лежала на чистом квадратике линолеума, между мной и гитаристом, и он смотрел на меня как бы с испугом.

Кто-то проговорил: «Очень нервный ребенок». Девушка сунулась поднять конфету, но Федя нагнулся сам, опустил конфету мне в руку и легонько подтолкнул меня к двери. Бам! – ударила дверь.

Я стоял на тротуаре, мокрый от волнения, как грузовая лошадь.

А за стеклом почти уже все двигали челюстями, жевали проклятые конфеты. Даже толстый телеграфист – я видел, как он сунул карамельку за щеку.

Они оживленно разговаривали. Кто-то показал пальцем, что я стою за окном, и я сорвался с места и ринулся к Сурену Давидовичу.

Двойная обертка

Степка не вернулся. В кладовой Верка чистил мелкокалиберный пистолет. Сурен Давидович брился, устроившись на своей койке под окошком, в глубине каморки.

– Гитарист раздает отравленные конфеты! – выпалил я. – Вот!

Сур выключил бритву.

– Эти конфеты? Почему же они отравлены? Вот водичка, напейся...

Правда, я отчаянно хотел пить. Глотнул, поперхнулся. Верка тут же врезал мне между лопаток.

– Отстань, Краснобровкин! – зарычал я. – На почту он пришел и раздает конфеты. В правом кармане отравленные, а в левом – не знаю.

– Опять почта? Сегодня слишком много почты. – Сур взял развернутую конфету, посмотрел. – Ты говоришь, отравлены? Тогда яд подмешали прямо на фабрике. Смотри, поверхность карамелек абсолютно гладкая. Давай посмотрим другую. – Он стал разворачивать вторую конфету и засмеялся: – Лешик, Лешик! Ты горячка, а не следопыт... – Сур снял одного розового кота, а под ним самодовольно розовел второй такой же.

Валерка захихикал. Дураку было понятно, что отравитель не станет заворачивать конфетку в две одинаковые бумажки.

– Кот в сапогах, – сказал Сур. – Автомат на фабрике случайно обернул дважды.

Ох я осел!.. Я невероятно обрадовался и немного разозлился. С одной стороны, было чудесно, что конфеты не отравлены и Тамар Фимна и остальные останутся в живых. С другой стороны, *зачем* он раздавал конфеты? Если бы отравленные, тогда понятно *зачем*. А простые? Или он карманы перепутал и своим дал отравленные, а чужим – и мне тоже – хорошие? Но я-то, я, следопыт!.. В конфетной обертке не смог разобраться. Действительно кот в сапогах. А я все думал: почему нарисован кот с бантиком, а называется «Сказка»? Сапоги плохо нарисованы – не то лапки черные, не то сапоги. «Попался бы мне этот художник!..» – думал я, рассказывая о происшествиях на почте.

Я упорно думал о неизвестном художнике, чтобы не вспоминать про то, как я умирал. Об этом я не рассказал, а насчет всего остального рассказал подробно. Верка таращил глаза и ойкал – наверно, Сур объяснил ему кое-что, пока меня не было.

Сур записал мой доклад в блокнот. Потыкал карандашом в листок.

– Из правого кармана он угощал всех, а из левого кармана – по выбору. Так, Лешик? В лесу он же говорил, что надо купить конфет... Хорошие дела...

– В левом отравленные! – страшным шепотом заявил Верка. – Точно, дядя Сурен!

– Не будем торопиться. – Он включил бритву. – Романтика хороша в меру, гвардейцы. – (Ж-ж-ж-жу-жу... – выговаривала бритва.) – Думаю, что все объяснится просто и не особенно романтично.

– Шпионы! – сказал я. – Тут не до романтики.

Он выключил бритву.

– Скажи, а я, случаем, не шпион?

– Вы?

– Я. Живу в подвале, домой не хожу, даю мальчикам странные поручения. Подозрительно?

– Вы хороший, а они шпионы, – сказал Верка.

– Никто не имеет права, – сердито сказал Сур, – обвинить человека в преступлении, не разобравшись в сути дела. Поняли?

– Поняли, – сказал я. – Но мы ведь не юристы и не следователи. Мы же так, предполагаем просто.

– Не юрист? Вот и не предполагай. Если я скажу тебе, что, возможно – понимаешь, *возможно*, – Киселев затеял ограбление? Горячка! Ты будешь считать его виноватым! А так даже думать нельзя, Лешик.

– Вот так так! А что можно?

– Изложить факты Павлу Остаповичу, когда он придет. Только факты. Долгонько же он...

Верка сказал:

– Он обещал быстро прийти. Говорит, освободится и живой ногой явится.

Сур посмотрел на часы. Я понял его. Он думал о Степке. Но кто разыщет Степку лучше, чем милиция?

Мы стали ждать. Сурен Давидович велел мне быть в кладовой, а сам пошел в стрелковый зал. Верка побежал во двор, высматривать капитана Рубченко. Я от волнения стал надраивать пистолет, только что вычищенный Веркой. Гоняя шомпол, заглянул в блокнот Сура.

Он был прав: в пенке хранится оружие, с конфетами передаются, предположим, записки, но почему все хваталось за сердце?

И тут Верка промчался в тир с криком:

– Дядя Сурен, дядя Павел пришел!

Капитан Рубченко

Павел Остапович Рубченко – друг Сура. Раньше они дружили втроем, но третий, Валеркин отец, умер позапрошлой осенью. Для нас Павел Остапович был вроде частью Сура, и я чуть на шею ему не бросился, когда он вошел, большой, очень чистый, в белоснежной рубашке под синим пиджаком. Он редко надевал форму.

– Здравия желаю, пацан!

– Здравия желаю, товарищ капитан!

– Какие у вас происшествия? Пока вижу – проводите чистку оружия. Опять школой пренебрегаешь?

– У, такие происшествия!.. Вы Степку не видели?

Он Степку не видел. Тут заглянул Сур и попросил одну минуту подождать, пока он примет винтовки. Рубченко кивнул в сторону тира и покачал пальцем. Сур сказал: «Вас понял» – и позвал меня оттащить винтовки. Ого! Рубченко не хотел, чтобы его здесь видели, следовательно, уже известно кое-что... Я выскочил, бегом потащил винтовки. Сур даже чистку отменил, чтобы поскорее выпроводить студентов из тира, и сам запер входную дверь. Теперь нам никто не мог помешать, а Степка, в случае чего, откроет замок своим ключом или позвонит в звонок. Я уселся так, чтобы видеть двор через окно. Сурен Давидович прикрыл дверь в кладовую, закурил свой астматол и показал на меня:

– Вот наш докладчик.

Рубченко поднял брови и посмотрел довольно неприветливо. По-моему, каждый милицкий начальник удивится, если его притащат по жаре слушать какого-то пацана.

– Алеша – серьезный человек. Рассказывай подробно, пожалуйста. – И открыл свой блокнот.

Я стал рассказывать и волновался чем дальше, тем пуще. «Где же Степка?» – колотило у меня в голове. Я вдруг забыл, как Федя познакомился с таксистом, какие слова они говорили у пенька. Сур подсказал мне по блокноту. Рубченко теперь слушал со вниманием, кивал, поднимал брови. Когда я добрался до разговора о конфетах – первого, еще на проселке, – хлопнула входная дверь и в кладовую влетел Степка.

Мы закричали: «Урур-ру!» Сурен Давидович всплеснул руками. Степан порывался с ходу что-то сказать и вдруг побелел, как стенка. «Что за наваждение! – подумал я. – Упустил он гитариста, что ли?»

Степка встал у двери, уперся глазами в пол – как воды в рот набрал. Таким белым я его еще не видывал.

Наверно, Сур что-то понял. Почувствовал, вернее. Он быстро увел Степку под окошко, посадил на койку и налил воды, как мне только что. Степка глотал громко и выпил два стакана кряду.

– Набегался хлопчик, – ласково сказал Рубченко. – Вода не холодная в графине? Напьешься холодного, раз-раз – и ангина!

Степка и тут промолчал. Даже Верке-несмышленишу стало совестно – он заулыбался и засиял своими глазищами: не обижайся, мол, дядя Павел, Степка хороший, только чудной.

Сурен Давидович сказал:

– Степа принимал участие в этом деле. – (Рубченко кивнул.) – После Алеши он тоже кое-что расскажет. Хорошо, Степик?

Степка пробормотал:

– Как скажете, Сурен Давидович.

Кое-как я продолжал говорить, а сам смотрел на Степку. Они с Суrom сидели напротив света, так что лица не различались. Я видел, как Сур подал ему винтовку и шомпол, придвинул смазку. Сам тоже взял винтовку. И они стали чистить. Степка сразу вынул затвор, а Сур, придерживая ствол под мышкой, открыл тумбочку и достал пузырек с пилюлями против астмы. Я в это время рассказал про пустую поляну и про следы в одну сторону, а Рубченко кивал и приговаривал:

– Так, так... Не было следов? Так, так... Подожди, Алеша. – Он повернулся к Степке. – Ты, хлопчик, до самого города проехал в такси?

Степка сказал:

– До места доехал.

– Куда же?

– Въехал в ваш двор, со стороны улицы Ленина. Через арку.

– Они тебя обнаружили?

– Я спрыгнул под аркой. Не обнаружили.

– Молодец! – горячо сказал Рубченко. – Ловко! Проследил, что они делали впоследствии?

В эту секунду Сурен Давидович щелкнул затвором и пробурчал:

– Каковы мерзавцы! Патрон забыли в стволе...

Капитан повернулся к нему:

– Прошу не мешать! Речь здесь идет о государственном преступлении!

Во! Я чуть не лопнул от гордости. Говорил я им, говорил – шпионаж! Я страшно удивился, почему Степка не обрадовался. Он швырнул свою винтовку на кровать и сказал тихим, отчаянным голосом:

– Сурен Давидович... Вон он, – Степка ткнул пальцем прямо в Рубченко, – он тоже хватался за сердце перед пеньком. Он – Пятиугольник-двести. Я видел.

Мы замерли. Мы просто ошеломенели. Представляете? И капитан сидел неподвижно, глядя на Степку. Сурен Давидович прохрипел:

– Остапович, как это может быть?

Но капитан молчал. А Степка вдруг прикрыл глаза и откинулся к стене. Тогда Рубченко выставил подбородок и ответил:

– Объясню без свидетелей. Государственная тайна! – и опять уставился на Степана.

Он смотрел сурово, словно ожидая, что Степка должен отречься от своих слов. Но где там! Степка вскочил и выкрикнул:

– Объясняйте при нас!

Сур прохрипел снова:

– Остапович, как это может быть?

– Пустяки, пустяки, – ответил Рубченко и живо завопил руками у себя на груди. – Ничего не может быть...

Поперек комнаты ширкнуло прозрачное пламя, щелкнула винтовка. Я ничего не понял еще, а капитан Рубченко уже падал со стула. Сурен Давидович смотрел на него, сжимая винтовку, и из стены, из громадной черной дыры сыпался шлак. Дыра была рядом с головой Сура.

Несчастье

Говорю вам, мы ничего не поняли. Мы будто ошеломенели. В косом столбе солнечного света блеснул седой ежик на голове Павла Остаповича, – капитан падал головой вперед, медленно-медленно, в полной тишине. Только шуршал черный шлак, осыпая белую клеенку на тумбочке. Степка еще стоял с поднятой рукой – так быстро все произошло. Я пока без страха, будто во сне, смотрел, как капитан грудью и лицом опустился на половицы, как из-под его груди снова ширкнуло пламя, ударило под кровать, и оттуда сразу повалил дым. Потом Сур вскрикнул: «Остапович!» – и попытался поднять капитана, а Степка неуверенно взял графин и стал плескать под койку, откуда шел дым. Я очнулся, когда Верка закричал и закатил глаза.

Мне пришлось вытащить его в коридор. Он перестал кричать и вцепился в меня. У меня до сих пор синяки – так он крепко ухватился за мои руки. Я сказал Верке:

– Сейчас же прекрати истерику! Надо помогать Сурену Давидовичу. А еще гвардеец!..

Он немного ослабил руки. Кивнул.

– Ты, может, домой побежишь? – спросил я.

– Я буду помогать, – сказал Верка.

– Нет, уходи домой, – сказал я, но это были пустые слова.

Верка по-детски, с перерывами, вздохнул и пошел за мной.

В кладовой остро пахло дымом. Павел Остапович лежал на кровати. Сур стоял над ним и жалобно говорил по-армянски, ударяя себя по лбу кулаками. Он совсем задышался. Мрачный, но несколько не испуганный Степка стоял набычившись и не смотрел в ту сторону.

Я прошептал:

– Степ, как это случилось? Он умер?

Степка дернул плечом. Я понял: умер. Но я все еще думал о случайном выстреле. Как же Сур, такой опытный стрелок, мог случайно выстрелить, доставая патрон из ствола?

Тогда Степка сказал:

– Смотри, – и показал куда-то вбок.

Я не мог отвести глаз от Сура и не понимал, куда Степка показывает. Он за плечи повернул меня к столу.

Там лежал поразительный предмет. Он был ни на что не похож. С первого взгляда он смахивал на стальную палку, но стоило секунду приглядеться, чтобы понять – эта штука не стальная, и даже не металлическая, и не папка уж наверняка. Даже не круглая. Овальная? Нет, бугристая, будто ее мяли пальцами. Зеленовато-блестящая. На одном конце был черный, очень блестящий кристалл, а у другого конца выступали две пластинки вроде двух плавни-ков. Несколько секунд я думал, что это сушеный кальмар – пластинки были похожи на хвост кальмара или каракатицы. В длину штука имела сантиметров тридцать.

– Видел? Это бластер, – прошептал Степа.

У меня совсем ослабели ноги. Бластер! В некоторых фантастических рассказах так называются ружья, стреляющие антимагией или лучевые. В рассказах, понимаете? Но мы-то были не в рассказе, а в доме три по улице Героев Революции, в подвальном этаже, переделанном под тир. И здесь, на столе оружейной кладовой, вдруг оказался бластер, который принес под пиджаком капитан Рубченко, заместитель начальника милиции.

Я поверил сразу – бластер настоящий. Степка прав. В косом свете бластер отливал то зеленым, то серым, волчьим цветом. Он был абсолютно ни на что не похож. Теперь я понял, что за пламя ширкало, почему в бетонной стене выжжено углубление размером с голову и, главное, почему выстрелил Сурен Давидович.

Я держался за край стола. Ох, слишком многое случилось за одно утро – и конца событий не было видно!

Шнурок

И еще оставалось тело Рубченко на кровати.

Мне было страшно заговорить, взять в руки бластер, взглянуть на Сурена Давидовича. Степка же был не таков. Он потрогал бластер и сказал нарочито громко:

– Совершенно холодный!

Сур услышал и обернулся. Ох, вспомню я эту картину... Как он смотрит коричневыми яростными глазами на разорение, на дрожащего Верку, на винтовки, валяющиеся в лужах, и на бластер... Он посмотрел и внезапно заметался, открыл железный шкаф с оружием и быстро-быстро стал запихивать в него винтовки. Потянулся к бластеру – Степка перехватил его руку.

– Это спуск, Сурен Давидович, эти вот крылышки.

Сур начал крепко тереть виски. Тер со злостью, долго. Потом проговорил:

– Конечно спуск. Вот именно... Где шнурок?

Степка показал пальцем – на полу, а я поднял. Черный шнурок от ботинок, вернее, два шнурка, связанные вместе. Все четыре наконечника были целы, торчали на узлах.

– Понимаю, – сказал Сур. – Брезгуешь... – Принял у меня шнурок, положил в шкаф. – Напрасно все-таки брезгуешь, Степан.

– Он предатель, – сказал Степка, показывая на Рубченко, – а вы его жалеете!

Я вздрогнул – рядом со мною закричал Верка:

– Врешь! Дядя Павел – папин друг, а не предатель, врешь!

– Так, мой мальчик... Степан, слушай меня: если Павел Рубченко – предатель, то и я предатель. Таких людей, как он... – Сур закашлялся. – Он не только честный воин. Не только храбрый и добрый человек. На моих глазах он двадцать лет проработал в милиции. И на фронте. И всегда был настоящим рыцарем...

Степка молчал. Трудно было не согласиться – такой человек на виду, как в стеклянной будке. Зато Сур очнулся от своего отчаяния и продолжал говорить:

– Мы потеряли много времени... Необходим врач. Кто позвонит в скорую помощь? Ты, Лешик? Придержите дверь. – Он осторожно поднял бластер и перенес в шкаф. Запер на два оборота. – Ах, Остапович!.. Ах, Остапович!.. Лучше бы... – Он осекся.

Я знал почему. Он сто раз дал бы себя сжечь этим бластером, лишь бы не стрелять в друга. Он выстрелил, спасая нас.

И, посмотрев на нас, он подобрался, тряхнул головой, стал по виду прежним, даже погладил Верку, как всегда, от носа к затылку.

– Да, тяжелое положение... В скорую нельзя обращаться. Степа, Алеша! Загляните в четвертый подъезд, квартира шестьдесят один. Доктор Анна Георгиевна... Пригласите ее сюда. Что сказать? У нас раненый.

Мы побежали. Степка на ходу сказал:

– Правильный приказ.

– Почему? – спросил я.

Он ответил:

– А вдруг *эти* уже на скорую пробрались?

– Кто – эти?

– С бластерами.

– А зачем им пробираться?

Степка только свистнул. Тогда я возразил:

– Доктор Анна Георгиевна тоже могла пробраться.

– Чудной... – пропыхтел Степка. – Она же пенсионерка, дома принимает. Видишь табличку?

Я видел. Квартира 61, медная яркая табличка: «Доктор А. Е. Владимирская».

Степан позвонил и вдруг сказал свистящим шепотом:

– Он меня было... того. Рубченко ваш...

– Он же не в тебя стрелял – в Сура!

– Да нет, – прошептал Степка, – не из бластера. Он так... Глазами, что ли. Я будто помер на полсекунды.

– Ой, а меня... – заторопился я, но тут дверь отворилась и из темной прихожей спросили:

– Ко мне?

Я ответил, что к доктору и что в тире лежит раненый.

– Сейчас, ждите здесь, – сказал голос, как мне показалось, мужской.

В прихожей зажегся свет. Мы вошли, но там уже никого не оказалось. Будто с нами разговаривали здоровенные часы, которые стучали напротив двери. Потрясающие часы! Выше моего роста, с тремя гирями, начищенными ярче дверной таблички. Часы тут же проиграли мелодию колокольчиками и стали бить густым тройным звоном – одиннадцать часов. Я охнул, потому что все началось ровно в половине девятого, всего два с половиной часа назад. В школе прошло три урока – и столько всего сразу! И Верка еще. А Верка очень нежный и доверчивый. Позавчера подошел к милиционеру и спросил: «Дядь, почему вам не дают драчных дубинок?..»

Зазвенело стекло. Кто-то запричитал тонким, старушечьим голосом. Резко распахнув дверь, в прихожую выскочила женщина в белом халате, с чемоданчиком, совершенно седая. Она стремительно оглядела нас синими эмалевыми глазами. Спросила басом:

– Раненый в тире? – и уже была на лестнице.

А мы едва поспевали за ней. Вот так пенсионерка! Из квартиры пищали: «Егоровна!» – она молча неслась вниз по лестнице, потом по дорожке вдоль дома и по четырем ступенькам в подвал. Степка забежал вперед, распахнул дверь и повел докторшу по коридору в кладовую.

Доктор Анна Егоровна

Сурен Давидович был в кладовой наедине с Рубченко. Стоял, прислонившись к шкафу, и хрипел астматолом. Когда мы вошли, он поклонился и проговорил:

– Здравствуйте, Анна Георгиевна. Вот... – Он показал на койку.

– Вижу. Меня зовут Анна Егоровна... Ого! Детей – за дверь.

– Я расстегнул рубашку, – сказал Сур.

Она достала стетоскоп из чемоданчика. Мы, конечно, остались в комнате, в дальнем углу, под огнетушителями. Анна Егоровна что-то делала со стетоскопом, вздыхала, потом стукнула наконечником и бросила прибор в чемоданчик.

– Давно произошел несчастный случай?

Сур сказал медленно:

– *Убийство* произошло двадцать минут назад.

Анна Егоровна опять сказала: «Ого!» – и быстро, пристально посмотрела на Сурена Давидовича. На нас. Опять на Сура.

– Что здесь делают дети?

Степка шагнул вперед:

– Мы свидетели.

Она хотела сказать: «Я не милиция, мне свидетели не нужны». У нее все было написано на лице: удивление перед такой странной историей и от почти прямого признания Сура. Мы тоже показались ей не совсем обычными свидетелями. Она сказала:

– Моя помощь здесь не требуется. Смерть наступила мгновенно, – и повернулась к двери.

Но Сур сказал:

– Анна Георгиевна...

– Меня зовут Анна Егоровна.

– Прошу прощения. Я буду вам крайне благодарен, если вы согласитесь нас выслушать. Слово офицера, вам нечего бояться.

Как она вскинула голову! Действительно «ого!». Она была бесстрашная тетка, не хуже нашего Степана. Она уже успела крепко загореть и выглядела просто здорово: круглое коричневое лицо, белые волосы, крахмальный халат и круглые ярко-синие глаза.

– Слушаю вас, – сказала Анна Егоровна.

– Я прошу разрешения прежде задать вам два вопроса.

Она кивнула, не сводя с него глаз.

– Первый вопрос: вы ученый-врач?

– Я доктор медицинских наук. Что еще?

– Когда вы последний раз выходили из дому?

– Вчера в три часа пополудни. – Ее бас стал угрожающим. – Чему я обязана этим допросом?

Сур прижал руки к сердцу так похоже на *тех*, что мы вздрогнули. Но это был его обычный жест благодарности.

– Доктор, Анна... Егоровна, сейчас вы все-все поймете! Очень вас прошу, присядьте. Прошу. Сегодня в восемь часов утра...

Сурен Давидович рассказывал совсем не так, как я. Без подробностей. Одни факты: заведующий почтой, старший телеграфист, поездка на такси, оба разговора Феди-гитариста с шофером, история с конфетами, потом капитан Рубченко.

О выстреле он рассказал так:

– Эта история была сообщена Павлу Остаповичу не вся целиком. Он остановил Алешу... Когда, Лешик?

– Когда пень грузили в такси, – поспешно подсказал я.

– Да, в такси. Павел Остапович начал расспрашивать второго мальчика...

– Вот этого, – сказала Анна Егоровна.

– Да, этого, Степу. Он сообщил, что пень доставили во двор милиции.

– И почты...

– Да. В этот момент я разрешил себе восклицание, не относящееся к делу. Павел Остапович меня осадил. Меня это крайне удивило. Мы с ним дружили почти тридцать лет... – Он закашлялся.

Докторша смотрела на него ледяными глазами.

– Да, тридцать лет! Мальчики об этом знают. И Степка в эту секунду сорвался и заявил, что капитан Рубченко тоже хватался за сердце, стоя перед пеньком.

– Вот как... – сказала Анна Егоровна.

– Павел Остапович не возразил. Напротив, он начал поспешно извлекать из-под пиджака некий предмет, подвешенный на шнурке под мышкой. Не пистолет, Анна Егоровна. Пистолет, подвешенный таким образом, стреляет мгновенно. Этот же предмет... Я вам его покажу.

Шкаф отворился с привычным милым звоном. Степка пробормотал: «Дьявольщина!» Вот он, бластер... Не приснился, значит.

– Этот предмет, доктор, он висел на этом шнурке, видите? Прошу вас посмотреть, не касаясь его.

– Странная штука.

– Именно так, доктор. Она висела на петле-удавке, никаких антабок не имеется. Висела неудобно. Ему пришлось извлекать этот предмет три-четыре секунды.

– Вы настолько точно заметили время?

– Я кадровый военный. Это мой круг специфических навыков.

Она кивнула очень неодобрительно.

– Вы понимаете, Анна Егоровна, я следил за Остаповичем с большим интересом. Предмет не походил на оружие, и я подумал о каком-то вещественном доказательстве, с которым хотят нас ознакомить. Но... смотрите сюда. С конца предмета сорвалось пламя, пролетело рядом с моей головой... Я сидел вот так – видите? Отверстие в бетонной стене он прожег за долю секунды. А дети? Здесь были дети, понимаете?

– Скорее ниша, чем отверстие, – задумчиво сказала докторша. – Покажите ваше левое ухо... М-да, ожог второй степени. Больно?

– Какая чепуха! – крикнул Сур. – «Больно!» Вот где боль! – кричал он, показывая на мертвого. И снова осекся.

Помолчали. Теперь Анна Егоровна должна была спросить, почему Сур беседовал с Рубченко, держа в руках винтовку. Или просто: «Чем я могу помочь, я ничего не видела». Она сказала вместо этого:

– Я обработаю ваше ухо. Поверните голову.

– Вы мне не верите, – сказал Сур.

– Разве это меняет дело?

– Доктор! – сказал Сур. – Если бы речь шла о шайке бандитов...

– М-да... О чем же идет речь? – Она бинтовала его голову.

– До сегодняшнего дня я думал, что подобного оружия на земле нет. На всей земле.

– Вы бредите, кадровый военный, – сказала докторша. – Лазерных скальпелей не достанешь – что верно, то верно. Погодите... Вы серьезно так думаете?

– Эх, доктор... – сказал Сур. – Лешик, открой дверь. Смотрите осторожно, из-за косяков. И вы, доктор, выйдите. Смотрите из коридора.

Он прижался вплотную к стене, оттолкнул ногой дверь и сказал: «Стреляю...» Мы услышали – ш-ших-х! – и стенка над шкафом вспучилась и брызнула огненными шариками, как электросварка. Сурен Давидович, с черным, страшным лицом, в белом шлеме повязки, вывернулся из-за косяка.

– Входите. Этой штукой, доктор, можно за пять минут сжечь наш город дотла. Может быть, люди с таким оружием уже захватили почту, милицию, телеграф... Вы понимаете, о чем я говорю?

Что видел Степка

Тело Павла Остаповича покрыли простыней. Нам обоим докторша дала по успокоительной таблетке. Мы устроили военный совет. Первым выступил Степка.

Его приключения начались у кондитерского магазина, где водитель покупал конфеты, а Федя охранял свой ценный груз. Степка всю дорогу сидел в правом переднем углу кузова. Пень лежал у левого борта, на мягких веревках для привязывания мебели. А едва машина остановилась у кондитерской, Федя-гитарист выскочил из кабины и сунулся в кузов.

Степка успел забраться под скамью – знаете, такие решетчатые скамьи вдоль бортов. Втиснулся и загородился свернутым брезентом и оттуда выглядывал, как суслик из норы. Федя же осмотрел «посредник» и принялся его поглаживать. «Дьявольщина! – рассказывал Степка. – Я даже поверил, что чурбак живой. Курица так с яйцом не носится. Ну, потом шофер принес конфеты и сказал, что оставшиеся два квартала будет ехать медленно, чтобы Федя успел подготовить хотя бы дюжину-другую. И они поехали медленно».

Степка не рискнул посмотреть в окошечко, что они там делают, в кабине. Он выбрался из укрытия и, когда машина въехала под арку, метнулся к заднему борту и спрыгнул. Такси проехало в глубину двора – Степка шел следом – и развернулось таким образом, что задний борт встал напротив одного из сараев. Гитарист тут же вылез, забрался в кузов. А шофер прямо направился к водителю милицейской «Волги», которая стояла чуть поодаль. Водители поговорили, подошли к заднему борту такси и заглянули внутрь. И тут, как выразился Степка, «началась самая настоящая дьявольщина».

Сержант с милицейской машины был здоровенным парнем, еще крепче таксиста. Он посмотрел в кузов, крикнул, схватился за сердце и стал падать. Шофер Жолнин не смог его удержать, такого здоровяка, и он ударился о борт машины, разбил губы до крови. Киселев из машины схватил его за волосы, тряхнул. Тогда он пробормотал: «Это красивая местность», на что Жолнин ответил: «Вижу, все в порядке» – и стал утирать ему лицо носовым платком. Причем сержант очень сердился и плевался кровью. Жолнин что-то ему сказал на ухо. Держа платок у лица, сержант ушел в милицию, вернулся с ключом от сарая и вложил его в висячий замок. Другой милиционер – старшина Потапов, мы его знали – спросил, за каким шутком он лезет в сарай и что у него с физиономией. Сержант ответил: «Мебель из ремонта привезли». – «Нет у отдела мебели в ремонте», – сказал Потапов и, естественно, заглянул в кузов машины. Ну, опять хватание за сердце и «красивая местность», и буквально через полминуты старшина Потапов вместе с Киселевым и сержантом выволакивали из машины этот пень... Вот дьявольщина! Они поставили пень сразу за дверью, и Степка было заликовал, что сможет все видеть, да рано обрадовался – они повозились в сарае и расчистили от старья небольшую площадку в глубине. Они работали как одержимые, а устроив «посредник», стали водить к нему разных людей. Степка поместился на пустых ящиках и коробках, сваленных у заднего входа в универмаг, и, хотя не мог видеть «посредник», отмечал всех людей, которые приходили в сарай. Вот список. Продавщиц универмага – пятеро. Первой была,

конечно, Нелла, и привел ее Федя-гитарист, а остальные приводили друг друга, по цепочке. Из милиции побывало восемь человек, с почты и телеграфа – шестеро. Других людей, которых Степка не знал, двадцать три человека. Да, еще две продавщицы газированной воды. Они шли и шли, эти люди, пока Степан не сбился со счета. Побывавшие у «посредника» уже вели себя во дворе как хозяева. Степку шуганули с ящиков, у сарая поставили милиционера. Тогда Степка догадался забежать в соседний двор и стал искать дырку в задней стене. Повезло! Сарай был щелястый. Широкая щель нашлась рядом с «посредником».

Степка сменил позицию как раз тогда, когда я в тире рассказывал Суру об утренних чудесах. Вот почему я это понял: первыми Степан увидел в сарае начальника почты и Вячеслава Борисовича, научного сотрудника с телескопа. Вячеслав Борисович сердился и говорил раздраженно-вежливо:

– Не заходит ли шутка слишком далеко? Звонят о письме, потом говорят: ошибка... Почему вы храните мою посылку в этом бедламе?

– Исключительно для скорости, товарищ Портнов...

Они подходили к «посреднику».

– Не споткнитесь... Сейчас подъедет ваш водитель...

Готово! Он схватился за сердце, бедный веселый человек. Постоял, как будто размышляя о чем-то, и спросил:

– Это красивая местность? Нелепо...

– Что делать, – сказал почтарь. – Вот и автобус.

– Где Угол третий?

– Ты прошел мимо него – гитарист Федор Киселев.

– А, удачно! Зову водителя. Связью снабдит Киселев?

Почтарь кивнул. Вячеслав Борисович вышел и вернулся с водителем автобуса...

Степка говорит, что Вячеслав Борисович оставался на вид таким же веселым и обаятельным, а остальные обращались с ним почтительно и звали его Угол-одиннадцать.

Да, Степке было о чем рассказать! Одним из последних явился Павел Остапович Рубченко. Он говорил сердитым, начальственным басом:

– Отлучиться нельзя на полчаса! Паноптикум! Что здесь творится, товарищ дежурный?

– Чудо природы, товарищ капитан! – отрапортовал дежурный. – Вот, у задней стенки!

Капитан шагнул вперед, присматриваясь в полутьме... Ну и ясно, чем это кончилось. Правда, он тоже показал свой характер. Не произнес еще пароля, распорядился поставить охрану у задней стенки сарая, снаружи:

– Весь состав прошел обработку? Хорошо. Потапова нарядите, с оружием!

Дежурный сказал:

– Есть поставить Потапова.

И они вышли.

Степану приходилось снова менять место. Он вспомнил, что окна лестничных площадок над универмагом выходят в этот двор, и побежал туда и еще добрых полчаса смотрел. С трех наблюдательных позиций он насчитал примерно пятьдесят человек, приходивших в сарай, кроме тех, кто являлся по второму разу как провожатый. С нового поста было видно, как Киселев распоряжается у сарая и каждому выходящему что-то сует в руку. Потом он ушел. Да, в самом начале милицейский газик укатил и вернулся через сорок минут. Сержант привез тяжелый рюкзак, затащил его в сарай. За ним поспешили несколько человек, видимо дожидавшиеся этого момента. Степка заметил, что они теперь выносили из сарая небольшие предметы – кто в кармане, кто за пазухой. Среди них был и Вячеслав Борисович. А детей в сарай не пускали.

Снова капитан Рубченко

Пока Степан рассказывал, я только кряхтел от зависти и досады. Как я не догадался пройти на почту через двор, уму непостижимо! В двух шагах был от Степки, понимаете?

Анна Егоровна слушала и все чаще вытягивала из кармана папиросы, но каждый раз смотрела на Сура и не закуривала. Сур исписал второй лист в блокноте. Когда Степка закончил словами: «Я подумал, что вы с Алехой беспокоитесь, и побежал сюда», Анна Егоровна вынула папиросу. Сур сказал:

– Прошу вас, не стесняйтесь, Анна Егоровна.

Она жадно схватила папиросу губами, Сур чиркнул спичку.

– Литром дыма больше, литром меньше, – сказал Сур.

– Пожалуй, такого не придумаешь, – сказала Анна Егоровна. – Еловое полено!.. Покажите ваши записи, пожалуйста... Так-так... Киселев устойчиво именуется Третьим углом. Хорошенький уголок! Он руководит, он же обеспечивает связь... Складывается довольно стройная картина.

– Какая? – живо спросил Сур.

– Гипноз. Пень, который они называли «посредником», маскирует гипнотизирующий прибор. Жуткая штука! Но кое-что выпадает из картины. Дважды гипнотизировал сам Киселев, и вот этот вот разговор: «Развезем коробки по всем объектам».

– Вижу, – сказал Сур. – Коробки эти мог потом уже привезти в рюкзаке сержант. Осмелюсь вас перебить, Анна Егоровна. Картина может быть та или иная, дело все равно дрянь. Время идет. Первая задача – известить райцентр. Как быть с ним, ваше мнение? – Сур показал на койку.

– Сейчас надо заботиться о живых, – сказала Анна Егоровна. – Правильно. Необходимо ехать в район. – Она повернулась к Степке. – Горсоветовских работников ты знаешь в лицо? Некоторых... Они приходили в сарай? Нет? Впрочем, все течет, могли и побывать покамест.

– Телефон и телеграф исключаются, – сказал Сур.

Она кивнула, сморщив лицо. Теперь было видно, что она уже старая.

– У меня машина, – сказала докторша, – «москвич». До райцентра-то пустяк ехать, два часа, но кто знает положение на дорогах? Ах, негодяи! – сказала она и ударила по столу. – Знать бы, какую пакость они затеяли!

Степка сказал:

– Может, все-таки шпионы?

Сур промолчал, но докторша презрительно махнула рукой:

– В Тугарине шпионы? Брось это, следопыт... Секрет приготовления кефира и реле зажигания для «запорожцев»! Брось... У меня такое вертится в голове... – отнеслась она к Суру, но Степан не унимался.

– Дьявольщина? – спросил он.

Докторша серьезно ответила:

– Это бы полбеды, потому что черти – простые существа. Их обыкновенным крестным знамением можно спровадить. Как действует это оружие?

– Что такое «крестное знамение»? – спросил Степка шепотом.

Я ответил, что не знаю, а Сур в это время говорил, что не может судить об этом оружии – о бластере то есть, – так как за долю секунды, пока оно работало, ничего нельзя было понять.

– В конце концов, не важно, как оно действует, – сказала Анна Егоровна. – Мне что важно: форма очень уж странная. Смоделировано отнюдь не под человеческую кисть. Простая палка. Ни ручки, ни приклада... Антабок этих ваших нету, придела.

– Анна Егоровна, – сказал Сур, – именно на эти странности я вам и указывал в начале разговора.

– Вы думаете... – сказала она.

Сур кивнул несколько раз. Теперь я не выдержал и влез в разговор:

– Марсианское оружие бластер! Видели, как пыхнуло? Аннигиляционный разряд, вот что!

– Ну, пусть марсианское, – сказала она. – Я не люблю оружия, следопыты. Слишком хорошо знаю, как плохо оно соотносится с человеческим организмом. Товарищ Габриэлян, я хотела бы забрать этот властер с собой, в район. Для убедительности. Да и одного из мальчиков. Лучше этого. – Она показала на меня. – Второй пригодится здесь, вы совсем задыхаетесь. Властер придумали!..

– Бластер, – поправил я.

– Бластер, властер... – проворчала Анна Егоровна. – Пакость! Что-то у меня было противоматематическое, для инъекций...

Она нагнулась к своему чемоданчику, откинула крышку. Сур рассматривал бластер, направив его кристалл в потолок. Вдруг докторша тихо проговорила: «Ого!» – очутилась около Рубченко, тронула его веко и молниеносно нагнулась к груди. Мы вскочили. Анна Егоровна тоже встала. Лицо у нее было красное, а глаза сузились. Она сказала:

– Сердце бьется нормально. Он ожил.

Ну, это было чересчур... Ожил! Степа и тот попятился в угол, а у Сурена Давидовича начался сердечный приступ. Анна Егоровна «вкатил» ему слоновую дозу анальгина, потом занялась «бывшим покойником» – это все ее выражения, конечно. Движения у нее стали быстрые, злые, а голос совершенно хриплый и басистый. Раз-раз! – она выслушивала, выстукивала, измеряла, а бедный Сур смотрел изумленно-радостными глазами из-под бинтов. Вот уж было зрелище! А время только подбиралось к двенадцати, понимаете? За четыре часа разных событий накопилось больше, чем за двадцать шесть лет – столько мы со Степаном вдвоем всего прожили. Едва Сур немного оправился, докторша приказала упаковать бластер для дороги. Я принес из мастерской футляр для чертежей, забытый кем-то из студентов, – коричневая труба такая разъемная и с ручкой сбоку. Сур обмотал бластер ветошью, опустил его в трубу, плотно набил ветошью, как пыж, поверх бластера и закрыл крышку. Она была свободная – Сур подмотал лист бумаги. Мы помогали. Докторша в это время еще возилась с Павлом Остаповичем. Ему тоже забинтовала голову; бинтов пошло меньше, чем на голову Сурена Давидовича. Оказывается, ухо забинтовать труднее, чем лоб с затылком.

– Ну, я готова, – сказала Анна Егоровна. – Раненому ухода не требуется. – Она посмотрела на Степкино лицо и пробасила: – Дьявольщина! На выходном отверстии уже соединительная ткань.

Для нас это была китайская грамота. Сур спросил:

– Доктор, вы не ошибались, когда установили... гм...

– Смерть? Голубчик, это входит в *мой* круг специфических навыков. – Она язвительно ухмыльнулась. – Но предположим, я ошибалась. Бывает. А вот чего *не бывает*: за сорок минут, прошедших от одного осмотра до другого, свежая рана приобрела вид заживающей, трехдневной давности. Поняли?

– Нет, – сказал Сурен Давидович.

– Признаюсь, и для меня сие непонятно. Да, вот еще, посмотрите...

Мы придвинули головы. На клочке марли докторша держала овальный кусочек такого же материала, из которого был сделан бластер. Серый с зеленым отливом или зеленый с серым – он все время менялся и был похож на травяного слизняка.

– Это было прикреплено к твердому небу раненого, вдоль.

– Как прикреплено? Боже мой!.. – простонал Сур.

– На присоске. У вас найдется коробочка?

Степка нырнул под стол, выудил пустую коробочку из-под мелкокалиберных патронов. «Слизняк», положенный на дно, сразу прихватился к нему – прилип.

– Опля! – сказала Анна Егоровна. – Класть в вату не требуется. Прячь в карман, Алеша. Через пять минут я подгоню машину.

Я спрятал «слизняк» в карман. Докторша пожала руку Сурену Давидовичу:

– Ну, держитесь. Учтите, спустя полчаса он может и подняться. Честь имею...

– Какая женщина! – потрясенно сказал Сур. – Гвардейцы, вы познакомились с русской Жанной д'Арк!

В этот момент на меня накатило. Если с вами не случается, так вы и не поймете, как накатывает страх в самое неподходящее и неожиданное время. До пятидесяти пяти минут двенадцатого я не боялся, а тут меня затошнило даже. Мы со Степаном привыкли всегда быть вместе. И вдруг – уезжать. Я сказал:

– Не поеду никуда.

– Вот еще какой! – сказал Степка.

– Почему я должен ехать? Я останусь с Суреном Давидовичем!

– Ты лучше расскажешь, у тебя язык хорошо подвешен, – уговаривал Сур.

– У всех подвешен! – отругивался я. – Не поеду!

– Боевой приказ, – сказал Сур. – Выполняй без рассуждений.

Я вздрогнул. У моей ноги заговорил очень тихий, очень отчетливый голосок: «Пятиугольник-двести! Вернись к „посреднику“». Пауза. Потом снова: «Пятиугольник-двести! Вернись к „посреднику“».

Степка зашипел:

– Рация. Понял? Федька с поляны докладывал. Понял? Опять геометрия – пятиугольники!

Я выудил эту штуку из кармана. Она пищала: «Пятиугольник-двести, отвечай». И сейчас же на полтона ниже: «Пятиугольник, говорит Угол третий. Я иду к тебе».

– Киселев, – с тоской произнес Сур. – Ну ладно, Киселев...

Его обмякшая фигура вдруг распрямилась. Он выдернул из шкафа боевой пистолет Макарова, сунул за пазуху, запер шкаф, оттиснул печать на дверце, ключи бросил Степке, выхватил у меня «слизняк» и переложил его в железную коробочку из-под печати, сунул ее в мой нагрудный карманчик и рявкнул еще неслышанным нами голосом:

– Алексей! Бегом! Перехвати доктора у гаража, сюда не возвращаться! Степан! Наблюдать снаружи, не вязаться! Марш!

Он, задыхаясь, протащил нас по коридору, выкинул наружу и захлопнул дверь. У меня в руках был бластер в чехле для чертежей.

Я «инфекционный больной»

– Ну, выполняй приказ! – выговорил Степка, сильно морща нос и губы. – Выполняй!

– А ты?

Он выругался и побежал. Шагах в двадцати он обернулся, крикнул: «Иди!» – и побежал дальше. Я понял, куда он бежит, – к пустой голубятне посреди двора. Я, кажется, заревел. К гаражам явился с мокрой физиономией – это я помню. Из третьего или четвертого кирпичного гаражика выползал серый «москвич», мирно попыхивая мотором. Анна Егоровна, как была, в халате, сидела за рулем. Она открыла правую заднюю дверцу, и я влез в машину.

– Вытри лицо, – сказала докторша.

Я полез в карман за платком.

– Погоди, Алеша. Знаешь, не вытирай. Так будет лучше.

Я не понял ее. Тогда она объяснила:

– Видишь, я в халате? Везу тебя в районную больницу. У тебя сильно болит под ложечкой и вот здесь, запомни. Ложись на заднем сиденье, мое пальто подложи под голову... Погоди! *Это* спрячь под мое сиденье.

Я положил бластер под сиденье и лег. Наверно, у меня был подходящий вид для больного – докторша одобрительно кивнула.

– Больше ничего не произошло, Алеша?

– Произошло. Киселев идет к Рубченко на выручку.

– Ты видел его?

– Нет. Маленькая штука заговорила...

– Понятно, – перебила Анна Егоровна. – Держись.

Мы поехали. От гаражей сразу налево, пробираясь по западной окраине, в обход города. Так было немного ближе, и дорога ничуть не хуже, чем мостовая на улице Ленина, и все-таки я знал: мы нарочно объезжаем город. «Лежи, друг, лежи», – приговаривала Анна Егоровна. За последним домом она поехала напрямик, по едва просохшей строительной дороге, чтобы миновать пригородный участок шоссе. Потом сказала: «Садись». Я сел и посмотрел в заднее окно. Город был уже далеко. Окна домов не различались, крошечные дымки висели над красным кубиком молокозавода.

– В сумке еда, – сказала докторша, не оборачиваясь. – Поешь.

– Не хочется, спасибо.

– Откуси первый кусок – захочется.

Я послушался, но без толку. Еле прожевал бутерброд, закрыл сумку. И трясло здорово – она так гнала машину, что ветер грохотал по крыше.

– А гараж вы нарочно оставили открытым? – спросил я.

– А наплевать! Ты смотри, чтобы твой властер не шарахнул из-под сиденья.

– Нет, Сур его хорошо запаковал. Маленькую штуку тоже – в стальную коробочку.

– Чтобы не разговаривала? Догадлив твой Сур... Как его звать по-настоящему?

Я сказал.

– Армяне – хороший народ... Но подумай – никого не обгоняем, уже восемь километров проехали!

Я возразил, что обгоняли многих. Анна Егоровна объяснила, что все эти грузовики идут по окрестным деревням, а в райцентр или на железную дорогу никто не едет. Откуда она знает? Водительский глаз. Она тридцать лет ездит, с войны.

Так мы разговаривали, и вдруг она сказала:

– Ложись и закрой глаза. Дыши ртом, глаза не открывай. Приехали, кажется...

– Глаза для чего?

– Для больного вида.

«Уй-ди, ох, уй-ди...» – выговаривал гудок. Потом провизжали тормоза, и Анна Егоровна крикнула:

– Попутных не беру – инфекционный больной!

Ответил мужской голос:

– Проезд закрыт. На дороге авария.

– Я объеду. Ребенок в тяжелом состоянии.

– Проезд закрыт до семнадцати часов.

Вмешался второй мужской голос:

– Извините, доктор, – служба. Мы бы с милым сердцем пропустили, так начальство нас не помилует...

Первый голос:

– Что разговаривать, возвращайтесь! В Тугарине хорошая больница. Пока проговорите, мальчишка и помрет.

Анна Егоровна:

– Покажите ваше удостоверение, сержант. Я должна знать, на кого жаловаться в область.

Второй голос:

– Пожалуйста, пожалуйста! Мы бы с милым сердцем!

Новый мужской голос:

– Доктор, не подхватите до города? Они меня задержали, и мое моточудо испортилось от злости.

– Не могу, голубчик... – флегматично проговорил бас Анны Егоровны. – У меня больной. Жиклер продуйте... Сержант, гарантирую вам взыскание.

Кто-то отошел от нашего «москвича» – стало светлее. Тогда третий голос зашептал:

– Доктор, я знаю объезд через Березовое... В район требуется, хоть вешайся... Возьмите, я иммунный.

– А машину бросите?

– Жениться еду, не до машины. Отбуксируют эти же, я им трояк дам! – торопился голос.

– В детстве чем болели? – спросила Анна Егоровна.

Я чуть не прыснул.

– Свинкой, ветрянкой, этой... коклюшем...

– Договаривайтесь о машине, только быстро! – И после паузы: – Алеша, ты лежи. Если я чихну, начинай стонать... Давайте, давайте!

Передняя дверца хлопнула, солнце с моих ног перебралось на голову – мы ехали обратно.

– Что с мальчиком? – спросил новый попутчик.

– Свинка, – отрезала докторша.

– Ай-яй-яй... Очень плох?

Она промолчала. Потом спросила:

– Поворачивать на Березовое, говорите? Там бревно, шлагбаум.

– Объедем, ничего. Отличный грунт. Я на рыбалку там проезжал две тысячи раз. Или чуть поменьше.

– Резвитесь, жених?

– Мое дело жениховское, доктор. Почти молодожен.

– Значит, объезд через Березовое тоже запрещен? И там авария?

– Это почему? – спросил попутчик.

– Не знаю. Вы-то не сказали при милиции об этом варианте. В город просились...

Молчание. Я осторожно приоткрыл глаз и увидел, что попутчик внимательно смотрит на докторшу. У него был вздернутый нос и рыжие ресницы.

– Вот и бревно, – сказала она. – А вы для жениха не староваты, юноша?

Тогда он выпалил:

– Ох, доктор! В Тугарине творится неладное.

Машина остановилась. Нас обогнал грузовик. Анна Егоровна прищурилась на попутчика.

– У вас ангина, – сказала она. – Господи, где моя зажигалка?

– Доктор! – застонал попутчик. – Какая ангина?

– Покажите горло... Ну? – (Он испуганно открыл рот.) – Хорошо. Алеша, ты можешь сесть. Мы едем на Березовое. Что вы заметили неладного в городе?... Осторожно, ухаб... И как ваше имя-отчество?

Понимаете, дядька тоже ехал в район, чтобы поднять тревогу. Он знал чепуху: что телефон междугородный не работает, автобусы отменены до семнадцати часов и что заводу тракторного оборудования запретили отправлять продукцию на железную дорогу – ближняя станция тоже в райцентре. Он говорил, путаясь от волнения:

– Я мальчуганом оставался в оккупации, под фрицами. Вы небось военврач. Майор медицинской службы? Ну, вы страха не знали...

– Как сказать...

– Извиняюсь, конечно, – поспешно сказал попутчик. – Вы *того* страха не знаете. Словно бы воздух провонял – отовсюду страшно. От приказов страшно, от всего... И сейчас завоняло. Кто же тут виноват? – Он испуганно смотрел на Анну Егоровну. – Авария – это действительно. Сорвало мост, конечно, столбы повалило... – Он вертелся на сиденье, глядя то на меня, то на докторшу. – И телефон порван. Доктор! – вскрикнул он. – Я вам говорю. Точно! Фактов нет, только воняет. Туда нельзя, сюда...

– Что же вы поехали без фактов?

– С испугу, – жалким голосом признался дядька. – Польза будет, и ноги унесу. Страшно. Меня в гестапо били.

– Вот как, – сказала докторша. – Однако же чутье вас не обмануло. Подчас и с испугу действуют правильно.

– Не обмануло? И факты есть? – вскинулся он. – То-то я смотрю – мальчик и не болен вовсе.

– А вы не смотрите, – сказала докторша.

Я не помню, как звали попутчика – то ли Николаем Ивановичем, то ли Иваном Николаевичем. Мы расстались очень скоро. В Березове, у брода.

Березовский деревянный мост сгорел незадолго перед нашим приездом – сваи еще дымились. Шипели уголья, падая в воду. Откос перед радиатором машины застилало дымом.

– Чистая работа, – сказала Анна Егоровна. – Парома здесь не держат?

Мальчишки завопили, набегая на машину:

– Тетенька, за старицей брод! Хороший, грузовики перебираются!

Один, маленький, прошепелявил:

– Овцы тоже перебираются.

Другой малыш развесил губы сковородником, заревел и припустил наутек – испугался белого халата. Попутчик сказал:

– Правильно, хороший брод! В малую воду тормоза будут сухие.

– Едем. – Она тронула машину в объезд старицы.

Я тоже знал эти места – чуть выше по реке водились крупные раки. До города отсюда не больше пяти километров, и с высокого старого берега можно было рассмотреть телескоп. Я с самого начала не хотел уезжать, и теперь, когда мы начали крутиться, не удаляясь от города, мне стало паршиво. Пускай теперь рыжий трус изображает больного! И я страшно обрадовался, когда Анна Егоровна спросила:

– Отправить тебя домой, Алексей?

Она курила и хмуро посматривала на темный склон противоположного берега. Лучшего места для засады нельзя придумать: мы внизу, освещены солнцем, – бей, как куропаток...

– Я постою тут, пока вы переезжаете, – сказал я. – Не заблужусь, отсюда телескоп виден.

– Виден, да по дороге все надежнее, – сказала она. – Возьми сверток с бутербродами, коробочку давай сюда.

Я отдал коробочку со «слизняком», взял ненужные бутерброды, открыл дверцу и зацепился ногой за футляр с бластером. «Зачем мне эти бутерброды?» – подумал я и покосился

на Анну Егоровну. Она что-то регулировала на приборном щитке. Я зацепил футляр носком ботинка, выкинул в траву, вылез и захлопнул дверцу. Попутчик в подвернутых брюках уже шлепал по воде – он пойдет впереди машины.

– Счастливо, мой мальчик...

Серый «москвич» осторожно пополз в воду, заблестели мокрые колеса, а я стоял на берегу и смотрел, пока машина, забирая влево, не перевалила через гребень высокого берега. Мелькнул белый рукав, хлопнула дверца, и остался только запах бензина. Тогда я поднял футляр с бластером и напрямик, через холмы, побежал в город.

Черная «Волга»

Отличный, солнечный был день. Тихий, по-весеннему жаркий. Над березовыми перелесками кричали кукушки, в овраге пели зяблики. Штук двадцать, не меньше – столько зябликов сразу я сроду не слыхивал. Перелески светились насквозь: между березовыми стволами зелены сверкали, как спинка зимородка. А я мчался, как мотоцикл, волоча бластер и пакет с бутербродами. Холм с телескопом служил мне ориентиром, я держал его справа, почти под прямым углом к своему направлению. Понимаете, я мог выбрать дорогу намного короче, прямо к восточной части Тугарина, через совхозную усадьбу. Идти через усадьбу не хотелось, и я знал почему. В совхозном клубе, что в центре усадьбы, вчера выступал Федя-гитарист.

На бегу я думал о трусах. Рыжий попутчик – несомненный трус. У них всегда чутье на опасность, как у Кольки Берсенева из нашего класса. Едва запахнет дракой, он исчезает. Он как барометр. Если он исчез из компании, то наверняка жди неприятностей – подеремся, либо из кино выведут, либо затеем на овраге слалом и переломаем лыжи... Ладно. Трусы есть трусы. Этот, по крайней мере, побежал в верном направлении.

Я не задумывался, правильно ли было воровать бластер у Анны Егоровны. Гордясь своей храбростью, топал по тропинкам, надеясь сегодня же пустить бластер в дело, и неожиданно выскочил на шоссе рядом с памятным местом. Метрах в тридцати справа темнел въезд на ту самую проселочную дорогу, ведущую к поляне «посредника». Очень хотелось отдохнуть, но я побежал дальше – к городу, конечно инстинктивно держась боковой грунтовой тропки. Так же инстинктивно остановился за кустарником, когда услышал шум встречной машины. Фр-р-р! – черная «Волга» промчалась мимо. И как будто в ней я увидел Сура на заднем сиденье.

Сначала я решил, что обознался. Сурену Давидовичу чистая гибель в такую погоду вылезать из подвала. Он и домой ходит только по ночам, чтобы принять ванну. Из-за проклятой астмы он и в тире стал работать – в сыром подвале ему хорошо дышится. «Их болезнь – наше здоровье», – говорит он о подвале... Нет, в черной «Волге» Сура быть не могло...

Стоп! Киселев! Туда собирался Киселев! В подвале железная дверь, и на окнах решетки, но ведь Сур сам откроет дверь, не побоится! И я помчался за машиной, вылетел на холм. Так и есть... Пустое шоссе сверкало под солнцем – «Волга» свернула в лесопарк. Они приходили к Суру и увезли его на поляну «посредника» – машине другого пути не было. Или по шоссе прямо, или на ту дорогу, в лесопарк.

И я перепрыгнул через канаву и побежал обратно. И только теперь я догадался бросить докторские бутерброды.

Находка и пропажа

Лес был тих. Здесь, за дорогой, даже синицы молчали. Душный воздух пахнул пылью, которая уже успела лечь на землю после машины. Следы покрышек на мягкой дороге вились узорчатыми змеями. Метрах в ста пятидесяти от шоссе свернули влево. Я удивился: поляна

«посредника» была справа. Но машина виляла между деревьями, держась уверенно одного направления. Иногда буксовала, продирая траву до земли... Хлоп! Из-под ног метнулся заяц! Это было здорово. Это *было* бы здорово, если бы заяц удирал от меня как полагается. А он, прежде чем скрыться за кустом, остановился и несколько секунд сидел и крутил левым глазом вниз-вверх – рассматривал меня, понимаете?

И тогда я увидел, что «Волга» шла по колее другой машины. Той же ширины колея, но колеса другого рисунка...

Я даже попятился и шепотом спросил у зайца: «А твое какое дело?» Получалось, что он показал мне вторые следы: длинные отпечатки его задних лап тянулись аккуратно по следам неизвестной машины.

Это было довольно далеко от дороги. Я стоял и смотрел на следы, когда зафыркал мотор. Я отошел, спрятался за елкой. Черная машина плыла между деревьями навстречу мне. Водитель сидел один и смотрел на дорогу, вытянув шею. Оказывается, обе машины останавливались совсем близко: вот два полукруга следов, где они разворачивались и поехали обратно. А кругом натоптано каблуками – много и разными. И людей не видно. Ни шагов, ни голосов – тихо. И птицы молчали, будто они рыбы, а не птицы.

Я поискал глазами: хоть заяц-то здесь?

Он был здесь. Сидел перед можжевельным кустом, приподняв толстую морду над кучкой хвороста. Когда я топнул на него ботинком, заяц переложил уши и лениво отпрыгнул за куст. Я заставил себя не обращать на него внимания и принялся отыскивать следы Сурена Давидовича.

Прямо передо мной была прошлогодняя тропа к оврагу. Она тускло блестела под густым орешником – еще не просохла. Издали казалось, что после снега по ней не ходили. Я сунулся туда – на обочине следы... В десятке шагов дальше, прямо уже посреди тропы, след левого ботинка Сура. Тупоносый, с рифленой плоской подметкой, так называемая танкетка.

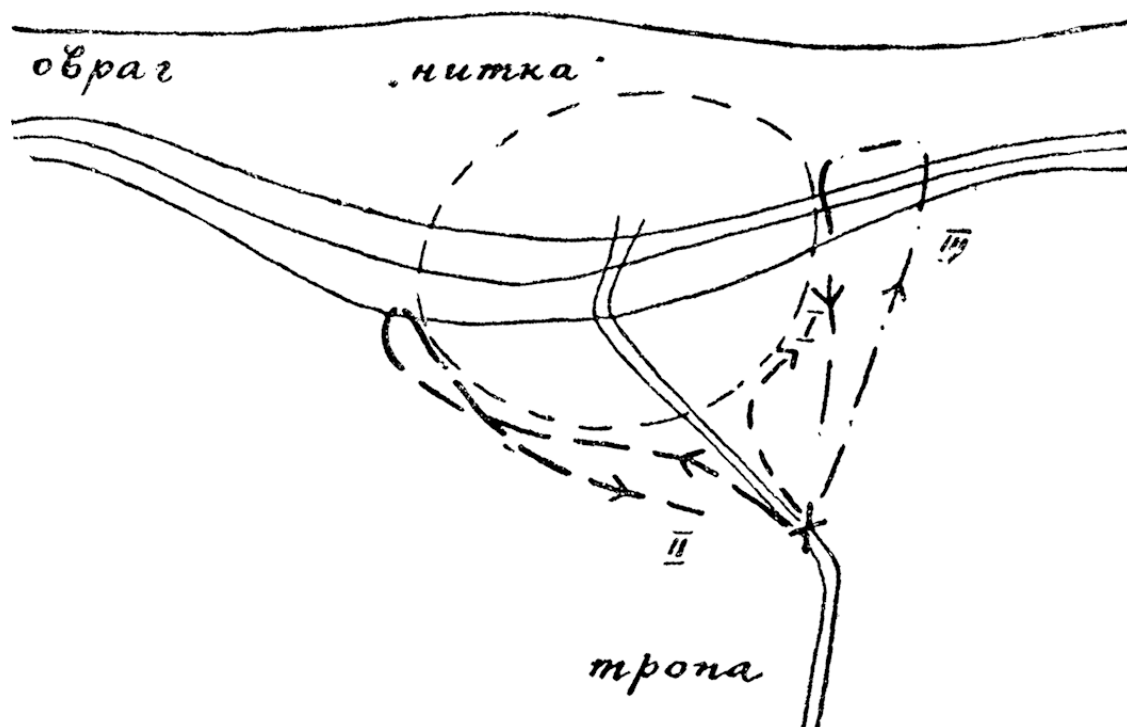
Я почему-то взвесил на руке бластер и двинулся к оврагу.

Теперь послушайте. Я шел по этой тропинке в сотый раз за последние два года и отлично знал, что она выводит к глубокому бочагу в ручье, что на дне оврага. Я ногами – не головой – знал, что от места, где развернулась «Волга», и до оврага метров пятьдесят. Первый поворот, налево, у сухой сосны, а спустя еще двадцать метров, где кончается орешник, второй поворот и сразу спуск в овраг. Так вот, я прошел первый поворот, не теряя следов Сура, но после второго поворота тропа исчезла. Вместе со следами она словно растворилась в земле, а впереди взамен обрыва оказался ровный, густой осинник.

Сначала я подумал, что проскочил второй поворот. Вернулся к сухой сосне... Опять то же самое! Миновав орешник, тропа исчезла вместе со следами. Ну ладно. Тропу весной могло смыть. Я двинулся напрямик через осинник и вышел к оврагу, но не к бочагу, а много левее. Странное дело... Я пошел вправо, держась над оврагом, и потерял его. Я даже взвыл – запутался, как последний городской пижон! А плутать-то негде, овраг все время был справа от меня. Естественно, я взял еще направо, чтобы вернуться к обрыву, и очутился знаете где? На том же месте, откуда начинал, – у поворота тропы. Совсем разозлившись, я продрался через кусты вниз по склону и пошел вдоль ручья, еле выдирая ноги из грязи. И через двадцать метров уперся в откос. Овраг, который должен был тянуться еще на километр, внезапно кончился. Чертыхаясь, едва не плача, я выбрался наверх и очутился опять у второго поворота тропы! Поодаль, у куста боярышника, сидел заяц – столбиком – и делал вид, что мои мучения его абсолютно не интересуют...

Я проголодался и устал. Из ботинок текла грязь. Футляр с бластером был весь заляпан. Я никак не мог взять в толк, что происходит, пока мне не пришла в голову одна мысль. Под крышкой футляра была подмотана бумага, а в кармане у меня была Степкина авторучка. Я

достал то и другое и нарисовал план местности, как я помнил ее, до всех этих оползней. Вот он, этот план.

Маршрут I: я пошел от крестика, с тропы, прямо и должен был выйти к бочагу, а оказался – видите где? Далеко справа. Маршрут II: от крестика взял левой и оказался слева от бочага. Маршрут III: когда я шел низом, по ручью, натолкнулся на откос и вылез к крестик, хотя воображал, что лезу прямо, никуда не сворачивая. Понимаете? Большого куска оврага – вместе с песчаным бочагом, зарослями малинника, чертовыми пальцами на дне ручья, таволгой, птичьими гнездами, отличным лыжным спуском – не существовало. Часть оврага сгнула, и ничего не оставалось взамен. Как бы вам объяснить? Если вы возьмете простыню и в середине ножницами вырежете дырку, то куска материи не будет. Но останется дырка. Если бы овраг рухнул в одном месте, то оставалось бы что-то вроде дыры. А тут получалось, будто вокруг вырезанного места продернули нитку и затянули ее, так что совсем ничего не оставалось – ни вырезанной материи, ни дырки. Ошалеть можно! Мне казалось, что надо попробовать еще раз, и еще, и еще. Я весь изодрался о кусты и лез к несуществующему бочагу, как черепаха на стену ящика. А заяц мелькал то здесь, то там и нагло усаживался поодаль, когда у меня опускались руки.

Потом он показал мне конфету. Или принес – я так и не знаю до сих пор. Он перепрыгнул дорогу, вскинул морду – одно ухо торчком – и исчез, а в метре от конца тропы, под листом подорожника, блеснула на солнце конфетная бумажка. Та самая, с розовым котом в сапогах-недомерках.

Я поднял «кота». В нем было что-то завернуто – не конфета, другой формы... «Слизняк!» Говорящая зеленая штукovina!

Разворачивая ее и рассматривая, я машинально брел вперед. И, подняв глаза, увидел, что стою на пропавшем куске тропы, за вторым поворотом. Подо мною был спуск, истыканный каблуками, слева светился ободранный ствол сухого дерева, за которое все хватаются при подъеме, а внизу, на песке бочага, виднелась свежая тропинка...

Стоп, где же футляр с бластером? Я положил его на землю, когда поднимал «слизняк».

Оглянувшись, я увидел, что сзади нет орешника, из которого я сию секунду выбрался. Что тропа выходит из багульника, и он тянется кругом, и за оврагом тоже. Что нет тропы, нет следов и, конечно, нет чехла с бластером. Я попал внутрь «дыры». Ее края сомкнулись, будто невидимая рука аккуратно и неслышно затянула нитку.

Зона корабля

Честно говоря, мне хотелось удрать. Но я остался. Я не желал бегать кругами, как оса, закрытая в банке от варенья. О том, что говорящая штука служит пропуском и на вход и на выход, я просто не подумал, и вообще не мог же я бросить Сурена Давидовича!

Вот следы его ботинок – редкие и глубокие. Видимо, он сбежал с обрыва. Я, оскальзываясь каблуками, побрел по следам. На середине сухого русла, на мокром, темно-рыжем песке их можно было читать, как на бумаге. Следы танкеток Сурена Давидовича и рядом размашистый след узких, гладких подошв. Потом еще какие-то следы, очень большие и тупоносые.

Я опустил на палый ствол ивы. По моему колену суетливо пробежал рыжий паучок. Свои глаза он нес отдельно, в целом миллиметре впереди головы. Рядом со мной по откосу ходил круглый солнечный блик – передвигался в листья орешника над головой и опять возвращался к ногам. Я посмотрел вверх. Там не было солнца – странный зеленый туман с желтыми разводами.

Помню, я похлопал глазами, покрутил в пальцах «слизняк», лизнул его и сунул в рот. Я не знал, какое там твердое или мягкое нёбо, и прилепил штуку над серединой языка. Она прилипла и заговорила в тот момент, когда я понял, что круглый луч ищет меня, скрытого за откосом. Я не удивился. Чему уж тут удивляться...

Внутри головы звучал тонкий голос, знакомо растягивающий окончания слов: «Ты включен, назови свое имя». Я потрогал штуковину языком – она смолкла. Отпустил – снова: «Ты включен».

Штуковина пищала голосом Неллы из универмага – выкрутасным и глупо-кокетливым. Я пробормотал:

– Эй, Нелка, это ты? – (Знакомая все-таки!)

Голос в третий раз спросил о моем имени. По правилам их игры полагалось назвать имя. Ладно. Я наугад сказал: «Треугольник-одиннадцать». Голос отвяжется, и я встану. Я все равно поднимусь и отыщу Сура.

– Треугольник одиннадцатый, – кокетливо повторил голос и умолк.

Когда он говорил, во рту становилось щекотно. Я встал и шагнул. Луч качался на моей груди, как медаль. Странное сооружение поблескивало верхушкой, держа меня в луче. Оно стояло на дне оврага. Башня, похожая на огромную пробку от графина. Зеленого, тусклого, непрозрачного стекла. В высоту она была метров пять, с широкой плоской подошвой. Шар наверху – аспидно-черный, граненый, как наконечник бластера. Я стал пробираться по оврагу, держась как можно дальше от зеленой башни, и вдруг грани забрызгали огнями по ветвям и траве, по моему лицу. Я ослеп, споткнулся, упал на руки. Свет был страшной силы, почти обжигающий, но в моих глазах, под багровыми пятнами, осталось ощущение, будто я видел у подножия башни человеческую фигуру, полузакрытую ветвями. Не открывая глаз, я пополз через кусты. Если туда пошел Сур, я пойду тоже. Пойду. Пойду...

– Девятиугольник – зоне корабля, – заговорил Нелкин голос. – Позвольте глянуть на детеныша. Везде кругом спокойствие.

Несколько секунд молчания: Нелка выслушивала ответ.

Снова ее голос:

– Девятиугольник идет в зону.

Представляете, я еще удивился, что пришельцы возят с собой детенышей. И позволяют нашим – загипнотизированным, конечно, – смотреть на своих детенышей. Приподнявшись, я осторожно открыл глаза – шар не блестел. Листья рядом с ним были желтые и скрученные. И детеныша я не увидел, но человек, сидящий на плоской опоре корабля, поднял руку и крикнул:

– Алеша, перестань прятаться, иди сюда! Я тебя жду.

Я пошел как во сне, цепляя носками ботинок по песку, глядя, как Сурен Давидович сидит на этой штуковине в своей обычной, спокойной позе, и куртка на нем застегнута, как всегда, до горла, на лбу синие точки – следы пороха, а пальцы желтые от астматолла. Я подошел вплотную. Толстый заяц подскочил и сел рядом с Суреном Давидовичем.

Часть 2 Полдень

Наводчики и «посредники»

Когда Сурен Давидович прогнал нас из подвала, Степка забрался на старую голубятню. Он был в отчаянии: Сурен Давидович остался в тире один – больной, задыхающийся, обожженный. Как он отобьется от Киселева с его бандитами? А Степка мог отстреливаться не хуже взрослого, он из пистолета выбивал на второй разряд. И его выставили!

Степан сидел в пыльном ящике голубятни и кусал ногти. Во дворе, на песчаной куче, играла мелкота. Потом прибежал Верка – только его здесь не хватало... Он удрал от бабушки, из-за стола. Рот весь в яичнице. Степке пришлось посвистеть, и Верка, очень довольный, тоже влез на голубятню. Приближался полдень, ленивый ветер гнал пыль на окна подвала. Там Сур ждал врагов, и под третьим окном от угла лежал на узкой койке Павел Остапович. Глядя на эти мутные, покрытые тусклым слоем пыли, радужные от старости стекла, Степан понял: наступает его главный полдень, о котором говорилось в любимых стихах Сура: «Неправда, будто бы он прожит – наш главный полдень на земле!..»

– Ты на кота похож, – вдруг фыркнул Верка.

– Молчи, несмышлениш! – сказал Степан.

– А дядю Павла уже закопали?

Степка дал ему по загривку.

И тогда в подворотне простучали шаги. Весь в черном, подтянутый, спокойный, Киселев спустился к дверям подвала – ждал, пока откроют. Он даже не оглядывался – стоял и смотрел на дверь. Потом немного наклонился и заговорил в щель у косяка. «Бу-бу-бу...» – донеслось до голубятни. Поговорив, он вынул из кармана плоскую зеленую коробку и приложил к замочной скважине. К ручке двери гитарист не прикасался, ее повернули изнутри: он толкнул дверь коленкой и исчез в темноте коридора. Стрельбы, шума – ничего такого не было. Вошел как к себе домой.

Верка захныкал:

– Я тоже хочу к дяде Сурену!.. – Степка пригрозил, что отведет его домой, к бабке.

Это было в двенадцать часов. Тетка с балкона третьего этажа кричала на весь двор: «Леня, Ле-оня, ступай полдникать!» По ней можно часы проверять. Степка раздраженно обернулся на крик. Он знал, что Сурен Давидович не даст гитаристу выстрелить. Даже кашель не помешает Суру выстрелить первым, его знать надо... Но Сур пока не стрелял. А Киселев... Бластер бьет бесшумно. В прямом солнечном свете да еще сквозь стекла вспышки не увидишь...

«Дьявольщина! Что же там происходит? Сур не мог опоздать с выстрелом, – думал Степка. – Он держит Киселева под прицелом, и я как раз нужен – связать или что. А дверь в подвал не заперта. Этот гад не догадался захлопнуть замок».

– А ну вниз, Валерик!

Они слезли. Верке было велено посидеть с малышами – он захныкал. Степка погрозил ему кулаком, проскользнул в прохладный, полутемный коридор и сразу услышал из-за перегородки громкий рычащий голос Киселева:

– ...Во-пи-ющая! Отдал ключи и оружие мальчишке – невероятная глупость!

Сурен Давидович спокойно отвечал:

– Угол третий, не увлекайся. Ключи и оружие отдал Габриэлян, а не я.

Дьявольщина! «Габриэлян, а не я»! А он – кто?

Вмешался слабый голос:

– Братья, так ли необходимы эти трещотки? В милиции целый арсенал. И своего оружия хватает... как ты его называешь?

– Бластеры, – сказал Сур. – Мальчишки так называют.

– «Мальчишки»! – рявкнул Киселев. – Немедленно, немедленно изолировать этих мальчиков! Пятиугольник, ты связался с постом?

– Дорожный пост не отзывается, – доложил слабый голос. – Контроль показывает помехи от автомобильных двигателей. Разъездились...

– Докторша гоняет лихо, – пробормотал Киселев. – Дадим Расчетчику запрос на блюдец. Ты еще не видишь, Пятиугольник?

– Пока еще слепой.

– Ну подождем. Дай запрос на блюдец, – сказал Киселев. – Квадрат сто три! Сейчас же отыщи мальчишку с ключами.

Голос Сурена Давидовича ответил:

– Есть привести мальчишку...

Скрипнул отодвигаемый табурет.

– Так или иначе, его необходимо... – заговорил Киселев, но Степка больше не слушал. Вылетел наружу, подхватил Верку и потащил его через улицу, за киоск «Союзпечати». Теперь их сам Шерлок Холмс не увидел бы, а они сквозь стекла могли смотреть во все стороны.

– Валерик, срочный приказ! – выпалил Степка. – Дуй к Малгосе, выпроси ее платье в горошек, синее, скажи – мне нужно. Приказ! И ни слова никому!

Верка так и вытаращилась. Степка сказал, чтобы платье завернули получше, завязали веревочкой. Если Малгоси нет дома, пусть Верка ждет ее. Платье притащить на голубятню. И никому ни под каким видом пусть не говорит, что в свертке и где Степан. Даже дяде Суру.

Верка пропищал: «Есть!» – и убежал. А Сурен Давидович вышел из подвала и скрылся в глубине двора. Постоял чуть-чуть, поправил куртку и ушел.

Вот дьявольщина, он должен бояться Сура! Проклятые гады! Они добрались до Сура, понимаете? Этого нельзя объяснить. Вы не знаете, как мы любили Сура. Теперь Степка за ним следил, а наш Сурен Давидович дружелюбно разговаривал с врагами и сам стал одним из них под кличкой Квадрат – сто три.

– Ну держись!.. – пробормотал Степан. Перемахнул через улицу. На бегу бросил связку ключей сквозь решетку в колодец перед заложенным окном подвала. Выглянул из-за трубы и увидел Сурена Давидовича.

«А, идешь к голубятне... Знаешь, где искать...» Вот он скрылся за нижней, дощатой частью голубятни и позвал оттуда: «Степик!»

Боком, кося глазами то на ноги Сура, то в приоткрытую дверь подвала, Степан скользнул в коридор. При этом со злорадством подумал: «Велел наблюдать – пожалуйста...»

В коридоре стояла огромная, коричневого дерева вешалка. На ней круглый год висел рыбацкий тулуп Сурена Давидовича, тоже огромный, до пят.

«Получай свой главный полдень», – подумал Степан, забираясь под тулуп. В кладовой молчали. Сколько времени Верка будет бегать за платьем? Если Малгося пришла из школы и если сразу даст платье – минут двадцать. Пока прошло минут пять. Сур, наверно, обходит подъезды. Только бы Верка не нарвался на него.

Малгося Будзинская – девочка из нашего класса. Она полька, ее зовут по-настоящему Малгожата. Штуку с переодеванием они со Степаном уже проделали однажды, под Новый год, – поменялись одеждой, и никто их не узнавал на маскараде.

В кладовой молчали. Степка, сидя под тулупом, томился. Решил посчитать, сколько раз за сегодня пришлось прятаться. Раз десять или одиннадцать – сплошные пряталки. Наконец заговорили в кладовой:

– Блюдце не посылают, – проговорил Рубченко-Пятиугольник. – Рискованно. Над нами проходит спутник-фотограф.

– Будьте счастливы, перестраховщики, – сердито отозвался Киселев.

Рубченко засмеялся:

– Э-хе-хе...

Степка слышал, как он повернулся на кровати и как заскрипел табурет-развалюха под Киселевым.

– А ты не гогочи, – тихо проговорил Киселев. – Забываешься...

– Виноват, – сказал Рубченко. – Виноват. Капитану Рубченко не повезло, а монтеру Киселеву пофартило.

– Ты о чем это?

– Да так...

– О чем, спрашиваю?!

– Один стал Углом, а другой – Пятиугольником, – пробормотал Рубченко.

– Потому и сидишь в низшем разряде, – наставительно сказал Киселев, – что путаешь себя, Десантника, с *телом*. Это надо изживать, Пятиугольник. Ты не отключился от Расчетчика?

– Молчит.

Киселев выругался. Рубченко заговорил приниженно:

– Я, конечно, Пятиугольник... всего лишь.

– Ну-ну?

– *Телу* моему, капитану милиции, полагался бы Десантник разрядом повыше...

– Возможно. У него должны быть ценные знания. Говори.

Рубченко откашлялся. Было слышно, что он кашляет осторожно – наверно, рана еще болела.

– Так я что говорю... Старуха и мальчишка могут проскочить в район. Так? Неприятный факт, я согласен. Но треба еще посмотреть, опасный ли этот факт. Пока районное начальство раскумекает, пока с командованием округа свяжется, а генерал запросит Москву – о-го-го! – минимально шесть часов, пока двинут подразделения. Минимально! Так еще не двинут, еще не поверят, уполномоченного пошлют удостовериться, а мы его...

– Мы-то его используем, – сказал Киселев.

– Во! А он в округ и отпрапортует: сумасшедшая старуха, провокационные слухи и тэ дэ.

– Здесь тебе виднее. Ты же милицейский, «мусор»...

– Правильно, правильно! – лстиво подхватил Рубченко. – А за «мусора» получите пятнадцать суточек, молодой человек!

Степка засунул кулак в рот и укусил. Потом еще раз. Он уже понимал, что Павел Остопович не всегда был таким, что его только нынешним утром превратили в Пятиугольника,

и сначала Степка почувствовал облегчение, потому что самое страшное было думать: они всю жизнь притворялись. И даже Сурен Давидович.

Но только сначала было облегчение. Теперь Степка кусал кулак, пока кровь не брызнула на губы, и всем телом чувствовал, какой он маленький, слабый, и сидит, как крыса, в шкафу, провонявшем овчиной.

– ...Пятиугольник – Пятиугольник и есть... – заговорил Киселев. – Округ, подразделения... В этом ли дело? Информация всегда просачивается, друг милый. На то она и информация... – Киселев, похоже, думал вслух, а не говорил с капитаном. – Загвоздочка-то в ином, в ином... Расчетчик не помнит ни одной планеты, сохранившей ядерное оружие. Мерзкое оружие. Стоит лишь дикарям его выдумать, как они пускают его в ход и уничтожают весь материал. Кошмарное дело.

– Ты видел это?

– Да. Много десантов назад. Пустая была планета.

– Сколько материала гибнет! – сказал Рубченко и вдруг прохрипел: – Х-хосподи! Так здесь ядерного оружия навалом! Как они выжили, Угол третий?

– Не успели передрались, – равнодушно сказал Киселев. – Сейчас это не важно. Ты радиус действия водородной бомбы знаешь?

– Откуда мне знать? Говорили, правда... на лекции...

– Ну-ну?

– Забыл. Склероз одолевает.

– Отвратительная планета, – сказал Киселев. – Никто ничего толком не знает. Бомбы, ракеты, дети... Мерзость. А ты говоришь – уполномоченный. Он больше нужен нам, чем им: хоть радиус действия узнаем.

– Не посмеют они бросить, ведь на своих!

– Могут и посметь.

Они замолчали. Стукнула дверь, быстро прошел Сурен Давидович. Степка, как ни был потрясен, удивился: Сур совершенно тихо дышал, без хрипа и свиста. Где же его астма?

– Как сквозь землю провалился, – сказал Сур – Квадрат – сто три. – Объявляю его приметы.

– Объявил уже, – прошелестел Рубченко. – Приметы его известные...

– Почему он скрывается от тебя? – спросил гитарист.

– Умен и подозрителен, как бес. Прирожденный разведчик.

Степан все-таки покраснел от удовольствия. Киселев выругался, сказал:

– Не будем терять время, Десантники. Квадрат – сто три, корабль не охраняется, а обстановка складывается сложная. Справишься? Там еще Девятиугольник. Предупреждаю: лучеметами не пользоваться!

– Есть, – сказал Сур. – Пятиугольник, машину!

– Вызываю.

– Машин хватает? – спросил голосом Сура Квадрат – сто три.

Киселев ответил:

– Штук тридцать. Пока хватает.

– Я вижу, вы времени не теряли в самом деле.

Они замолчали. Наверно, Квадрат – сто три смотрел в окно – голос Сура проговорил:

– Какой сильный ветер... Пыль.

– Не теряли... – подтвердил Киселев. – Айн момент! Квадрат, ведь ты был в «малом посреднике»!

– Конечно. Ты меня и выпустил.

– Ты же не в курсе насчет детей. Сюрпризец. На этой планете детеныши... – (В это время Рубченко кашлянул, и Степка не расслышал последнего слова.)

Квадрат – сто три прохрипел:

– Что-о-о?

А Угол окрысился:

– То, что я говорю! И нечего чтокать! До шестнадцати лет примерно – сейчас уточняют.

Степка снова прихватил зубами кулак. Говорят: «детеныши» и что-то скверное «уточняют», и Федя-гитарист кричит на Сура, а тот своим привычным, грустным голосом говорит:

– Какая неожиданность! До шестнадцати лет – третья часть всего населения. Третья часть, скажи! А до сигнала наводки еще семь часов, ах как нехорошо!.. Нужно очень охранять наводчика.

Киселев промолчал, и, видимо ободренный этим, Рубченко поддержал Сура:

– Проклятая работа! Знаешь, сколько Десантников на телескопе? Не берем своего наводчика...

– Мол-чать! – взорвался Киселев. – Вспомни о распылителе, Пятиугольник-двести! А ну двигай в город и действуй по расписанию... Найдешь мальчишку – обезвредь его. Ступай! Эскадра ждет на орбите, а каждый Пятиугольник рассуждает...

Крыса опять зашевелилась под вешалкой. Скрипнула дверь кладовой, – тяжело ступая, прошел Рубченко. Бинтов на его голове не было.

Почти тотчас вышли и Сур с Киселевым. Но прежде они поговорили о том, что сигнал будет послан в двадцать часов плюс-минус пять минут, а до тех пор надо держаться, хоть тресни. Проходя по коридору, Сур спросил:

– Следовательно, высшие разряды сосредоточены при телескопе?

– Пока штаб весь в разгоне.

Они захлопнули дверь тира снаружи.

В коридоре стало совсем темно. Аккуратный заведующий тиром не забыл выключить электричество в кладовке. Степка, чтобы утешиться, пробормотал: «Вы – с носом, а я – с оружием...» Пробрался в кладовую и уже протянул руку к сейфу...

Дьявольщина! Ключи-то валялись на противоположной стороне дома, в колодце перед заложённым окном стрелкового зала! Он рванулся бежать за ключами. Остановился. Они оповестили всех своих через говорящие штуковины. Сколько их – неизвестно. Каждый может схватить за шиворот. Даже Верка ненадежен: повстречался ему такой тип – и готово. Верка, Верка... Что-то там у них еще с детьми. Проверяют... Степан присел за стол, чтобы подумать. На полу кладовой валялись бинты, вата вперемешку с бетонным шлаком из стены. Сур захлопнул наружную дверь. Значит, возвращаться не собирается. Значит, можно отсидеться здесь, пока все не кончится.

Есть хлеб, сахар, коробка яиц. Вода в кране. Ночью выберется, добудет ключи – и он вооружен, как в крепости. Начнут ломиться – будет стрелять сквозь дверь. Есть газовая плитка и вермишель. И книги.

Он видел в окошко голубятню – ярко-зеленые столбы, сетку. Представил себе, как он будет сидеть, словно крыса под вешалкой, а Верка будет ждать в голубятне, пока *эти* не найдут. Малыш сейчас должен явиться.

Минут пять Степка просидел, глядя в окно. Его мысли колотились, словно о каменную стену, о «малый посредник». Вот, значит, как они орудуют? Этот зеленый ящичек, который Киселев приложил к двери подвала, вот что привез в рюкзаке сержант – «малые посредники». Они и внушают людям насчет «Квадратов» и «Углов» и заставляют действовать заодно с пришельцами. Степка первый раз твердо произнес про себя это слово. Да, пришельцы, и они хотят загипнотизировать всех людей! Не убивать, а покорить гипнозом. Это гнусно. Однако еще не особенно страшно, будь у них только один «посредник» – гипнотизер. Много народу с ним не обработаешь. Но если каждый из загипнотизированных гуляет

с такой штукой в кармане? Тогда им целая армия не страшна. Что же делать? Дьявольщина! О маленьких «посредниках» Алешка не знал, уезжая...

Солнце обошло дом и светило в пыльные стекла, пришлось влезть на кровать ногами, чтобы убедиться: это Валерик. Он бежал с коричневым маленьким чемоданчиком, ноги в коротких штанишках так и мелькали. Степка пожал плечами, вздохнул и пошел наружу. Огляделся, рывком вскочил на голубятню.

Кое-как он уговорил Верку пойти домой и там ждать следующего приказа. Оставшись один, натянул платье, спрятал брюки в чемоданчик и слез с голубятни. Ужасно неловко было в платье. Малгося – умница, догадалась прислать и платочек из такой же, как платье, материи в беленький горох. Они недавно прочли про Гека Финна, как он переодевался под девчонку. Степан твердо запомнил: нельзя совать руки в карманы, а когда тебе что-нибудь бросят на колени, надо их не сдвинуть, а раздвинуть, чтобы поймать. Так там написано.

Первым долгом он выудил из ямы ключи – в юбке лазить было страсть как неудобно. Вернулся в тир, перетащил все винтовки из кладовой в стрелковый зал и запрятал под мешками с песком. Потом взял в чемоданчик два боевых пистолета, две коробки патронов, обоймы. Запер сейф, кладовую, положил ключи тоже в Малгосин чемодан и ушел.

Куда броситься?

Степан хотел прорваться в район или в воинскую часть, что стоит недалеко от шоссе. К двум часам он пришел на автобусную станцию. Он ведь не знал, что автобусные рейсы отменены, что в восьми километрах от города стоит застава и никого не пропускает дальше. Все это ему сказали уже на станции. Там шумели возбужденные люди, громко рыдала женщина в черном платье. При Степке вернулся грузовик, набитый людьми, они с криками посыпались наружу: «Вернули! Милиция не пропускает! Мост обвалился!» Кассирша, стоя на ступеньках автостанции, успокаивала народ. Один парень спросил Степана, принимая его за девочку:

– Далеко собралась?

– В район, дяденька.

Парень кивнул.

– В гости?

Степка не отпирался – в гости.

Парень качался с ноги на ногу, руки засунул в карманы и злобно курил, не сводя глаз с кассирши. Он был длинный, с угольным чубом. Рот у него был приметный – изогнутый, как лунный серп, так что получалась улыбка на бледном, злом лице.

– Как тебя звать?

– Малгося, – ляпнул Степка, не подумав, и стал пятиться, потому что парень опустил глаза и пробормотал:

– Гляди, как выросла. Не узнаешь... – Он выплюнул окурочек. – Шла бы домой.

Он повернулся широкой спиной и ввинтился в толпу. Через секунду его антрацитовая голова блестела уже далеко в стороне – он сел на скамейку посреди сквера и закурил.

Степан стал пробираться к нему, потому что парень внушал доверие. И был не из *тех*. Как он это узнал? Очень просто. Они с Малгосей совершенно не похожи. Она смуглая, чернобровая, а Степка – белобрысый и веснушчатый. Человек из *тех*, знающий Малгосю, обязательно бы заподозрил неладное, ведь Степкины приметы передал Рубченко-«Десантник».

Но чубатый оказался непоседой. Вскочил, опять выплюнул окурочек, протиснулся к кассирше и закричал на нее:

– Когда переправу наведут, говорите точно! Когда? Саперы вызваны?

– Я человек маленький! – верещала кассирша. – Я саперами не команду!

- А Березовое? – гаркнул чубатый.
- Грязь там, грязь! – надсаживалась кассирша. – Грязь, машины вязнут!
- Па-анятно, – сказал парень и снова метнулся в толпу.

Степан приподнялся на носках и увидел рядом с его шевелюрой милицейскую фуражку. Парень энергично наседавал на милиционера. Их сразу обступила куча народу. Степан влез на скамейку. Дьявольщина! Рубченко успел переодеться в форму. Чубатый говорил с воскресшим капитаном!

Рубченко взял парня под правый локоть. Со стороны это выглядело совсем невинно: обходительный офицер милиции объясняет положение взволнованному горожанину. Дела, видимо, печальные – тот свободной рукой схватился за сердце...

Он еще не опустил руку, а Степки уже не было поблизости, вот как. Теперь дело времени – рано или поздно он вспомнит про ложную Малгосю...

Он забился в щель между палаткой «Овощной базар» и пустыми ящиками. Часы на автостанции показывали четверть третьего. Он думал так, что волосы шевелились. До неведомого «сигнала» оставалось меньше шести часов. Если бы Степан каким-то чудом и пробрался в район, то за час до сигнала, ну, за полтора. Это первое. Второе: Алешка с доктором могли и прорваться. Они на машине, да еще с бластером. И третье: он, Степка Сизов, рванул на автостанцию из трусости, из чистой трусости. Испугался *этих*, решивших с ним расправиться.

Когда Степка начинал сомневаться в своей храбрости, ему удержу не было. Теперь он знал, что не уедет, даже если за ним пришлют персональный самолет. У него есть оружие. Он проник в их планы. Он надежно замаскирован, и плевать ему, что он один и никому не может довериться!

– Плевать! – пробормотал Степка. – Да *им* на меня покрепче наплевать. Эх, дьявольщина! С эскадрой-то на орбите...

Та-тара-та... – пропел автомобильный гудок. Сиплый голос прокричал:

– На Синий Камень везу и к телескопу! Бесплатно!

К телескопу? Степка промчался через сквер, мимо ребят с прыгалками и влез в грузовик – тот самый, который при нем вернулся на автостанцию. Засвистел ветер, замелькали один за другим: молокозавод, второй микрорайон, школа, универмаг, почта, синяя вывеска милиции, дом с тиром. Степан сидел, прижимая к груди чемоданчик. Он все-таки здорово запутался, и простое решение, которое ходило совсем рядом, ускользало от него, как упавший в воду кусок мыла ускользает от руки.

Та-ра-та... – снова пропел гудок, и Степка схватил это решение. Сигнал! Сигнал в двадцать часов – наводчик – эскадра!

Она ждет на какой-то орбите – эскадра; пришельцы, там, а здесь – не настоящие пришельцы. Они должны подготовить плацдарм и в двадцать часов послать сигнал с «наводчика». Что такое «наводчик»? Они сами сказали, что своего «наводчика» у них нет. Телескоп используют как «наводчик». Ведь наш радиотелескоп не простой, он приемно-передающий, нам рассказывали на экскурсии. Он может принимать радиоизлучение из космоса и может управлять полетом космических кораблей. Наводить их на цель. Наводчик, понимаете? Загипнотизированные работают как передовой десант и в двадцать часов пошлют настоящим пришельцам сигнал: плацдарм захвачен. По лучу нашего радиотелескопа ложные пришельцы сумеют направить хоть тысячу кораблей, и они будут садиться вокруг нашего городка совершенно спокойно! У нас даже телефона теперь нет, словно в каменном веке! Корабли будут садиться, а кругом ничего не узнают.

В одиннадцать тридцать самолет приземлился в Н.

«Эти прямо дрожали, когда говорили о телескопе, – думал Степан. – Когда Пятиугольник сказал: „Не берем своего наводчика“, гитарист так и рывкнул... Они и Тугарино выбрали из-за телескопа».

...Добродушная тетка с цыплятами, бунтующими в корзине, наклонилась к Степану и спросила:

– Девочка, ты тифом болела? – Он промолчал, она громко заохала: – Да я бы такую мать послала рыбу чистить, а не дитев воспитывать!..

Кто-то засмеялся и спросил, почему рыбу чистить, а тетка кудахтала, что девчущечка стриженная, бледная и бормочет невпопад, а рыбу чистить – не детей воспитывать. Оказывался, Малгосин платочек валялся на полу, и тетка с цыплятами завязала его на Степке «помодному», под подбородком, – едва не задушила.

– Вертолет, вертолет! – крикнул кто-то.

Правда! С юга, от района, тархтела зеленая стрекоза, и Степка едва не вывалился из грузовика, который замедлил ход, чтобы водитель и все пассажиры могли полюбоваться.

У-ру-ру! Вертолет, военный! Значит, добрались доктор с Алехой и будет теперь порядок!

Он забыл, что через Березовое они едва-едва спустя полчаса могли прибыть в райцентр, и орал: «У-ру-ру!» – пока вертолет садился на совхозный выгон, раздувая пучки прошлогодней вики. Только он сел, из ближнего перелеска вывернулся горсоветовский газик и подкатил вплотную к вертолету, под медленно вращающийся винт. Было видно, как трепещет брезентовая крыша газика, – Степкин грузовик проезжал совсем близко от места посадки.

Из пузатой кабины выбрались двое – военный и гражданский. Двое местных встречали их в промежутке между машинами. Степка не рассмотрел встречающих – мешал кузов автомобиля.

Приезжих он видел хорошо: майор, затянутый «в рюмку», с крупным, красивым лицом, а гражданский – невысокий, с приметной блестящей сединой, в приметном темно-сером костюме и с начальственной постановкой головы.

Все налюбовались встречей, грузовик загудел, и в пятидесятый раз за этот нескончаемый день Степан увидел проклятый жест – двумя руками за сердце: два человека, четыре руки...

Он забился в свой угол. Два человека, еще два. Вдруг стало безнадежно-отчаянно. Так ловко, так спокойно это проделывалось. Они брали нас без выстрела. Команда вертолета наверняка ничего не заметила: доставили пассажиров, куда было приказано, и – тр-р! – тархтели обратно. Те могли и вертолет захватить, но почему-то не пожелаали. Помиловали. Из всех зрителей это понимал один лишь мальчишка четырнадцати лет. Он ехал к телескопу, и на коленях у него стоял чемоданчик с двумя пистолетами и сотней патронов к ним. Все. Больше ничего не было.

«Входи!»

– ...А какое большое удовольствие было выпить рюмашечку и капусткою кочанной закусить!..

От Синего Камня грузовик шел пустой. Степку развлекал последний попутчик – маленький голубоглазый старик, пряменький, с высоким выпуклым лобиком и смешным ртом. Нижняя губа – сковородником, как у Валерки, когда он собирается взвзвить белугой. Степка не знал его, потому что старичок был деревенский и прямо из деревни пришел и нанялся охранником на телескоп. По дороге от Синего Камня он рассказал, какой он раньше, в деревне, был здоровый и как его две войны не пробрали, а сидячая работа пришибла так, что он четыре недели пролежал в районной больнице. Он от хохота наливался кровью, вспо-

миная, как ему «питание непосредственно к койке подвозили, на резиновом ходу». И запретили ему пить и пшеничное вино, и легкое вино, и даже пиво...

Так он болтал, тараща озорные глаза, а Степка думал о своем и, казалось бы, совершенно его не слушал. Когда же старичок спросил, зачем «мадемазель» едет к телескопу, Степка вдруг брякнул:

– Посылку везу, дедушка.

– Больно деловая, – отметил старичок. – Для кого передача-то?

– Для Портнова Вячеслава Борисовича, – снова брякнул Степка.

– Зна-атный человек! – восхитился попутчик, но в его подвижном личике промелькнуло что-то ироническое. – Зна-атный... Непьющий!

Видимо, ирония и относилась к последней характеристике Вячеслава Борисовича. Дед не мог взять в толк, почему здоровый, молодой и «знатный» человек по своей воле отказывался и от пшеничного вина, и от легкого вина, и даже, как говорили, от пива.

– А что в посылке содержится?

– Не знаю, – сказал Степка. – Мое дело передать.

Он рассчитывал, что дед, как охранник, проведет его к Портнову. Старичок был, несомненно, не из *тех* – смеялся весело, тонко, залиvisto и очень смешно распахивал большой рот с крепкими черными зубами. *Те* смеялись грубо, коротко. Как лаяли.

– Передашь, передашь, вот сейчас и передашь, – болтал попутчик. – Считай, приехали... Постовой позвонит, Портнов подойдет на проходную Зойку-секретаршу, получишь шоколадку – и лататы... Михалыч! – завопил он прямо из кузова охраннику, стоящему у ворот. – Михалыч, тута мадемазель с посылкой к Портнову.

Степка смотрел на носки своих ботинок. Вляпался! Ясное дело, он не собирался отдавать чемодан с оружием одному из *тех*. Он хотел под видом посылки пробраться к Портнову, а еще лучше – к профессору Быстрову, директору. А теперь что? Говорить, что пошутил, то есть она пошутила, и никакой посылки нету? Или требовать, чтобы его самого провели к Портнову?

Он сидел в машине, пока водитель его не шуганул. Соскочил. Пистолеты брякнули в чемодане. Дед-попутчик суетливо отряхивался. Охранник от ворот пробасил:

– Я-то думал, ты с внучкой приехал. Здоров?

– Э-э! Была у собаки хата... – затарахтел старичок.

– Завелся, – сказал охранник. – Ступай в дежурку, Прокофьев... Устав тебе прочтут... новый. Ха-ха...

Степка, наверно, побелел: он-то знал, какой «устав» прочтут веселому старичку в дежурке. Охранник несколько секунд смотрел на него с мрачным интересом.

– Чего привезла?

Степка промолчал, выгадывая время.

– А ну покажи. – Охранник протянул руку за чемоданом.

Степка отошел на два шага.

Охранник ухмыльнулся и, наклонив голову, стал смотреть на девчонку. Степка решительно выдержал его взгляд. Догони попробуй... Михалыч пожал плечом, сплюнул и показал на ворота:

– Беги вон налево, в лабораторный корпус, по лестнице на второй этаж и налево до конца.

Степка пошел. В ворота и налево по бетонной чистой дорожке, по расплывчатым полосам тени, падающим от стальных ферм телескопа. Он шел в проклятой юбке, и нельзя было сунуть руки в карманы, и сзади, от ворот, на него смотрел мрачный Михалыч. И невозможно было знать, что ждет впереди. Совершенно свободно неведомое нечто, умеющее гипнотизировать людей за долю секунды, владеющее бластерами, зелеными радиостанциями-«слизня-

ками» и прочей дьявольщиной, – совершенно свободно, думал Степка, оно могло проследить за каждым его шагом и узнать, что он везет в чемодане, и нарочно приказать пропустить его.

Вот корпус. Двух шагов хватало как раз от одной теневой полосы до следующей. Вот корпус и дверь. «Входи! Сколько времени ты мечтал о пистолете в правой руке и пистолете в левой руке – входи! Ты умеешь стрелять с левой, стрелять быстро и попадать. Охота тебе стрелять, Степан? Не сворачивай на крыльцо, иди прямо, вокруг холма и к забору... Тебе же совсем неохота стрелять...»

Он вошел. За стеклянной дверью мягкий пластмассовый ковер намертво глушил шаги. По лестнице, как река, стекала мягкая дорожка. Степка поднимался с усилием, будто плыл против течения. Корпус был тих и безлюден, тишина жужжала в ушах. Пустой коридор смотрел на Степана блестящими глазами ламп. Редкие двери были толсто обиты кремовым пластиком.

Дощечки висели наклонно на выпуклой обивке: Степке отсвечивало, ростом он был мал. Приподнимался на цыпочки, чтобы прочесть: «Липилиень Р. А.», потом «Кротова З. Б.» и вот «Портнов В. Б.».

Степан оглянулся. Показалось, что невидимые пришельцы-гипнотизеры висят над дверями, как воздушные шары, и смотрят невидимыми глазами. И он, спасаясь от невидимых глаз, дернул дверь и очутился в темном, узком тамбуре. Набрав полную грудь воздуха, толкнул вторую дверь и очутился в кабинете, напротив письменного стола.

«Вы думаете, что вас нельзя убить»

– Здравствуй, здравствуй! – Портнов улыбался и кивал, выглядывая из-за настольной лампы. – Ты ко мне, девочка?

Ослепительное солнце било в стеклянную стену кабинета. Степка прижмурил глаза.

– Ты ко мне? – повторил Портнов.

Он, приподнявшись, посмотрел на чемодан.

Степка кивнул: у него перехватило голос.

– Ну, рассказывай...

Степка быстро присел на стул справа от двери, вздернул чемодан на колени, приоткрыл. Портнов, улыбаясь, поставил ребром на стол плоскую зеленую коробку размером с папиросный коробок. Такую же коробку гитарист приносил к дверям тира. Степка узнал ее, но уже некогда было пугаться. Он придержал крышку чемодана левой рукой, правой нащупал рукоятку «макарова», выхватил его и предупредил:

– Спуск со «шнеллером», стреляю без предупреждения... Руки!

Руки инженера безжизненно лежали на столе. Серые, безжизненные губы проговорили:

– Пистолет – не игрушка для девочек. Дай сюда.

– Ну уж нет... Эту штуковину оставьте в покое!

Рука отодвинулась от зеленой коробки. Инженер глубоко вздохнул, щеки как будто порозовели.

– Играешь в разведчиков, дитя века? Чего ты хочешь, собственно?

– Погодите, – сказал Степка. – Я вам сначала скажу вот что. И не забывайте о «шнеллере». – (Тот кивнул осторожно.) – Я знаю, что вы думаете, будто вас нельзя убить. Вы ожидаете, да?

– Ты сошла с ума, – прошептал инженер. – Ты что-то путаешь.

– Ну уж нет. Это вы не понимаете, что на таком расстоянии вам разнесет голову в клочья...

Инженер опять кивнул и прищурился. Степка подумал, что зря он выкладывает про оживание.

– Предположим, я это понимаю, – проговорил Вячеслав Борисович. – Что дальше? Откуда ты взяла, что меня нельзя убить?

– Это вам все равно. Вы должны вывести из строя телескоп.

– Зачем?

– Вы сами знаете.

Инженер ухмыльнулся:

– Можно почесать затылок? Нельзя... Ну, считай, я почесал. Как же я выведу из строя телескоп, по-твоему?

– А мне плевать как.

– Рассуди сама, дитя века. Предположим, я согласился и пошел в аппаратную с дубиной – ломать и крушить. Ведь ты пойдешь со мною, со своим «шнеллером», иначе я просто запру тебя снаружи. Так?

Степка молчал.

– Так. А при входе в аппаратную и еще кое-где стоит вооруженная охрана. Ей покажется немного странным наше поведение. Здесь не принято водить начальство под дулом пистолета. Да еще со «шнеллером». – Отдай-ка пистолет и убирайся подобра-поздорову...

«Взрослые нас ни в грош не ставят, – думал Степка. – Этот даже под гипнозом не поумнел. Не верит, что девчонка сможет в него пальнуть. А в самом деле, как он испортит телескоп? Это же не просто так, не проволочку сунуть в розетку».

– А мне плевать, – сказал он вслух. – Вы инженер. Вот и думайте. Я посчитаю до десяти, потом всажу всю обойму вам в голову. Вот и думайте. Раз...

Он быстро нагнулся и, не сводя глаз с Портнова, опустил чемоданчик на пол. Выпрямился, встал. Платье сильно резало под мышками, и было жутко видеть перед собой лицо человека, в которого сейчас придется стрелять, – вот что чувствовал Степка. Он отсчитывал: «Четыре... пять... шесть...» – и подходил все ближе и глядел в неподвижные, странно блестящие глаза инженера. Остановившись перед самым столом, он сосчитал: «Восемь» – и вдруг понял, что умирает.

...Казалось, он только что произнес «восемь». Почему-то он валялся на спине, с закрытыми глазами, с головой, повернутой влево. Он приоткрыл глаза – рядом с головой были ноги в светлых брюках.

Вячеслав Борисович стоял над ним. В правой руке он держал пистолет – за ствол. Дьявольщина! Это был Степкин пистолет! Видимо, он только что перешел к инженеру. Степка бессознательно рванулся, чтобы схватить пистолет за рукоять, но Портнов отскочил – лицо его было серое, а глаза расширены, как от испуга, и он неуклюже перехватил пистолет за рукоятку, вытянул руку и нажал спуск. Щелкнул боек. Осечка.

Степка не испугался, когда дуло уставилось в его глаза. Мир казался ему ненастоящим. Таким он, наверно, представляется жуку, перевернутому вверх лапками. Степка сидел и беспомощно смотрел на инженера. А тот, не выпуская из левой руки зеленой коробки, оттянул затвор пистолета, заглянул в казенник и пожал плечами:

– Не заряжен, конечно... Казаки-разбойники!

Не заряжен, дьявольщина! Конечно же, он зарядил только один пистолет и забыл об этом, а в руку ему попал именно пустой! Заряженный лежит в чемодане. И это спасло ему жизнь.

Инженер вздохнул. Лицо его порозовело, и губы складывались в привычную улыбку. Он опустил пистолет в карман, смерил Степана взглядом и пробормотал:

– Неужели – *комонс*?

Шагнул к столу. Остановился. И, будто решившись, поднял коробку, что-то дернул в ней, и Степан снова, третий раз за день, ощутил смертную тоску и смертное беспамятство и третий раз очнулся.

Его тошнило, и очень хотелось плакать. Он опять лежал навзничь. А инженер Портнов сидел за своим огромным столом и смотрел на него.

– Р-рожа! – сказал Степан. – Ты! Рожа! Фашист! Предатель!

Он лежал и ругал Портнова, от ненависти вжимаясь в пластик пола.

– Предатель, предатель, предатель!!!

– Ну-ну, – сказал Портнов. – Попрошу без крепких выражений. «Фашист, предатель...» Кто к кому явился с этим, как его бишь, «шнеллером»? Ты лежи, не вставай. Пол, правда, грязный... – Он хмыкнул. Все-таки он был в большом недоумении и поглядывал на Степку опасливо. – Впрочем, поднимайся. Я плохо вижу тебя из-за стола.

– Что вы со мной сделали? – яростно крикнул Степан и вскочил.

– Надо ли тебе знать, вот вопрос! – Инженер держал его под прицелом своего странного оружия. – Вот вопрос... С другой стороны, ты уже знаешь слишком много. А? Так, кажется, принято говорить? – (Степка молчал.) – Я дважды пробовал поместить в тебя Десантника, и дважды ты его не приняла. Хотя «посредник» стоит на полной мощности...

Степка вдруг спросил:

– Это – «малый посредник»? А что значит – поместить в меня Десантника?

– О всеобщая грамотность!.. – пробормотал инженер. – О чудеса Вселенной!.. Ты действительно *очень* много знаешь. Где Степан? Говори!

– Какой Степан, дяденька? – отвечал Степка.

Тогда инженер снял телефонную трубку, зажал ее между плечом и головой и принялся постукивать по рычагу. В свободной руке он держал зеленую коробку «посредника». А Степка вдруг вспотел. Он понял, что Портнов сейчас вызовет кого-то, может и веселого деда-охранника, и прикажет девчонку увести и пристукнуть. И вдруг до него дошло, что Портнов не смог «поместить в него Десантника», или, как Степка это называл, загипнотизировать. И поэтому не мог узнать, что еще лежит в чемодане. О втором, заряженном пистолете не знает...

Портнов сердито дул в трубку, крепко держа в руке «посредник». Чемодан, чуть приоткрытый, лежал в двух шагах от двери и в трех шагах от Степкиных ног. Язычок замка загнулся внутрь и не дал крышке стать на место.

Степка примерился. Инженер, скосив глаза, набирал номер. Степка прыгнул, отшиб крышку... Блеснула синяя рукоятка, он схватил ее и выстрелил наудачу, одновременно нажав на спуск и предохранитель. Ра-ах! Ра-ах! – громыхнули стекла. Первая пуля вдребезги разбила телефонную трубку, вторая ушла в сторону.

Инженер уронил трубку и закрыл глаза.

Степка обмяк. Показалось было, что инженерский череп брызнул белыми осколками. Повезло – попал в трубку... Едва дыша, он приблизился к столу и вынул «посредник» из большой, слабой руки. Ящичек был тяжелый. С одной стороны была крошечная воронка, с другой – две нити: длинная и совсем короткая. С маленькими шариками на концах.

– Вот так так, – прошептал Степан.

Вячеслав Борисович как раз открыл глаза. Контузило его не сильно, только исцарапало щеку осколками пластмассы. Он уставился на ящичек в Степкиных руках и тихо, срывающимся голосом проговорил:

– Отдай... Отдай... Взорвется!

– Ну уж нет, – сказал Степка, сам себе не веря.

Инженер смотрел на него с ужасом. Беззвучно шевелил серыми губами.

– А вы меня боитесь, – сказал Степан.

– Отдай! – Голос был сдавленный, сиплый.

Степан поднял «посредник», прикинул длину обеих ниток. Чтобы включить «посредник», сидя за столом, инженер должен был дернуть за длинную нитку. Короткая мала. Зачем здесь две нити? Он сам себе не верил. Он только видел, что тот помирает от ужаса, а выстрелить никогда не поздно. И дернул за короткую нитку.

Ящик стал тяжелей. Инженер закрыл глаза. Больше ничего не произошло.

Степка попятился, натолкнулся на стул. Сел. Плохо держали ноги. Пистолет гулял в руке. Надо бы запереть дверь, подумал он. Оттуда могли слышать пальбу, хотя дверей две штуки и одна обшита. Только где возьмешь ключ?

Портнов зашевелился и забормотал, не поднимая век:

– Почему вы храните мою посылку?.. Что? – Он вдруг ясно посмотрел на Степку. – Ты ко мне, девочка? Я заснул. Странно...

Степке казалось, что каждый толчок сердца ударяет его о спинку стула. Неужели удалось? Ой, неужели удалось?

– Бросьте притворяться, – пробормотал он. – Не поможет.

Инженер провел рукой по щеке и посмотрел на окровавленные пальцы. Поднял разбитую трубку, осмотрел, кое-как пристроил на аппарате. И вдруг разглядел пистолет в Степкиной руке – стал смотреть попеременно то на трубку, то на пистолет. Оглянувшись, нашел в стене пулевые отверстия – пожал плечами.

Если он притворялся, то артистически. С кривой, безумной улыбкой он пробормотал:

– Не могла бы ты в следующий раз будить меня по деликатней?

– Вы не притворяйтесь, – еще раз сказал Степан.

Вячеслав Борисович закрыл глаза, открыл, сильно нахмурился и попросил:

– Послушай, девочка, если тебе что-нибудь надо от меня, положи куда-нибудь свою пушку. Я под пушкой не разговариваю.

Степан вдруг догадался, как его проверить.

Он поставил «посредник» на стул, а сам, пятясь, отошел к окошку.

– Хотите поспорить, что попаду с одного выстрела?

Прежний Вячеслав Борисович, без сомнения, перепугался бы отчаянно за драгоценный аппарат. А этот, наоборот, оживился и предложил:

– Лупи всю обойму, дитя века! Ставлю эту авторучку, что больше одного раза не попадешь, – и еще выкатил для искренности глаза.

Степка как стоял, так и сел. Подействовало, значит... «Посредник» сработал в обратную сторону! А инженер тем временем открыл рот, поковырял в нем пальцем и выудил зеленого «слизняк». Грустно посмотрел на него и пробормотал:

– Может быть, я еще сплю, а? Зачем ты сунула мне в рот это? Ты ловкая девчонка, но все равно промахнешься, могу поспорить.

То есть он продолжал хитрить, чтобы Степан высадил всю обойму в «посредник» и пистолет стал безопасным. Если он не притворялся, то, по-видимому, ничего не помнил с момента, когда его загипнотизировали.

Степка боялся верить своему счастью. Неизвестно, сколько он колебался бы еще, но инженер выудил из кармана второй пистолет и так напугался, что стоило посмотреть! Он побледнел и отбросил пистолет, а Степке стало смешно, что человек не побоялся оружия в чужих руках и передрейфил, найдя его в своем кармане. Ему стало смешно, почему-то брызнули слезы, и, захлебываясь ими, он забормотал:

– Вячеслав Борисович, Вячеслав Борисович!

А инженер сидел за столом и смотрел на него, открыв рот.

Степка получает инструкцию

Положение было все равно отчаянное. Вот-вот могли появиться другие загипнотизированные – Степка не сомневался, что все здешние сотрудники из *тех*. Они могли явиться на шум либо просто по делу, могли вызвать Портнова по «слизняку». А Вячеслав Борисович ничего не помнил. Для него время остановилось в милицейском сарае, куда его заманили под предлогом «голубенького письмаца». Он словно заснул в сарае, а проснулся за своим столом. Он совсем ничего не знал. А тут еще Степан, переодетый девчонкой, пистолеты, исцарапанная щека и голова, гудящая после контузии...

– Вячеслав Борисович, я вас разгипнотизировал! – кричал Степка.

Вячеслава Борисовича прошиб крупный пот, он почему-то забормотал тонким голосом:

– Для больных, живущих в селении, устроены потильные комнаты с платою за потение на кровати пятьдесят копеек.

– Какие комнаты? – спросил Степка.

– Потильные, какие же еще? Девочка, ради бога, что сей сон означает?

– Я не девочка, – бахнул Степан. – Это не сон, а пришьельцы.

– А! Конечно, конечно, я и забыл, – задушевно сказал инженер. – Пришьельцы, конечно! И надо сообщить о них кому следует? Э, телефон-то того... А я, такая неудача, проспал пришьельцев... Какие они из себя? Ты, значит, не девочка?

Степка сдернул с головы платок.

– Ага... – Глаза у Вячеслава Борисовича опять полезли к носу. – Ты и правда мальчик... Ну, пойдем рассказывать о пришьельцах?

Степка подбежал к нему:

– Вячеслав Борисович! Я не сумасшедший псих, честное слово! Поймите, вы же не спали, вас пришьельцы загипнотизировали в сарае! Помните? А я вас разгипнотизировал этой штукой... Вот это их аппарат для гипноза, только за нитку не дергайте.

На всякий случай он не выпускал из рук «посредник».

– В сарае – это точно... – пробормотал Портнов.

Видно было, что он пытается вспомнить и не может. Он сказал:

– Точно... Повели они меня в сарай, но что было дальше, хотел бы я знать. Откуда тебе известно про сарай?

– Да я сидел за стенкой, подсматривал. У них в сарае был поставлен «посредник», которым они гипнотизировали! Сначала вас, потом вашего шофера, а потом вы взяли «малый посредник» и уехали. Не помните?

– Не помню, – сказал инженер.

Он блуждал глазами по столу, пытаясь уцепиться за что-нибудь, вспомнить хоть любую чепуху, заполнить хоть мелочью четырехчасовой провал в памяти. Он опять вспотел, словно выкупался, но уже не говорил о «потильных» комнатах.

– Они гипнотизируют, – шептал Степка. – Они уже всех-всех – и милицию, и почту, и горсоветских... Они хотят послать сигнал по вашему телескопу своим кораблям на орбиту, в восемь вечера. Они телескоп называют «наводчиком», понимаете? Не дерните! – Он убрал ящичек.

– Что? – вскрикнул инженер. – В двадцать часов?! – Его взгляд наконец-то ухватился за что-то на столе. – Как тебя зовут? А-а, Степаном? – Он поднял со стола календарь, покрутил, поставил. – А это что – маленькое?

Степка стал объяснять: радиостанция такая, прилепляется в рот, на «твердое нёбо». А вот этой штукой можно человека загипнотизировать, он только руки прижмет к груди – и

готов. Но ею же можно и обратно сработать, если потянуть за короткую нитку, и он, Степка, именно так и освободил Вячеслава Борисовича от гипноза. *Они* называют эту штуку «малым посредником»...

Он рассказывал быстро, не очень связно, потому что дорога была каждая секунда. Дьявольщина! Портнов оказался очень странным человеком. Когда он понял, что самих пришельцев нигде не видели, он вдруг захохотал и крикнул:

– Правильно! За каким лешим таскать по Космосу бречное тело, если можно ограничиться сознанием? Молодцы!

Он вскочил, пробежался от окна к стене, опять к окну, постучал по стеклу и пробормотал с непонятым выражением, не то злым, не то веселым:

– А? Проблема контакта! Сперва ты меня повези, а потом я на тебе поезжу...

– Вячеслав Борисыч, надо скорей, – напомнил Степка.

– Да-да, я кое-что придумал... – Он повернулся, одним махом оказался за столом и с тем же непонятым выражением посмотрел на Степана. – Будем считать, что твой друг не доехал до города. И что ответственность за судьбы Земли навалилась на наши хрупкие плечи. Отдохни пяток минут... – И стал быстро писать в большом блокноте. – Сейчас мы сообразим для них кое-что интересенькое... Шалуны! Наводчик им понадобился... Так отзываться о благородном инструменте!

Степан стал смотреть через его плечо. Он быстро написал вверху листа: «Инструкция, как испортить телескоп» – и сразу замарал эту надпись. Степка мысленно одобрил его поведение: о диверсии вслух говорить не стоило. Если уж *это* подслушают – не помилуют... Он в десятый раз, наверно, вспомнил разговор, который он сам подслушал, сидя под шубой Сура. Как Киселев зарычал, когда Рубченко заикнулся о телескопе: «Вспомни о р-распылителе!»

Он покачал головой. «Распылитель» должен быть дьявольски страшной штукой – вся компания испуганно смолкла после этих слов. Было приятно думать, что и они могут бояться. И тут Степан увидел на перекидном календаре свое имя, написанное мелким, острым почерком Портнова.

Было написано:

- 1. Степан Сизов, 1,5 м, коренастый, волосы светло-русые, глаза серые, легко бледнеет, стрижка «бокс», 13–14 лет.
Надежно изолировать для акселерации, либо +.*
- 2. Оконч. подготовки 19:40.*

– Ага, это мои приметы, – сказал Степка. – Это вы писали под гипнозом, да? – (Инженер пробормотал что-то невнятное себе под нос.) – А крестик почему?

Перо бесшумно летало по бумаге: не останавливая его бега, инженер ответил:

– На вечную память. Ясно тебе? Тогда завяжи платок поаккуратнее, ты же девочка... – Он ткнул рукой налево, в угол.

Угол был отгорожен занавеской. Там оказался рукомойник с зеркалом. Степка вздохнул и ополоснул руки, лицо – очень уж грязен для девчонки. Утерся вафельным казенным полотенцем, перевязал платок. Скорчил себе презрительную рожу – вылитая девочка, противно даже. Озабоченно выскочил из угла, подбежал к двери... Никакого движения в коридоре. Если *те* подслушивают, уже давно были бы здесь. После выстрелов – наверняка. Впрочем, «слизняк» сам не должен ничего слышать, для разговора *те* ложились и закрывали глаза.

Вячеслав Борисович еще писал. Из окошка ничего интересного не было видно – неподвижно стояли пыльные березы, а телескоп и проходная были с другой стороны, за углом. Монотонно стучала какая-то машина. Степка вспомнил об оружии и зарядил оба пистолета. Вложил в один недостающие два патрона, а во второй всю обойму. Поколебавшись, поставил «посредник» на стол. Вячеслав Борисович с треском выдрал лист из блокнота и сказал:

– Дай мне тоже игрушку. Спасибо. – И с отвращением сунул пистолет в карман. – Боюсь, что он мне пригодится еще до заката. «Посредник» оставляешь, правильно... Это вот, – он протянул исписанный лист, – прочтешь за воротами, в укромном месте. Спрячь надежно. Тикай отсюда поскорей. Игрушку советую держать за пазухой, до времени, – посмотришь в бумаге до какого. Сиди в укромном месте, подальше отсюда, на глаза людям не попадайся. Часов у тебя нет? Возьми эти. Точные.

Степка дернул плечами, но часы взял.

Дьявольщина! Как ему не хотелось снова оставаться одному! Он мрачно сложил бумагу, сунул за ворот платья. И вдруг Портнов сказал:

– Ты знаешь, кто я? Надувенна жаба.

– Чего? – спросил Степка.

– Надутая лягушка, по-сербски. Я же забыл про Благово!

Он светло улыбнулся, и Степка понял, что уходить никуда не надо. Честное слово, это было здорово!

Хитрый портняжка

Вячеслав Борисович прятал разбитый телефон, приговаривая:

– Хорошо быть муравьем – коллективная ответственность... Бегай по краю тарелки и воображай, что держишь курс на Полярную звезду.

Степка вежливо ухмыльнулся. Инженер пояснил:

– Муравей лупит по кругу, а думает, что бежит прямо. Не буду я сидеть в уютном кабинете – побегу... Мой номер, кажется, Угол-одиннадцать?

– А что?

– А то, что я – из начальства. Старше меня только Линия да Точка. Понял?

– Ага, – сказал Степан. – Правильно! Пятиугольника они в грош не ставят. Ну и что?

– Мы им устроим потильную комнату, – сказал Портнов, нагибаясь к столу. – Зоя! Зочка! Ау!..

Из динамика ответили:

– Слушаю, Вячеслав Борисович...

– Машину, Зочка. Пускай Леонидыч подгонит, я поведу сам. Быстренько... – Он отпустил кнопку и подмигнул. – Поехали к сентиментальному боксеру, муравьишка.

– А инструкция как же?

– Держи про запас. Мы едем к умному человеку, Степа. Не голова, а трактор. С ним на пару я кое-что смогу проделать... если он чистый.

– А почему он «сентиментальный боксер»?

– Он такой, – сказал Вячеслав Борисович. – Увидишь. Он уже трое суток сидит взаперти и думает грустную думу. Он физик-теоретик. Вот и машина...

Шофер не заметил Степана и начал было:

– Угол-одиннад...

– Молчать! Вы останетесь... хм... Петр Леонидович. Ясно? Садись, Маша. – Это Степану. Потом снова шоферу, громким шепотом: – Угол третий вызывает...

– Так машину же разобьете! – жалко улыбнулся шофер.

– Пропадай моя телега, – ответил Портнов и очень натурально заржал, подделываясь под загнипнотизированного.

Третий раз за день Степка ехал в машине. Вячеслав Борисович действительно был неважным водителем – вцепился в руль и вытянул шею. Но машину не разбил, а довольно плавно остановил ее у подъезда итээровского общежития молокозавода.

– Киселев живет здесь, – предупредил Степка.

– Думаешь, присунул моему дружку к замочной скважине «посредник», да?
– Проверим, – сказал Вячеслав Борисович. – Ты на глаз их не различаешь, своих подшефных?

– Пока еще нет, – сказал Степка.

– Ну, рискнем, Машенька. Он очень соображающий парень, Митя Благоволин.

– Странная фамилия, – сказал Степка.

– У него прадед был из духовных, из попов, – говорил инженер, пробираясь по узкой лестнице. – Им в семинариях давали новые фамилии, благозвучные...

Вячеслав Борисович немного трусил и рассказывал о благозвучных фамилиях для храбрости. Степка подумал: ничего, привыкнет. Он шел и примечал дорогу. Запомнил, что в общежитии две лестницы. Что, кроме центрального входа – с улицы, имеются два хода во двор, прямо с нижних площадок. Что на третьем этаже очень неудобно стоит красный ящик с песком, легко зацепиться на бегу. А вот и пятый этаж. Коридор был пуст. В большой кухне звонко переговаривались женщины. По коридору пробежал парень в длинных футбольных трусиках, размахивая полотенцем.

– Комната шестьдесят восьмая, – сказал Портнов. – Он дома.

В замочной скважине виднелся шпенек ключа, вставленного изнутри.

– Постой здесь, – прошептал инженер. – И аккуратно, аккуратно...

Степка прижался лопатками к стене рядом с дверью. Парень с полотенцем уже скрылся в умывальной. Инженер постучал.

– Благово! Отпирай, хитрый Портняжка пришел!

Из-за двери ответили негромким басом:

– Пошел вон.

– Отпирай, говорю! Новый «Нэйчур» получили!

Замок щелкнул.

– Опять сенсация? – спросил бас.

– Здесь красивая местность, – быстро проговорил инженер.

– Что-о? – удивился бас. – Сла-авка, да на тебе лица нет!.. Входи. Кофе хочешь?

Вячеслав Борисович схватил Степана за плечо и втолкнул в дверь, мимо хозяина.

Это был огромный, широченный, очень красивый мужчина. Большой, как шкаф, весь в коричневых мускулах. Бицепсы – каждый со Степкину голову. Золотые волосы. Солнце немилосердно пекло в окошко, и хозяин был в трусах и пляжных тапках-подошвах. Он жалостливо посмотрел на Степана и вполголоса спросил:

– С ней что-нибудь случилось? Нужно денег?

– Здесь красивая местность... А?

– Ты что, издеваешься?

– Ладно, – сказал Портнов. – Раз такое дело, налей кофейку. Это Машенька, ей тоже кофейку.

– Ну знаешь, Портняжка... Это ни в какие ворота не лезет!

– Лезет, Благово, – сказал Вячеслав Борисович. – И сенсация есть. Зеленые человечки добрались до планеты по имени Земля.

Сентиментальный боксер

Степка пил холодный кофе с печеньем и слушал. Сначала он понял, что ученые прозвали инопланетных жителей зелеными человечками. Еще давно, загодя. Они давно предполагали, что должны быть эти жители, и для выразительности дали им прозвище.

Потом Степка понял, что огромный загорелый парень боится, – лицо у него побледнело даже под загаром.

«Что же, и напугаешься», – подумал Степан. И тут разговор стал непонятным и пошел, казалось, в сторону.

Благоволин спросил:

– Значит, транспортируют чистую информацию? – Он осторожно тронул «посредник», лежащий на столике.

– На каком-то субстрате. Сте... Маша говорит, эта штука стала тяжелее, когда меня... как бы это сказать?

– Среверсировали. Намного тяжелей?

– На чуть, – сказал Степка.

Хозяин повернулся к нему:

– Ага! На чуть... А в граммах?

Степан пожал плечами. Благоволин еще раз прикоснулся к «посреднику».

– Сколько их там? Сидят и ждут... Сколько их там, Портняжка?

– Вскроем и посмотрим, – мрачно сказал Вячеслав Борисович. – Полнобьемся.

– Пожалуй, не стоит. А хочется, Портняжка... Положить бы на аналитические весы и потянуть за ниточку...

– Положи, – сказал Вячеслав Борисович. – Ко мне в карман положи и больше не трогай, знаю я тебя.

– А кто в нем сидит? – спросил Степка. – Это же гипнотизер.

– И правда, кто же там станет сидеть? – пробормотал Благоволин.

– Пришельцы, – серьезно объяснил Вячеслав Борисович. – Точнее, их разумы, личности, понимаешь? Ну, содержание их мозгов, если так понятней.

– Кому объясняешь, Слава?... Вон книжка с картинками, это ей по возрасту.

– Машенька – человек, – сказал Вячеслав Борисович. – У нее с зелененькими свои счеты. – Он потрогал ссадины на щеке.

– Ну сиди, раз человек... Значит, транспортируют чистую информацию. Я был прав. Помнишь наш разговор о кембриджских наблюдениях?

– Митька, я всегда считал тебя большим человеком. Все правильно. Даже то, что цивилизации с ядерной энергией не выживают, самосжигаются.

– А! И об этом был разговор? Когда?

– Маша, повтори, – сказал Портнов.

– «Мерзкое оружие, – пробормотал Степка. – Стоит дикарям его выдумать, тут и пускают в ход, и уничтожают весь материал». А материал – это что? Уран?

– Это мы. Дикари. Мы для них – материал. Ладно. Дмитрий, что ты предлагаешь?

– А мерзкое оружие – эйч-бамб.

Они вдруг замолчали, как бы испугавшись сказанного. Портнов закурил. Рука со спичкой дрожала. Потом он выговорил с усилием:

– Может быть. Уничтожить всех сразу. Но мы должны помешать им расползтись.

– Каким образом?

– Главные силы где-то на орбите. Я думаю, без них Десантники не двинутся из Тугарина. А сигнал они должны послать через наш телескоп.

– Могут и без них. Я обмозговал бы это дело пошире. Ведь и комару жужжать не запрещается.

– Времени мало.

– Стратегию надо обдумывать серьезно, – сказал Митя. – И в сказке комары пожужжали, выбрали стратегию и медведя одолели... Портняжка, а зачем они пошли в Космос? Что им надо, этим Десанникам? А?

– Перенаселение, нехватка полезных ископаемых... Что еще?

– Хитрый Портняжка наряжает пришельцев в земное полукафтаны... Полезные ископаемые удобней искать на необитаемых планетах. А насчет перенаселения... Смотри-ка: зеленые человечки умеют сжимать личность до размера вишни, судя по этому ящичку. Так на кой им ляд жизненное пространство, если в твоём кармане уютно размещается десяток живых сознаний?

– Инстинкт завоевания, – сказал Портнов.

– Ну! Ты же марксист, изучал политэкономия! Инстинкты, страсти – господин Шопенгауэр, ай-ай... Инстинкт – это для перелетных птиц побудительно, а развитой цивилизации надо кое-что посерьезней. Перенаселение, перенаселение... Вот оно – кое-что. Рабочая гипотеза: они перенаселены мертвецами.

– Загну-ул... – сказал Вячеслав Борисович.

– Боже мой, это проще простого! У тебя в кармане лежит аппарат, который списывает с живого мозга полную картину сознания и хранит ее неограниченно долго. Точнее, пока не подвернется подходящее тело, в которое можно всадить это консервированное сознание.

Инженер крикнул.

– А-а, закрихтел... Разгадка-то лежит на поверхности... Предположим, ты выдумал эту штуку... из самых гуманных побуждений, чтобы победить смерть. Но что дальше? Стариков и безнадежно больных начинают спасать. Прячут их сознание в этот аппаратик, чтобы найти когда-нибудь потом свободное тело. Например, тело преступника. Можно у сумасшедшего сменить личность на здоровую, понимаешь? Но что будет дальше?

– Дальше начнутся неприятности, – подхватил Вячеслав Борисович. – Преступников и сумасшедших мало. И вообще это не метод.

– А! Понимаешь теперь? Поколения два-три они могли изворачиваться. Возможно, создали касту бессмертных властителей, которые веками кочевали из одного тела в другое. Возможно, что-то иное, однако долго это не могло тянуться, так как...

– ...круг посвященных расширился и на планете нарастал запас бессмертных сознаний?

– Невыносимая обстановка – друзья, родные, лучшие умы планеты томились в «вишнях»...

– И они двинулись в Космос за телами!

– Как испанские колонисты за рабами в Африку.

– Стройная картина, – сказал Вячеслав Борисович. – Вот что еще – как быть с моральными запретами? Вселить своего старшего родственника в инопланетянина... Похуже, чем в крысу или в гиену! По-моему, это непреодолимый запрет...

– А, мораль? – сказал Благоволин. – Мораль всегда отвечает потребностям общества.

– Пожалуй, так... Это могло пройти постепенно. Нашли на ближних планетах себе подобных, потом привыкли...

– Ну вот и договорились. Практические выводы ясны?

– Пока нет, – сказал Портнов.

– Ну боже мой! Даже хамы-работорговцы пытались беречь свое «черное дерево», поскольку живой раб приносил доход, а мертвый – одни убытки. Если наша гипотеза верна, то зелененькие должны прямо трястись над каждым телом. Для них потеря одного раба не исчисляется в пиастрах. Каждый человек, убитый при вторжении...

– Ага! Соответствует одной собственной жизни! – вскрикнул Портнов. – То-то они обходятся без кровопролития – им нужны тела для «вишен»!

– И дальше будут стараться в том же духе. Убивать – не-ет, это для другой психологии... – сказал Митя. – Если у тебя в чемодане томятся твои родители, бабушки и прапрадедушки, ты поневоле будешь любить и лелеять такого парня, как я.

Степка засмеялся. Про себя он стал называть этого великолепного дядьку Митей.

– Не тебя, – сказал Портнов. – Твою брентную оболочку.

– Ну давай так считать, – сказал Митя. – Важно другое. У них четкий метод завоевания: подмена личности. Без убийства! Двинули на них полк, они вселяются в офицеров – и штык в землю... Они должны стремиться захватить сразу как можно больше людей. Поэтому ядерное оружие, способное уничтожить все живое в определенном районе, для них пренеприятный сюрприз. Бах! – и все освоенные тела погибли. Следовательно, они должны рвануться из района Тугарина. Первый вывод: мы должны оцепить Тугарино, чтобы муха не вылетела...

– Так, – сказал Портнов. – Так, так! А у них мало Десантников, не хватает даже для охраны корабля.

– Звездный корабль... – мечтательно проговорил Митя. – Хотя бы одним глазком... Ладно. Я думаю вот что. Оцепить, пригрозить бомбой – только пригрозить. Тогда десанту придется уйти. Но прежде он наведет всю армаду. Скажем, прямо на Генштабы ядерных держав.

– Так... Первое – оцепление, второе – угроза... Запомнил. Если твоя гипотеза справедлива...

– Ты слушай, – сказал Митя. – Психология есть психология. У меня своя, а у них своя. Может быть, все как раз наоборот и они мечтают посмотреть на мегатонные взрывы, как я – на их корабли. Но покамест я бы пригрозил им этими взрывами и не дал бы воспользоваться телескопом для сигнала наведения.

– Так я с этим и пришел! – вскрикнул Вячеслав Борисович.

– «Ай-ду-ду...» – басом пропел Митя. – Одним махом семерых убиваю. Ты учти, им нужна только антенна от нашего телескопа. Если ты собрался портить не антенну, а усилитель, то время такой акции надо выбрать впритирочку. Чтобы они не успели до восьми часов присоединить свой усилитель.

– Так я с этим и пришел! Надеюсь, ты посоветуешь что-нибудь практическое.

– А, практическое? Дай знать в Москву, в Министерство обороны. Без этого все прочее бессмысленно. Пусть шевелятся, если еще не поздно. Если зеленые расползлись, не поможет и эйч-бамб...

После этого странного слова опять наступило молчание. Потом инженер умоляюще проговорил:

– Мить, я один не справлюсь.

– Я тут не игрок... Почему? Ты считаешься обработанным, а я – нет. Больше скажу. – Благоволин безмятежно улыбался. – Из соображений конспирации тебе следовало бы меня убрать, а?

– Не болтай!

– Почему же? Я посвящен в твои планы и, если меня обработают – завербуют, так сказать, – предупрежу. Потому я и знать не хочу, как ты намереваешься поступать. Кстати... радиолубителя знакомого у тебя нет? Езжай-ка лучше к нему и связывайся с Москвой. А я...

В глазах Вячеслава Борисовича что-то мелькнуло, и он неопределенно повел плечами. А Степка совсем растерялся. Только что он сидел и с блаженным чувством спокойствия смотрел на спину Благоволина – она была как стена, она была могучая и надежная, – и вдруг эти слова: «Тебе следовало бы меня убрать»! Он ужаснулся. Вот почему Вячеслав Борисович заставляет его разыгрывать перед Митей «девочку Машу»... Вот почему молчит об инструкции, написанной в кабинете... Он с самого начала помнил, что Митю могут обработать и он предупредит пришельцев о Степкином специальном задании!

Степка отвернулся от всего этого и стал думать о своем. Эйч-бамб... где-то он слышал... Странное слово какое. Он смотрел в окно и не мог думать. Митя говорил:

– Я постараюсь подольше не попадаться.

- Может, пистолет?
- Тебе он нужней, Слава. Я по живому не выстрелю.
- Сейчас надо принципы в сторону.
- А! Мои принципы: хочу – выполняю, хочу – нет? Эх, Портняжка... Но ты не волнуйся уж так. У меня есть план.
- И прекрасно, – сказал Вячеслав Борисович. – Маша, поехали!
- Степка не повернулся, он чувствовал – им еще надо поговорить. И правда, сейчас же Портнов спросил:
 - Ну, какой план?
 - Не секретный. Я теперь предупрежден, так-сяк проинформирован, немного представляю себе схему их воздействия на мозг и попытаюсь с ними потягаться.
 - Что?!
 - Мне кажется, – очень мягко пояснил Митя, – что мощный и информированный разум должен потягаться с подсаженным сознанием. *Они* оставляют нетронутыми некоторые высшие области мозга – я, правда, не специалист, – но центры речи, письма, вся память... Они лишь добавляют свою память.
 - И волю, – сказал инженер. – Маша, оторвись от окна, наконец! А ты, Дмитрий, не вовремя ударяешься в науку. Двери сам им откроешь? Чтобы потягаться?!
 - Я не тороплюсь стать подопытной собакой, – сказал Благоволитин. – Не тороплюсь, но и не боюсь. И мне странно слышать, что ученый отождествляет научный эксперимент с предательством.

Опять один

Впоследствии Степка вспомнил эти споры и понял, что Портнов еще тогда все решил, но теперь Степка был совсем огорошен. Пусть будет так, пускай Благоволитину и незачем ехать к телескопу – «слизняку» и личного номера у него нет, и уже в воротах к нему прицепится охрана. С другой стороны, он как-то не по-товарищески оставлял Портнова одного. Насчет его затей – пересилить «гипноз» – Степка сомневается, конечно. Сурен Давидович не пересилил... Ковыряя ногтем краску на подоконнике, Степан смотрел на улицу.

Зашуршали колеса. Тихо подкатил и остановился перед общежитием зеленый ГАЗ-69. Из него вылезли двое и не спеша двинулись к подъезду.

Наверно, у Степана ошетинился затылок: Благоволитин мгновенно придвинулся к окну, посмотрел и – уверенным шепотом:

- На правую лестницу, в черный ход и во двор!

И Степка с Портновым очутились в коридоре. И сейчас же щелкнул замок, и за дверью затрещало и заскрежетало.

– Двигает шкаф, – шепнул Вячеслав Борисович, и тихо, по прохладному коридору, они проскочили к правой лестнице.

На площадке Степан сказал: «Если что – свистну» – и побежал вперед. И, не встретив тех двоих, они вскочили в машину. Вячеслав Борисович запустил двигатель и поспешно, рывками переключая скорости, пошел наутек. Свернув на улицу Ленина, он проговорил устало:

- Выйдешь за поворотом на совхоз. Иди к высоковольтной, там прочти инструкцию и действуй.
- Лучше я с вами, – сказал просяще Степан и проверил, не потерялся ли из-за пазухи пистолет.
- Со мною нельзя.
- Вы будете портить этот... усилитель?

– Уж теперь в аппаратную и мышь не проскочит. – Инженер оглянулся, машина вильнула. – А, черт!.. Действительно, надо было его...

– Ну уж нет, – сказал Степка.

– Не знаю. Одну толковую мысль он мне подал... Не знаю... Слушай, Степа. Если встретишь меня – тикай. Не попадайся на глаза еще пуще, чем всем остальным.

– Почему?

– Если меня снова обработают, я же тебя и выдам.

Машина опять вильнула. Степка спросил:

– А почему он «сентиментальный боксер»?

– Он хороший человек, – с тоской сказал Портнов. – Очень хороший. Не то что убить – ударить человека не может. Я торможу. Приехали.

«Эге, такой дядька, да еще боксер, ударить не может – как бы не так!» – подумал Степан, и в расчете на то, что сзади окажется погоня, и некогда будет останавливаться, и вдвоем с инженером они примчатся на телескоп и там «устроят», Степка спросил неторопливо:

– А кто такой эйч-бамб?

– Водородная бомба по-английски, – сказал инженер и нажал на тормоз.

Степка втянул голову в плечи.

– Ну, иди. Спокойно иди, я любой ценой – любой, понимаешь? – продержусь, а ты действуй спокойно. И берегись, вся надежда на тебя.

– А вы туда не езжайте! Зачем едете?

– Для отвода глаз. Насчет тебя Благоволин не знает, а меня станут искать. И все равно отыщут. Прощай.

Он чмокнул Степку в лоб, вытолкнул из машины, крикнул:

– Попробую их обогнать! – и умчался.

На повороте его занесло влево, мотор взревел, и Степан опять остался один.

Сурен Давидович

В это время я, Алешка Соколов, сидел рядом с Суреном Давидовичем на опорной плите зеленой штуки, похожей на перевернутую огромную пробку от графина. Я сидел справа от Сура, а слева поместился толстый заяц. Он восседал с необыкновенно независимым, залихватским таким видом, вытянув задние лапы, так что они торчали далеко вперед и немного вверх. В жизни бы не подумал, что зайцы могут сидеть таким манером! Его вид поразил меня сильнее, чем невидимый забор вокруг «зоны корабля». Сильнее, чем здоровое, легкое дыхание Сура. Наверно, от беготни у меня мозги замутились или что-то в этом роде – я тарасился на зайца, пока не сообразил, отчего он так сидит, вытянув задние ноги по-господски. Зайцы и кролики сидят всегда, поджав задние ноги, правда? Потому что бояться. Они все время наготове прыгнуть и удрать, а чтобы прыгнуть сразу, задние ноги им приходится держать согнутыми. Я путано объясняю. Этого и объяснить нельзя. Не будь рядом со мною Сура, я бы испугался этого зайца.

Теперь я не боялся ничего.

Сурен Давидович нашелся! *Эти* не убили его, он их сам перехитрил и пробрался в их «зону»! Я был готов замурлыкать, как сытый кот, я так и знал – никаким пришельцам не справиться с нашим Суреном Давидовичем!

Сур молчал, поглядывая то на меня, то на зайца. Иногда он двигал руками, как при разговоре, а заяц перекладывал уши и шевелил носом.

Поймите, я же ничего не знал – уехал с докторшей, проводил ее до Березового и вот вернулся. Ничего не знал, ничего! Я улыбался и мурлыкал. Потом сказал:

– Сурен Давидович, у вас прошла астма? А как вам удалось сюда пробраться?

Заяц почему-то подпрыгнул.

– Скажи, пожалуйста, как ты сюда пробрался, – неприветливо отвечал Сур. – Где взял микрофон? Где твой микрофон, скажи!

– Во рту. Вынуть? – Я понял, что так он называет «слизняк».

– Пожалуйста, не вынимай. Зачем теперь вынимать? Как ты назвал себя селектору?

– Какому селектору? – удивился я. – Что Нелкиным голосом разговаривает? А-а, я сказал: Треугольник-одиннадцать. Неправильно?

Он странно, хмуро посмотрел на меня и прикрыл глаза. Я же будто очнулся на секунду и увидел его лицо не таким, каким привык видеть и потому заставлял себя видеть, а таким, каким оно теперь стало: узким, жестким, спаленным. Узким, как топор.

Рот чернел между вваленными щеками, рассекая лицо пополам.

У меня екнуло сердце. «Не может быть, этого не может быть! Нет, слышите вы, этого не может бы-ть!» – завывало у меня внутри. Завывало и заторопилось: «Не может быть. Сур перехитрил *этих*. Он старый солдат. Он перехитрил *их*. Астма у него прошла, как на войне, – он говорил, что на фронте не болеют».

И я опомнился, но мне казалось, что я вижу сон. Потому что сидели мы тихо, молча на круглой шершавой опоре странного сооружения, которое было, наверно, кораблем пришельцев. Было светло, но солнце не показывалось. Деревья, корабль, мы сами не отбрасывали теней. Я опять посмотрел вверх и опять не увидел неба, стенки оврага сошлись над головой, очень высоко, в полутумане, расплывчато. В желтом солнечном свете, сиявшем где-то вовне. Было очень светло, словно вокруг нас замкнулся пузырь, излучающий свет.

Сур приоткрыл глаза:

– Алеша... Послушай наш разговор – Девятиугольник – двести восемьдесят один насчет тебя интересно высказывается. Бояться не надо. Я тебя взял на попечение. Слушай.

Во рту щекотно запищал «микрофон» голосом Сурена Давидовича:

«Девятиугольник, что ты говорил о детеныше?»

«Почему бы его не пристукнуть? – ответил Нелкин голос. – У нас хлопот вагон, а ты возишься. Пристукни его, Квадрат – сто три!»

Голос Сура сердито отчитал:

«Как смеешь говорить об убийстве?! Я взял детеныша на обучение! Скажи, не пора тебе на патрулирование?»

Селектор выругался. В жизни бы не подумал, что Нелка знает такие слова. Заяц подпрыгнул. «Да вы, высшие разряды, вечно чушь несете, – пищала Нелка. – Потеха с вами! Ты бы делом занимался, Четырехугольник!»

Сур вслух сказал:

– Отвратительный переводчик! Жаргон, ругательства... Нравится тебе Девятиугольник, Алеша? – Он пощекотал зайцу живот.

Заяц недовольно отодвинулся и сел столбиком.

Я обомлел:

– Это он – Девятиугольник?! Они и зайцев гипнотизируют?

– Ты становишься непонятлив, – сухо отвечал Сур. – Не гипнотизируют. В него посажен Десантник.

– Сурен Давидович, какой Десантник? Он же заяц, посмотрите!

– Десантник. Тот, кто высаживается первым на чужие планеты.

Я зажмурился и, пытаясь проснуться, пробормотал:

– Высаживается на чужие планеты. Значит, вот они какие – вроде наших зайцев...

Сур вдруг деревянно засмеялся. И я понял, что он тоже, как этот несчастный заяц, воображает себя Десантником. Не перехитрил он пришельцев, они его подмяли.

Я стал раскачиваться и щипать себя за икры, чтобы проснуться. Голос Сура запищал в микрофоне: «Девятиугольник, полюбопытствуй! Пуская воду из глаз, люди выражают огорчение...»

Он знал меня хорошо. От насмешки я взвился, промазал ногой по зайцу: он весело отпрыгнул, а я заорал:

– Сурен! Давидович!!! Они вас загипнотизировали-и! Не поддавайтесь!!!

Он сказал:

– Вытри слезы.

Я вытер. И заорал опять:

– Не поддавайтесь им! Зайцы паршивые!

Тогда он сказал почти прежним голосом:

– Голову выше, гвардия! Ты же мужественный парень. Почему такая истерика? Видишь, я за тебя поручился, а ты свою чепуху про гипноз. Какой же это гипноз?

Я притих.

– Видишь, тебе и самому непонятно. Поговори хоть с Девятиугольником и рассуди: разве можно путем гипноза научить зайца разумно беседовать? Кстати, при разговоре микрофон прижимают языком к нёбу и говорят, не открывая губ. Ты быстро научишься.

– Я не желаю научиться. Я не заяц, я человек! А они – фашисты, они хуже фашистов, потому что притворяются и сидят спрятанные, а людей заставляют делать подлости вместо себя!

Он рассеяннотерпеливо кивал, пока я выкрикивал.

– Ты кончил говорить? Кончил. Объясняю тебе, Алеша: никто не притворяется. Пришельцы не прячутся. И я, и этот заяц – довольно крупный, но обыкновенный заяц, – мы оба и есть пришельцы, как ты выражаешься. Не закатывай глаза. Постарайся это понять. Мы прилетели на Землю в этом корабле.

– Вранье это, вранье! – крикнул я и задохся. – Вранье-о!..

«А-о-о!» – ответило эхо и стало перекатываться. Крик метался вокруг, гудя на стенках пузыря.

– Этот заяц дрессированный, – выговорил я. – А вы нездо-оро... – Почему-то я стал заикаться. На букве «о».

– Вдохни три раза глубоко и потряси головой, – сказал Сурен Давидович. – Девятиугольнику пора на патрулирование, а ты отдохни пока.

Как Девятиугольник поскакал на свое патрулирование, я еще видел: он прыгал чуть боком, заноса задние лапы вперед головы, и любопытно блеснул выкаченным глазом. Скрылся на подъеме, потом уже вверх подпрыгнул свечкой и сгинул. И у меня тут же начало мутиться в глазах, все исчезло, сойдясь в одну точку. Очнулся я лежащим на сыром овражном песке, а рядом со мною сидел на корточках Сур.

Пришельцы

Я сел. Сурен Давидович аккуратно устраивал в кармане куртки небольшой зеленый ящичек. Уложил, застегнул молнию и спросил:

– Скажи, тебе лучше по самочувствию? – (Я кивнул: лучше.) – Замечательно! Я ведь хочу тебе добра, а сейчас открываются блестящие возможности для тебя...

Я снова кивнул. Я чувствовал себя неуклюжим и спокойным, как гипсовая статуя, что ставят в парках. Сурен Давидович это заметил и прихлопнул ладонями – верный признак удовольствия.

– Скажи, ты понял насчет пришельцев?

– Не понял.

– Опять не понял! Спроси, я объясню... Не понимает! – Он пожал плечами.

– Конечно, – сказал я. – Если я придумаю, будто я – не я, а вовсе киноартист или Петр Первый, вы тоже не поймете.

Тогда он мне и объяснил сразу все. Ну, вы знаете. Как они выдумали машинки для записи сознания, стали бессмертными, а их тела умирали, и поэтому они двинулись в Космос за телами. Он сказал, что корабль Десантников совсем маленький. В него помещается несколько сотен кристаллических записей размером с крупнокалиберную пулю. В большом же корабле, для переселенцев, их помещается несколько миллионов, и такие корабли спускаются на Землю. Они так уже делали много раз – захватывали чужие планеты. Без выстрела. Они просто подсаживали в каждого «дикаря» сознание одного из своих. Для Земли приготовлено как раз три миллиарда кристаллических записей. По количеству людей.

Не путайте мои приключения со Степкиными. Он уже знал про «вишенки», а я – нет. Сурен Давидович называл их Мыслящими. Он говорил, говорил... Может быть, пришельцу, который сидел в его мозгу, хотелось выговориться. Я слушал и с жуткой ясностью представлял себе зеленые корабли, летящие в черной пустоте. Не такие, как десантный, – огромные. Они расползались по всей Галактике, без экипажей, без запасов воды и пищи. Даже без оружия. Только у Десантников было оружие. А большие корабли шли, набитые кристаллическими записями, Мыслящими этими, как мухи, несущие миллионы яичек. Корабль Десантников отыскивал для них подходящую планету, спускался и выбрасывал «посредник». Понимаете? Некому было даже выйти наружу. Вылетал робот и неподалеку от корабля оставлял замаскированный «посредник». У нас его замаскировали под пень. И первый, кто случайно подходил к нему, становился первым пришельцем. Как этот несчастный заяц. Он просто подскакал к «посреднику», и – хлоп! – в него пересадили кристаллическую запись Десантника девятого разряда. Он стал одним из Девятиугольников. А под утро на пень набрел Федя-гитарист.

«Так был я всюду – везде, – слышал я странную, слитную речь. – Тысячелетия мы шли по Космосу. Сотни, сотни, сотни планет!»

Потом он замолчал, а я сидел съежившись, и было очень холодно. Озноб вытекал из меня в жаркий, стоячий воздух оврага. Я знал, что вокруг тепло, и ощущал теплую, твердую поверхность, на которой сидел, и теплый, плотный песок под ногами, и жар, излучаемый кораблем. Но я замерзал. У меня в глазах был черный, огромный, ледяной Космос, и в нем уверенно ползущие огни кораблей. С трудом я пошевелил губами:

– Какой у вас вид на самом деле?

Он сказал:

– Тебе будет непонятно. Нет «на самом деле».

Я пожал плечами и спросил:

– Как вас зовут?

– Квадрат – сто три. Такие имена у Десантников. Квадрат – Десантник четвертого разряда. Сто три – мой номер в разряде. Квадрат – сто три.

– А настоящего имени у вас нет?

– Мы служим Пути. Наша работа – готовить плацдарм для больших кораблей. Они приходят – мы уходим. Пятьсот – семьсот тел, которые мы временно занимаем, освобождаются, и их берут переселенцы. Мы уходим дальше, высаживаемся на другой планете, с иными языками, на которых нельзя произнести имени, свойственного предыдущей планете...

– Погодите, – сказал я. – У вас что, нет своего языка? Есть? А как вас звать на вашем языке?

– Квадрат – сто три. Объясняю тебе: я – Десантник. Мы не носим настоящих имен.

– Погодите... На своей планете тоже?

Он хрипло рассмеялся.

– Когда наступит ночь, посмотри вверх. Выбери любую звезду и скажи нам: «Это ваше солнце!» Мы ответим: «Может быть».

Я почему-то кивнул, хотя и не понял его слов. Потом все-таки переспросил, почему любая звезда может оказаться их солнцем.

– Мы не знаем, откуда начался Путь, – ответил он.

– Не знаете? Как это может быть?

– Космос огромен. Путь начался, когда звезды еще были иными. Путь велит нам смотреть вперед.

Он говорил равнодушно, будто о гривеннике, потерянном из дырявого кармана, и меня это поразило. Сильнее всего остального. Я получил масштаб для сравнения: планета дешевле гривенника! А я? Наверно, как гусеница под ногами. Захотели – смахнули с дороги, захотели – раздавили. И не захотели, а просто не заметили. Разве мое тело им понадобится под Мыслящего.

И я замолчал. Хоть режьте, буду молчать и все равно удеру. А если вы захватите всю Землю, уйду на край света, и вы до меня не доберетесь.

Так я решил и повернулся спиной к Квадрату – сто три. Больше я не звал его Суреном Давидовичем. Баста.

Он заговорил снова – я молчал. Но тут прикатился заяц Девятиугольник, вереща Нелкиным голосом:

– Дрянь, дрянь, собака! Понимает о себе много! Уф! Она околачивается у прохода, Квадрат – сто три.

Квадрат быстро пошел наверх. Я выждал минуту. Заяц опять тарасился на меня и подпрыгивал. А когда я встал и попробовал уйти, корабль ослепил меня лучом. Заяц предупредил:

– Сидел бы ты, щенок... Лучемер головешки от тебя не оставит...

Я сел и на всякий случай прижался спиной к кораблю – туда луч не достанет... Я помнил, как Девятиугольник требовал, чтобы меня пристукнули. Все-таки я хотел жить и выбраться отсюда.

А заяц тряс ушами – смеялся.

...Я закрыл глаза и вообразил, будто сплю, лежа в своей кровати у открытого окошка. Сейчас зазвонит будильник, я проснусь, мать накормит меня завтраком. Пойду в школу, высматривая по дороге Степана, а на ступеньках универмага будет совершенно пусто, и сегодняшний день ничем не будет отличаться от всех весенних дней.

– Собака ушла, – сказал заяц. – Квадрат – сто три возвращается. – Он подпрыгнул несколько раз, все выше и выше, и начал расписывать, какая страшная была собака.

В породах он, понятно, ничего не смыслил. По описанию получалось – дог. Огромная, с короткой шерстью, светло-серая собака. Морда квадратная, тупая. Хвост длинный, голый, как змея, – тут зайца передернуло. Я злорадно спросил:

– Боишься собак, гаденыш?

Вернулся Квадрат – сто три, прогнал зайца на патрулирование. А мне приказал:

– Алеша, твой микрофон! – И подставил руку.

Я выплюнул в нее «слизняк». Квадрат – сто три небрежно опустил его в карман и пошел следом за зайцем. Я не мог удрать, для того у меня и отобрали эту штуку – она служила пропуском в «зону». Остался в проклятом пузыре и мог молчать, сколько мне было угодно.

Допрос

Я отполз от корабля, забился в моховые кочки под откос и там лежал. Слышал, как вернулся Квадрат – сто три. Потом ухо, прижатое к земле, уловило чужие шаги. Они дробно

простучали по откосу и стихли поблизости. А мое тело отказывалось двигаться. Веки не хотели подниматься... Решайте свои дела без меня, я полежу, здесь мягко. На свете два миллиарда больших людей. Что вы привязались, почему я обязан заботиться и где это сказано, что один мальчишка на огромной Земле обязан и должен? У вас армии, ракеты. Кидайте сюда ракеты, и пусть все кончится, я согласен. Не хочу подниматься.

...Еще шаги. Что-то тяжело ударились о землю. Потом голоса. Опять Киселев – Угол третий! Он говорил где-то поблизости...

Пусть. Меня это не касается. Слышать не хочу их разговоров. Я один, мне еще четырнадцати нет, сопротивлялся я. И вдруг над лесопарком затрещал самолетный мотор. Звук приблизился, стал очень сильным, загрохотал и умчался.

– Зашевелились...

Это сказал плотный человек, седой, важный. В Тугарине я его никогда не видел. Он восседал на плите корабля, подтянув на коленях дорогие серые брюки, а пиджак держал на руке. Рядом примостился Федя-гитарист. Вертя головой – шнур бластера, видимо, резал ему шею, – он проговорил:

– Еще девяносто пять минут. Придется драться, Линия-восемнадцать?

Седой неторопливо ответил:

– Потребуется служба – будем принимать меры. Решим вопрос. – Он выпятил губы и искоса взглянул на Киселева. – Самочувствие-то как, Угол первый?

Я подумал, что Линия – большой начальник у Десантников и путает их имена. Наш завуч, например, старается каждого ученика звать по имени и всегда путает. Но Киселев не поправил седого. Пожал плечами и стал отряхивать песок с брюк и рубашки.

– Да-а, начудил Угол третий, начудил... – сказал седой.

– Отличный, проверенный Десантник, – вступился Киселев. – Это обстановка. Абсолютно!

– Мне адвокатов не надо, Угол первый, – сказал седой. – Утечка информации, – он загнул толстый палец, – утрата оружия да еще история с Портновым. Мало? О-хо-хо... За меньшее Десантников посылают в распылитель!

Я даже заморгал. Утечка информации – понятно, Анна Егоровна доехала до района. Вот почему самолеты летают, у-ру-ру! Оружие – тоже понятно. Это бластер, который мы увезли из подвала и который сейчас лежит у самого входа в «зону». Какая-то «история с Портновым» меня не интересовала. А вот почему Киселев сменил номер?..

Я еще посмотрел, как он счищает песок с левого бока, и чуть не захихикал. «Вот что ударились о землю, пока я лежал. Киселев падал, когда в нем сменяли Мыслящего... А-а, зашевелились-то вы, гады! Угла третьего сменили. Начудил, говорите?»

– Ты не паникуй, – говорил седой. – Пока мы на высоте, на высоте... И Угол третий не одни ошибки допускал. Скажем, для меня подобрал подходящее тело – вполне осведомленный экземпляр.

– Угол третий – проверенный Десантник, – снова сказал Киселев. – Внимание, блюдца!

Они вытянули шеи, прислушиваясь. Кивнули друг другу и отбежали на несколько шагов, едва не наступив на меня. Я упрямо лежал.

Корабль громко зажужжал и приподнялся над песком. Я увидел круглый след плиты на песке. Он быстро светлел – песок впитывал воду, выжатую весом корабля на поверхность. Та-ших-х!.. Округлое, плоское, радужнее тело вырвалось из-под плиты и унеслось в зенит. Наверху громко хлопнуло, мелькнул клочок голубого неба, и пелена, одевающая зону, опять закрылась. А корабль уже стоял на месте. Через две-три секунды все повторилось: корабль приподнимается, вылетает радужная штука, корабль опускается. Когда унеслась с шипением третья штука, Киселев закрыл глаза и прислушался. Доложил:

– Расчетчик еще думает, Линия-восемнадцать.

Тот важно ответил:

– Добро! Пока с этим побеседуем, м-да... – И показал на меня.

– Мальчик, встань! – приказал Киселев.

– Ну чего? – проворчал я и уселся, поджав ноги.

Они вдвоем сидели на опоре корабля, а я – на кочке, в пяти-шести шагах от них.

Седой заговорил наставительно:

– Расчетчик обдумал твою судьбу. Решил тебя помиловать, м-да... Будешь находиться здесь. Чуть не то – сожжем. Понял?

Я промолчал. Седой грузно наклонился ко мне:

– Вот что, Алексей. Где ты бросил оружие? Ты не притворяйся, дельце нехитрое! Будешь запираяться – посадим к тебе Десантника. И он за тебя все и скажет, так уж лучше ты сам, оправдывая оказанное доверие.

– А я не просился к вам в доверенные...

Почему-то они остались очень довольны моим ответом. Загоготали. Киселев сказал одобрительно насчет моей психики. И опять мелькнуло слово «комонс», которое я уже слышал, пока лежал во мху. Гитарист сказал, что вроде не комонс, а кто-то другой. Я тоже попытался улыбнуться. Лихо сплюнул на песок, будто очень польщен их разговором, только не хочу показывать вида. А на деле я внезапно понял, что они могли посадить в меня «копию» *насовсем*. Раньше я об этом не думал. Не верил. Ну, вы знаете, как не веришь, что помрешь, хотя все люди умирают...

Я опять сплюнул и ровно в ту секунду, когда было нужно, сказал:

– Оружие ваше я потерял здесь, неподалеку.

Мне ответил седой:

– М-да. Девятиугольник видел, как ты с ним бегал. Где точно?

– Не заметил. – Я пожал плечами. – Набегался я здесь, знаете. Должно быть, рядом, у прохода.

– И это знаем...

– Зачем же спрашиваете, если знаете?

Они еще раз переглянулись. Поверили, что я говорю правду.

Я в самом деле только малость соврал. Я помнил куст, под которым остался лежать бластер в коричневом чехле для чертежей. У самого прохода. Как его не нашли, если уж взялись искать?

Самолет прогудел еще раз. Теперь он прошел несколько в стороне. Эти двое ухом не повели, будто так и надо. Седой пробормотал: «Расчетчик» – и прикрыл глаза. Потом Киселев приподнял его и отвел от корабля. При этом на руке седого блеснули часы. Я разглядел стрелки – без двадцати семь. Прошло минут пятнадцать с начала нашего разговора. То есть оставалось восемьдесят минут до момента, в который им «придется драться».

Я сделал бессмысленное лицо и спросил:

– Федор, а Федор... Что будет в восемь часов?

– Цыть! Схлопочешь ты у меня конфетку...

Седой открыл глаза и скомандовал:

– Еще один вертолет садится у совхоза! А ну, видеосвязь!

Полковник Ганин

Федор подбежал к кораблю, взмахнул рукой, и в зеленой тусклой поверхности, в метре от земли, открылся круглый люк. Бесшумно, как большой круглый глаз с круглым коричневым зрачком, только зрачка этого сначала не было, а потом он выплыл из темноты и,

покачиваясь, остановился посреди «глаза». Я попятился, споткнулся о кочку, а Десантники, наоборот, придвинулись к кораблю и наклонились, всматриваясь.

В зрачке что-то вертелось, мигало... Вертолетный винт, вот оно что! В люке корабля покачивался телевизионный экран странного красно-коричневого цвета. На нем очень отчетливо виднелся маленький вертолетик – красная звезда казалась черной, – и между головами Десантников я видел на экране, как открылась дверь кабины, на землю прыгнул человек. Телевизор мигнул и показал этого человека крупным планом. Он был в военной фуражке.

– Полковник Ганин, из округа. Не иначе парламентар, – определил седой. – Дай звук.

От корабля послышалось шипение. В этот момент полковник схватился за сердце и пробормотал:

– Здесь красивая местность.

Парламентар? Военный посол, похоже?... Только он уже не был парламентаром – в него подсадили Мыслящего. Он улыбнулся и спросил:

– Ты Линия-шесть?

Другой голос сказал:

– Я Линия-шесть. Докладывай, с чем послан. Два разряда нас слушают.

Глядя на кого-то невидимого за рамкой экрана, полковник сказал:

– Послан с ультиматумом. С момента приземления вертолета нам дается шестьдесят минут на эвакуацию. Гарантируется безопасность летательных средств в пределах запрошенного нами взлетного коридора.

– После срока ультиматума?

– Ядерная атака.

– Это не блеф?

– Не могу знать. Скорее всего, нет. Настроение подавленное. Вокруг района разворачивается авиадесантная дивизия. Придана часть радиационной защиты.

– Откуда они имеют информацию?

– Получили радиограмму с телескопа.

Седой сказал Киселеву:

– Вот тебе твой Портнов...

Голос за экраном спрашивал:

– О времени сигнала они имеют информацию?

– Не могу знать. С содержанием радиограммы не ознакомлен.

– Твое личное мнение о плане действий?

– Потребовать девяносто минут на эвакуацию. Навести корабли на Москву, Вашингтон, Нью-Йорк, Лондон, Париж, на все ядерные штабы. Десантный корабль увести демонстративно, сообщив им координаты взлетного коридора. Оставить резидентов, конечно. Все.

– Мы успеем дать наводку за пятьдесят пять минут.

– Они согласятся на девяносто. Совет?

Брякающий, неживой голос прокричал:

– Трем разрядам совет! К Расчетчику!

Я видел, как у седого и гитариста опустились плечи, экран потемнел, у меня сильно, больно колотилось сердце и онемело лицо. Потом седой сказал:

– Так, правильное решение! – И экран опять осветился.

Сорвалось

Я придвинулся ближе. Федор и седой стояли немного поодаль друг от друга, пригнувшись, чтобы лучше видеть экран. На меня они совсем не обращали внимания. Словно меня здесь и не было. И я осмелел и встал между ними – чуть наклонившись, как и они.

Настоящего смысла их небрежности я не понимал, конечно. Почему они вели при мне секретные разговоры? Честно говоря, я думал – убьют, чтобы не разболтал их секреты. И не боялся. Слишком устал. Тусклая зеленая поверхность корабля, коричневые фигурки на экране дрожали и расплывались, но я смотрел. Экран показывал часть выгона, на который опустился вертолет. Винты машины лениво вращались, из открытой дверцы кто-то выглядывал, а вокруг полковника Ганина собралась целая толпа.

– Ну-ну! Аккуратненько! – сказал седой.

Они там что-то делали с полковником. Я подумал – окончательно гипнотизируют, и сейчас же увидел, что вовсе не гипнотизируют, а передают ему такие же прямоугольные ящички, какой я видел здесь, у бывшего Сурена Давидовича. Все остальное изображение было коричневым, а ящички светились зеленым. Полковник положил их в нагрудные карманы мундира. Майор, который встречал Ганина, спросил:

– Хватит тебе двух «посредников»? Возьми третий.

– Не в руках же его нести! – возразил Ганин.

– Наблюдают усердно, – сказал второй. – Заподозрили? – Он говорил о людях в вертолете. Из открытой дверцы выглядывали уже двое.

– Представления не имею, – сказал Ганин.

– Действуй «посредником» прямо из кармана. Нити выведи!..

Ганин сказал:

– Слушаю, Линия-шесть! – откозырял и строевым шагом двинулся к вертолету, к лесенке, спущенной с борта на землю.

А в вертолете произошло свое движение. Один наблюдатель стал смотреть вверх, а второй скрылся, и вместо него появился новый – без кителя и с пистолетом в руке.

Федор выругался. Седой тоже. Человек с пистолетом высунулся из дверцы и крикнул:

– Полковник Ганин! На месте!

Полковник остановился.

– Прошу доложить их ответ, товарищ полковник.

– Требуют девяносто минут на эвакуацию, – нетерпеливо сказал Ганин. – В чем дело, капитан?

– Вам приказано оставаться здесь. Проследить за эвакуацией, – торопливо проговорил капитан и дверцу захлопнул.

Взвыли винты. С полковника Ганина сдуло фуражку, вертолет прыгнул вверх, и сейчас же экран погас. Федор злобно сплюнул. И они с Линией уставились друг на друга. Потом одинаковым жестом выплюнули «микрофоны» в ладони. Я отошел – на всякий случай.

– Что скажете? – выдохнул седой.

– Один-ноль в их пользу, – сказал гитарист. – Слушай, Линия, так же не бывает! *Не бывает!* Предположим, Портнов сообщил насчет пересадок Мыслящих. Еще о чем-то...

– И о засылке резидента с «посредниками», а?

– Вот и я про то же! Откуда им было знать? Ты гляди, все как по нотам – городишко обкладывают, бомбардировку готовят и этого, – гитарист ткнул пальцем в экран, – этого послали подальше.

– Думаешь, где-то капает? – спросил седой.

– Думаешь... Э... Замкнутые?

– Да! Ты обязан доложить Расчетчику, Линия-восемнадцать...

– Ба-алван! – лениво протянул седой. – В Расчетчике сейчас шесть Линий – они дурней тебя, думаешь? Уйдем в маршрут – закаты общую проверку всех Десантников. Сейчас все равно проверку не устроишь, идет операция... Сейчас задача – дать наводку.

Я жадно слушал. Вот оно что! Они хотели заслать Ганина как постоянного шпиона, резидента... И еще – с «посредниками». Чтобы он превратил в пришельцев и других людей.

«Сорвалось, сорвалось!» – думал я злорадно. И больше не ощущал себя одиноким, брошенным, нет! Наверно, эти мысли что-то изменили в моем лице. Седой показал на меня:

– Вишь, глазами бы так и съел... Не ищи сложных причин, Угол. Причины все простые. К Портнову прибежала какая-то девчонка, до сей поры не отыскали... А, вот и Квадрат!

Сверху спускался Квадрат – сто три.

– Оружие унесла собака, – доложил он. – Пес Эммы Быстровой, Угол ее знает. – (Киселев кивнул.) – Около часа назад он погнался за Девятиугольником, у входа в «зону» подхватил чехол с оружием и унес.

– Блюдце послал?

– Сделано, Линия-восемнадцать. Женщина с собакой обнаружена у совхоза, оружия при них нет. Сейчас их перехватит Шестиугольник – пятьдесят девять с «посредником». Через десяток минут все узнаем об оружии. Я распорядился: Десантнику в собаке оставаться, оружие доставить к наводчику и там включиться в охрану.

– Одобряю, – сказал седой. – Угол, едем! Заводи свою молотилку. – (Киселев повернулся, побежал по откосу.) – Квадрат, с мальцом решили вопрос положительно. Выполняй. Данные хорошие, чтобы к старту было нормально, смотри! – С этими словами он исчез, и тут же глухо зафыркал мотоцикл. Уехали.

Квадрат – сто три

Я, вообще-то, кисляй. Так меня Степка ругает, и он прав. В том смысле, что я теряюсь, когда надо действовать решительно. Удивительно, как у меня утром хватило решимости пойти за гитаристом, но тогда очень уж разобрало любопытство. А сейчас, когда я второй раз увидел бывшего Сурена Давидовича, со мной случилось что-то странное. Я просто осатанел – сердце колотилось тяжелой кувалдой, лицо немело все больше, и я всех Десантников ненавидел. Даже несчастного полковника Ганина, который совершенно уж ни в чем не был виноват, которого послали по-честному, как военного посла, передать честное предупреждение. И от ненависти я стал хитрым и быстрым. А, вам мало захватить весь мир! Вы со мной еще «решили вопрос положительно», и вам нравятся мои данные...

Нет! Я твердо знал: лучше разобью себе голову об их проклятый корабль, но ничего не дам с собой сделать! Я, как собака, чуял, что делать хотят нехорошее. И чутьем понимал, что единственное спасение – держаться как можно дальше от «посредников». Насмотрелись мы со Степкой, как действуют эти «посредники», так что я твердо знал одно: они действуют не дальше чем в нескольких шагах. «От корабельного бластера не убежишь», – подумал я и ответил себе вслух:

– А плевать, пусть жжет...

– Ты о чем? – мирным голосом спросил Квадрат – сто три.

Он выглядел как Сурен Давидович и говорил как Сурен Давидович, но я отскочил, когда он шагнул ко мне. У меня только вырвалось:

– Что вы хотите со мной сделать?

Он все понимал. Он всегда и везде понимал все насквозь и сейчас, конечно, раскусил мой план – держаться от него подальше. Поэтому он уселся на корабельную опору и не стал меня догонять. Я заметил, что Десантники при каждом удобном случае старались прикоснуться к «посреднику» либо к кораблю.

Он сказал:

– С тобою надо начистоту, Алеша. Я понимаю. Ну, слушай...

И стал меня уговаривать.

Я старался не слушать, чтобы не дать себя заговорить, утишить, чтобы не потерять ненависти и не прозевать ту секунду, когда он подберется ко мне с «посредником». Кое-что я

запомнил из его речей. Через небольшое время их основные силы захватят столицы великих держав и вся Земля им покорится. Но тогда получится «трагическое положение», как он выразился, потому что дети, лет до пятнадцати-шестнадцати, не могут принять Мыслящего. Для Десантников это неожиданность, однако они уже придумали, как исправить положение. У них есть такие штуки, излучатели, от которых все растет страшно быстро. Все живое. В корабле, внутри, есть такой излучатель, и если я зайду внутрь, то за несколько часов вырасту на несколько месяцев. Это будет первой пробой, а потом они меня дорастят и до шестнадцати лет.

Я видел, он врет про излучатель. Я сказал:

– Не пойду. Не хочу.

– Но почему – скажи.

– Я вас ненавижу.

Он стал объяснять снова. Говорил, что вся Земля станет счастливой и здоровой, что люди будут жить до трехсот лет, и не будет войн, и у всех будут летательные аппараты и механические слуги, и все дети будут вырастать до взрослого за несколько месяцев. Он сказал:

– Вот какие будут замечательные достижения! И учти, Алеша: корабль стартует, а ты будешь внутри и сможешь смотреть через иллюминатор. Неплохо, а?

Теперь он говорил искренне, и я едва не попался – посмотрел на корабль и представил себе, как он поднимается, а я внутри – не хуже Гагарина. А Квадрат уже вынул из кармана плоскую зеленую коробку.

Я сразу очнулся и отскочил. Он поднялся и сказал очень нервно:

– Уговоры кончены! Пять минут даю на размышления! Через пять минут включаю лучемет – и ты станешь маленькой кучкой пепла. Придется так поступить – ты слушал переговоры штаба. Падешь жертвой, очень жаль...

Было видно, что Квадрат не врет, что ему жаль меня. У него печально оттопырились губы, но я крикнул:

– Врете! Все врете! В иллюминатор, да? Сами говорили, там одни кристаллы и больше ничего, там и кабины нет!

Он сказал с фальшивой бодростью:

– Как ты соображаешь, Лешик! Прекрасно соображаешь! Кабины, конечно, в корабле нет. Ты будешь Мыслящим, а твоё зрение подключим к иллюминатору.

Мне стало так жутко, как ни разу еще не было за этот страшный день. Он хотел меня превратить в кристалл? Меня! *МЕНЯ!* Я стал пятиться, не спуская с него глаз. Запинаясь от ужаса, пробормотал:

– Почему – меня?

– Тебя выбрали потому, что ты знаешь все необходимое. И у тебя хорошая психика.

Я молча прыгнул в сторону, и тогда корабль ударил меня лучом. Это был не боевой луч, а слепящий, как горячая вода в глаза. Я вскрикнул и вслепую бросился направо, к проходу, под защиту откоса, и на четвереньках полез вверх, цеплялся за кусты. Скатился, налетел на упругую стенку защитного поля, оно отбросило меня, я перевернулся через голову, и Квадрат схватил меня, но при этом уронил коробку. Я стал рваться, сначала вслепую, потом стал что-то видеть, а Десантник никак не мог освободить руку и подобрать «посредник». Я рвался и смутно слышал, что он меня еще уговаривает:

– Детская солидарность... Все дети мечтают вырасти... ты их предаешь... не хочешь им помочь вырасти...

Я быстро терял силы. Он повернул меня на бок, прижал, освободил правую руку и зашарил по откосу, подбираясь к «посреднику». Выдрал пучок мха, отшвырнул его, поймал

коробку и опять выпустил, когда я ударил его головой, – при этом из брючного кармана выскочил пистолет с прилепленным к нему микрофоном.

Десантник покосился на него и схватил рукой «посредник», лежащий рядом. Прижал меня коленом, освободил вторую руку, а я извернулся и поймал пистолет за рукоятку, боком. И в тот момент, когда Десантник поднялся на колени и нацелился на меня зеленой коробкой, я попал большим пальцем в скобу и нажал спуск.

Это был боевой пистолет, я узнал его. Макаровский, из тира. Полутонный удар его пули бросил Сурена Давидовича на бок. Он лежал в спаленной, тлеющей куртке, как мертвый, и вдруг отчетливо проговорил:

– Лешик... отсюда уходи. Бегом...

Инструкция

Степан добрался к высоковольтной линии ровно в пять часов дня – по часам Вячеслава Борисовича. Большую часть пути он пробирался низом, по оврагу. Потерял платок и едва разыскал его в кустарнике. Он все думал, догадается ли Вячеслав Борисович воспользоваться «посредником» и разгипнотизировать своих сотрудников? Насчет «вишенки» он понимал не слишком ясно и называл все это дело гипнозом.

Он вышел к высоковольтной линии на границе совхозных угодий, у плотины, за которой был пруд. В одном месте через плотину пробивалась тонкая струйка воды, и Степка напился и долго отплевывался песком. Мачты высоковольтной были рядом. Теперь надо отыскать хорошее укрытие, чтобы к нему нельзя было подобраться незаметно.

Такое место нашлось сразу – сторожевая вышка птицефермы. Обычно на ней восседал сторож с двустволкой, «дед». Сегодня вышка была пуста. Даже уток не видно на пруду.

Степка зажмурился и одним духом оказался на вышке. Знаете, не особенно-то весело за каждым поворотом ждать засады. Ему везде чудилась засада. Но вышка была пуста. На крытой, огороженной досками площадке стоял табурет. В углу лежал огромный рыхлый валежник. Между досками имелись превосходные широкие щели – сиди на полу, на валенке, и смотри по сторонам.

Степан так и сделал. Огляделся на все четыре стороны и никого не увидел. Где-то за домиками ссорились птичницы, и на шоссе урчала машина. Больше ничего.

Теперь он мог спокойно прочесть инструкцию Портнова.

*1. Иди к высоковольтной линии и спрячься как можно лучше.
(Сделано – отметил Степка.) Дождись 19 час. 30 мин. и только тогда начинай действовать.*

Твоя задача: оставить телескоп без энергии к 19 час. 55 мин. Можно к 19 час. 45 мин., но не раньше!

«Правильно! – восхитился Степан. – Чтобы послать сигнал по радио, нужна электроэнергия, и она подводится к телескопу по этой высоковольтной линии. Ловко придумано, и как просто!» Он торопился дочитать до конца:

2. Ты должен порвать два провода высоковольтной линии между городом и совхозом. Одного провода тоже хватит, но два надежнее. Постарайся.

3. Чтобы порвать провода, выбери один из двух способов:

а) Разбей выстрелами гирлянду изоляторов на любой мачте, чтобы провод упал на землю. Стой как можно дальше от линии и обязательно перпендикулярно линии. Ближе 50 метров не подходи – убьет током. Стой, сдвинув ноги вместе. Уходить после падения провода надо бегом,

не торопясь. Следи, чтобы обе ноги на земле не были одновременно. Если придется встать, сразу ставь обе ноги вместе, подошва к подошве. Это необходимо потому, что электричество пойдет по земле. Две расставленные ноги – два провода, по ним пойдет ток и убьет. Помни: на земле одна нога или две ноги вплотную!

б) Второй способ. У концевой мачты (совхозн. пруд) стоит белая будка, к которой спускаются провода. Надо разбить выстрелами изоляторы, к которым подходят эти провода (на крыше будки). Разбить две штуки как можно ближе к крыше.

Мачта высоковольтной линии маячила верхушкой как раз на уровне площадки – четыре косые голенастые ноги и шесть гирлянд коричневых, тускло блестящих изоляторов. Под мачтой стоял аккуратный беленый домик. На его крышу, на три высокие изоляторные колонны, стекали с мачты яркие на солнце медные провода. Все это хозяйство было как на ладошке – щеголеватое и новое, и от него далеко пахло металлом. Мачта блестела алюминиевой краской, в побелку домика наверняка добавили синьки, его двери-ворота были густо-зеленые, и даже плакаты с черепом и молниями выглядели весело и приятно. Из домика сбоку выходили другие три провода и по небольшим деревянным столбам тянулись к совхозной усадьбе.

Отсюда, с вышки, даже скверный стрелок спокойно мог расстрелять изоляторы. Хоть все три. У-ру-ру!

– Не «у-ру-ру», а идиот, – пробормотал Степан. – Так тебе и дадут два часа здесь отсиживаться. Все равно сгонят...

Он всмотрелся в цепочку высоковольтной передачи. Мачты и провода, массивные вблизи, казались вдалеке нарисованными пером на зеленой бумаге. Седьмая по счету мачта была выше предыдущих, потому что провода от нее шли над совхозным шоссе, и Степка вспомнил, что рядом с шоссе была копешка прошлого года сена. Маленькая, растасканная на три четверти коровами. Если сгонят, можно там и спрятаться... Ах, дьявольщина! Все бы ничего, догадайся он захватить запасную обойму. Если бить снизу, то два-три патрона обязательно уйдут на пристрелку, и останется всего по две пули на изолятор. Если не одна. А расстояние будет приличное. Он подсчитал, пользуясь Пифагоровой формулой: пятьдесят метров до мачты и тридцать высота... Извлечь корень... Метров шестьдесят. Это при стрельбе вверх из пистолета, понимаете? Будут недолеты, к которым не сразу приспособишься – белого поля вокруг изоляторов нет, как вокруг мишени. Даже из винтовки едва ли попадешь сразу...

– А еще научный сотрудник, – злился Степка, раздвигая окаяннное платье.

Дьявольщина! Вячеслав Борисович должен был рассказать ему на месте, что требуется. Тогда он захватил бы не одну даже, а две обоймы в запас.

Степан решил оставаться на вышке. У него дрожали руки от усталости и голода. Как стрелок он стоил копейку с такими руками, стрелять снизу не стоило и пробовать. А если пришельцы такие продувные, что догадаются искать его, то найдут везде. Прекрасный план Вячеслава Борисовича висел на волоске.

Волосок лопается

Через час Степку поднял на ноги чрезвычайно пронзительный, громкий женский голос. На дальнем берегу пруда показались две женщины в белых халатах, и одна распекала другую, а заодно всю округу.

– А кто это распорядился-а? – вопила она. – Три часа еще свету-у!!! – Она набрала воздуха побольше. – А пти-ица недогули-инны-ы-я!!!

От ее пронзительного вопля задрезжали зубы и появилось нехорошее предчувствие. И точно: вокруг птичников поднялась суeta, утки повалили на пруд, как пена из-под рук гигантской прачки... Степка плюнул вниз. По воде скользил челнок с бородатым дедом-сторожем. Он причалил под вышкой. Степка сидел как воробей – не дышал.

– Тьфу, бабы... – сказал дед. Потом глянул на вышку и так же негромко: – Сигай вниз, кому говорено!

И угрюмо, волоча ноги, двинулся к лестнице. У самого подножия выставил бороду и просипел снова:

– Нинка! Сигай вниз!

Степан сидел, вжавшись в угол. От злобной растерянности и голода в его голове ходили какие-то волны и дудела неизвестно откуда выпрыгнувшая песня: «Нина, Ниночка – Ниночка-блондиночка!» А дед кряхтел вверх по лестнице. Он высунул голову из лестничного люка, мрачно отметил:

– Еще одна повадилась... Сигай вниз! – И поставил валенок на место, в угол.

– Не пойду! – свирепо огрызнулся Степан. – Буду тут сидеть!

Дед неторопливо протянул руку и сжал коричневые пальцы на Степкином ухе. Тот не пробовал увернуться. Старик был такой дряхлый, тощий и двигался как осенняя муха... Толкнуть – свалится. Степан не мог с ним драться. Он позволил довести себя до лестницы и промолвил только:

– Плохо вы поступаете, дедушка.

– Кыш-ш! – сказал дед.

Степан скатился на землю. «Эх, дед, дед... Знал бы ты, дед, кого гонишь...»

Он встряхнулся. Утки гомонили на пруду, солнце к вечеру стало жечь, как оса.

– Гвардейцы не отступают, – пробормотал Степка и мотнул вбок, огибая пруд по правому берегу, чтобы добраться до совхозного шоссе, а там к седьмой мачте.

Времени и теперь оставалось много, больше часа, но Степка от злости и нетерпения бежал всю дорогу. На бегу он видел странные дела и странных людей.

Провезли полную машину с мешками – кормом для птицы, а наверху лежали и пели две женщины в синих халатах.

Целая семья – толстый дядька в джинсах, толстая тетка в сарафане и двое мальчишек-близнецов, тоже толстых, – несла разобрannую деревянную кровать, прямо из магазина, в бумажных упаковках.

На воротах совхоза ярко, в косых лучах солнца, алела афиша клуба: «Кино „Война и мир“, III серия». Вчерашнюю афишу про певца Киселева уже сменили.

Большие парни из совхоза, в белых рубашках и галстуках-бабочках, шли к клубу. Степке казалось, что в такой хорошей одежде они не должны ругаться скверными словами, а они шли и ругались, как прищельцы.

Все эти люди шли в кино, несли покупки, работали в вечернюю смену на фермах, вели грузовики на молокозавод, даже пели, как будто ничего не произошло.

Пролетела телега на резиновом ходу, запряженная светло-рыжей белогривой лошастью. Сбоку, свесив ноги, сидел длинный дядька в выгоревшем синем комбинезоне и фуражке, а лошадь погоняла девчонка с косичками и пробором на круглой голове, и лицо ее сияло от восторга. Занятый своими мыслями, Степа все же оглянулся. Лошадь шла замечательно. Поправляя платок, он смотрел вслед телеге и вдруг насторожился и перебежал к живой изгороди, за дорогу.

Перед ним было вспаханное поле. За его темно-коричневой полосой зеленела опушка лесопарка, вернее, небольшого клина, выдающегося на правую сторону шоссе. По опушке, перед молодыми сосенками, перебежал человек с пистолетом в руке. Он двигался справа

налево, туда же, куда и Степка. Вот он остановился, и стало видно, что это женщина в брюках. Она смотрела в лес. Пробежала шагов двадцать, оглянулась...

Погоня.

«Опять женщина», – подумал Степан. Он давно полагал, что женщин на свете чересчур много. А пришелец не слишком-то умный – бегаёт с пистолетом в руке. Ещё бы плакат нес на папке: «Ловлю, мол, такого-то...» Только почему он смотрит в лес?

Дьявольщина! Как было здорово на вышке!

Загрохотало, завизжало в воздухе – низко, над самым лесопарком и над дорогой, промчался военный винтовой самолет. Были заметны крышки на местах убранных колес и тонкие палочки пушек впереди крыльев.

Женщина на опушке тоже подняла голову и повернулась, провожая самолет. И парни на дороге, и две девушки в нарядных выходных платьях проводили его глазами. Один парень проговорил: «Во дают!» – а второй, сосредоточенно пыхтя, расстегнул сзади на шее галстук, а девушка взяла галстук и спрятала в сумочку, и в эту секунду загрохотал второй истребитель.

Один самолет мог случайно пролететь над лесопарком. Но два!..

Степка из-за кустов показал женщине нос. И увидел, что она стоит с задранной головой посреди поля и держит в руках не пистолет, а какой-то хлыстик или ремень. Потом она повернулась спиной к дороге и, пригнувшись, стала смотреть в лес. И из леса выскочил странный белый зверь и широченной рысью помчался по опушке... Да это же собака, знаменитый «мраморный дог», единственный в Тугарине! Его хозяйка – дочка директора телескопа! Степка даже засмеялся. Он же прекрасно знал, что эта самая дочка тренирует собаку в лесопарке. Вот она, в брюках, а в руке у нее собачий поводок...

Он стоял со счастливой улыбкой на лице. Нет за ним погони, а докторша с Алешкой добрались! Уже прошли первые самолеты. Сейчас пойдут войска на вертолетах, волнами, как в кино, и густо начнут садиться вокруг телескопа, и солдаты с нашивками-парашютами на рукавах похваляют пришельцев, заберут ящики «посредников» – и все!

Но вечерний воздух был тих. Степка воспаленными глазами шарил по горизонту – пусто. Над телескопом ни малейшего движения. «Дьявольщина! – вскрикнул он про себя. – Алешка же ничего не знает про телескоп! Он же сначала уехал, а после я узнал... Самолеты сделали разведку, ничего тревожного не обнаружили, и наши двигаются себе не торопясь...»

Он вздохнул, привычно оглянулся: на дороге позади спокойно, впереди тоже. А в поле...

Женщина подбегала к опушке, а собака сидела, повернув морду ей навстречу, и держала в зубах длинную толстую папку.

– Вот так так... – прошептал Степка и непроизвольно шагнул с дороги.

Полено уже было у хозяйки, а собака виляла хвостом. Степка пригнулся и побежал к ним через поле.

Женщина в брюках открывала футляр для чертежей.

– Вот так полено! – шептал Степан, подбегая к ним.

Он даже не подумал, что в городе сотня таких футляров – коричневых, круглых, с аккуратными ручками. Вот упала бумага, подложенная под крышку. Потянулась нитяная ветошка...

Женщина повернула к Степке доброе, беспечное лицо, приказала собаке: «Сидеть!» Из футляра торчала еще ветошь. Степка сказал:

– Это мое. Я потерял... ла.

Собака дышала – «хах-хах-хах» – и с неприязнью смотрела на Степана.

– Твое? Возьми, пожалуйста, – приветливо сказала дочь директора телескопа. – Зачем же ты раскидываешь свои вещи?

– Я не раскидывала, – сказал Степан, понемногу отходя. – Я спрятала... там... – Он махнул в сторону шоссе. – Вижу, собака... Спасибо! – крикнул он и побежал, пока женщина не передумала и не спросила что-нибудь лишнее.

Она, впрочем, и не собиралась спрашивать. Позвала собаку и побежала с ней в лес.

Огонь!

Степан сунул руку под ветошь. Бластер лежал, как его укладывали в тире: хвостовой частью вверх, обмотан тряпкой. Удача. «С таким оружием не изолятор – целую мачту свалим в два счета... Как его нести? *Эти* через Сура должны знать, в чем упаковано их оружие». Степан выкинул чехол и понес бластер, оставив его в масляной тряпке.

«Значит, Анна Егоровна не добралась с Алешкой. Их перехватили, и они выкинули бластер из машины», – подумал Степан. И заставил себя не думать о постороннем. Сейчас все – постороннее, кроме дела.

Точно к половине восьмого он вышел на место и увидел прошлогоднюю копешку. Кругом опять ни души. День был такой – пустынный. Он сказал вслух фразу из «Квентина Дорварда»: «Все благоприятствовало отважному оруженосцу в его благородной миссии». И тут же привалила удача. Луг пересекала канава, узкая и глубокая. Откос ее давал опору для стрельбы вверх. Степан не торопясь отмерил шестьдесят метров от опоры, прыгнул в канаву и лег на левый бок. Развернул бластер и удивился, как удобно сидит в руках чужое оружие. Оно было не круглое, а неправильное, со многими вмятинами и выступами. Чтобы выстрелило, надо нажать сразу оба крылышка у рукоятки – вот так... Десять минут Степка пролежал в канаве неподвижно. То ли чудилось ему, что в вышине сверкают зеркала, то ли впрямь блестело. Он ждал. Затем уперся носками в землю, рыхлую на откосе, установил левый локоть, чуть согнув руку, и убедился, что бластер лежит прочно и не «дышит» в ладони. Поставил его на линию с правым глазом и верхушкой мачты, а двумя пальцами правой руки сжал крылышки... Ш-ших-х! Вздрогнув, бластер метнул молнию, невидимую на солнце, но ярко, сине озарившую изоляторы. Когда Степка смигнул, стало видно, что одна гирлянда изоляторов оплавилась, но цела. И провода целы. Дьявольщина! Этой штукой надо резать, как ножом, а не стрелять в точку!

Тут в вышине опять что-то блеснуло, за мачтой, далеко вверх. «В глазах замелькает от такого», – подумал Степан, прицелился под изоляторы и повел бластер снизу вверх, не отпуская крылышек, – ш-ших-х! ш-ших-х! Третьего выстрела не получилось, а блестящий кристалл головки стал мутным.

Один провод – ближний – валялся на земле. «Можно и один, но лучше два», – вспомнилась инструкция Вячеслава Борисовича. Бластер больше не стреляет...

– Дьявольщина и дьявольщина! – пробормотал Степка, положил бластер и выудил из-под платья пистолет.

Над проводами снова блеснуло, как маленькая, круглая радуга в бледном небе... Сильно, страшно кольнуло сердце. Он прыжками кинулся под копну, молния ударила за его спиной, ударила впереди. Дымно вспыхнула копна. Над первыми струями дыма развернулся и косо пошел вверх радужный диск. Полсекунды Степка смотрел, не понимая, что он видит и какое предчувствие заставило его бежать. Но тут диск опять стал увеличиваться. Ярче и ярче вспыхивая на солнце, падал с высоты на Степку. Он снова помчался через весь луг зигзагами. Полетел в канаву, и вдруг его свело судорогой. Выгнуло. В глазах стало черно и багрово, и крик не прорывался из глотки. «Погибаю. Убивает током», – пришла последняя мысль, а рука еще сжимала пистолет. И последнее, что он чувствовал, – как ток проходит из пистолета в руку.

Несколько секунд «блюдец» висело над канавой. Потом, не тратя заряда на неподвижную фигурку в голубом платье, переместилось к бластеру, втянуло его в себя, косо взмыло над лугом и скрылось.

На свободе

«Бегом!» – приказал Сур. И я побежал, не думая о страшных лучевых линзах корабля. Меня спасло то, что проход был в глубоком ответвлении оврага и черный шар, заблестевший после выстрела поисковыми вспышками, не смог меня поймать.

Корабль был слишком хорошо замаскирован. Он мог пожечь весь лес в стороне, а вблизи было полно «мертвых зон». Я бежал. Лучи плясали над моей головой, каждый лист сверкал, как осколок зеркала. Уже шагах в пятидесяти от прохода я услышал стонущий гул корабля и бросился на землю. Прополз под ветками ели, оказался в ответвлении оврага и замер, весь осыпанный сухими еловыми иглами и чешуйками коры. Корабль гудел. Я хотел поставить пистолет на предохранитель, чтобы не выдать себя случайным выстрелом, – не было сил. Пальцы не слушались. Весь лес наполнился гудением. Но лучи больше не сверкали.

Кое-что я соображал, хотя едва дышал и был отчаянно напуган. Вряд ли они захотят из-за меня демаскировать корабль, колотя лучеметами по всему лесопарку. Значит, надо уползать, не поднимаясь из спасительного овражка. Тогда мне будет угрожать только внешняя охрана – заяц Девятиугольник. Корабль гудел довольно долго. Может быть, искал меня внутри защитного поля. Приподнялся и высвечивал каждый угол. Расчетчик, наверно, не догадался, что беглец утащил «микрофон» и уже вышел из зоны.

Были еще разные мысли, когда я лежал под сухой елью. Что я единственный человек, который знает планы пришельцев, и поэтому должен удрать во что бы то ни стало. Я не убийца, потому что Сур регенерирует, как Павел Остапович. Он сказал: «Отсюда уходи». Я не думал, почему он внезапно заговорил как человек. Вспомнил его приказ и пополз.

Я полз долго, замирал при каждом шорохе. Потом канава окончилась, и надо было переползать просеку. Я вспомнил о «летающих блюдцах». Они летают бесшумно. Хорошо, что лес такой густой. Я не опасался зайца. Разряд у него самый низкий, и вообще не зверь, мелочь, а у меня – пистолет...

Наконец я решился перепрыгнуть просеку и снова на животе пополз к шоссе. На обочине залег в третий раз. Странное там было оживление... Урчали автомобильные моторы, слышались голоса, ветерок гнал какой-то мусор по асфальту, бумажки. Пробежал Десантник в сторону Синего Камня. Худой, лоб с залысинами и большие глаза, темные. Он промелькнул, быстро дыша на бегу. Я видел вблизи всего пятерых людей-Десантников: гитариста Киселева, шофера такси, Сурена Давидовича, Рубченко и Линию-восемнадцать. Но сухого, спаленного выражения их лиц я никогда не забуду и ни с чем не спутаю. Мимо меня по шоссе пробежал Десантник.

Спустя двадцать секунд проехал фургон «Продовольственные товары» с болтающейся задней дверью, и я рискнул чуть высунуться и увидел, как большеглазого Десантника подхватили в эту дверь. Внутри было полно народу. Только я спрятался – промчался велосипедист, низко пригибаясь к рулю, оскаленный, с черными пятнами пота на клетчатой рубашке. Под рубашкой на животе при каждом рывке педалей обозначался квадратный предмет. Велосипедист промчался очень быстро, но я мог поспорить, что он тоже Десантник. За ним проехали сразу несколько крытых грузовиков, и я не разобрал, кто в них сидел. Они казались набитыми до отказа.

Следующая машина – серый «москвич», как у Анны Егоровны.

Я посмотрел в чистое, светлое вечернее небо. Там по-прежнему не было ни облачка и самолетов тоже не было. Что же, наши пошли в наступление все-таки? Прошло не больше сорока минут из полуторачасового срока. Пятьдесят от силы. А если пошли, то почему без авиации? А потом, с чего бы пришельцам бежать к Синему Камню, мимо корабля? Они же к кораблю должны удирать. Непонятные дела.

Я лежал у обочины, смотрел, изнывая от любопытства. Только что я думал, что с меня хватит на всю жизнь, лет на сорок наверняка, а тут захватило; я даже приподнялся. Как раз промчалась спортивным шагом компания молодежи из универмага. Они бежали хорошо, в рабочих тапках. Девчонки подвернули юбки. Нелкина подруга, кассирша Лиза, прыгала в белых остроносых туфлях с отломанными каблуками. Представляете?.. Они с визгом погрузились в пустой грузовик.

Потом за деревьями скрипнула тормозами невидимая машина, крикнули: «Давай!» Перед моим носом плавно прокатился велосипед без седока. Машина вывернулась из-за деревьев, обогнала его и скрылась.

Подъем здесь довольно крутой, – блеснув спицами, велосипед загремел в канаву за ближним кустом.

От города непременно набежит пеший Десантник и заберет велосипед. Сядет и поедет. А я что – рыжий?! Нет, вы посмотрите – «Турист», с восьмью скоростями, новехонький... Чей бы это мог быть велосипед?

Я оттащил его от дороги, опустил до отказа седло, спрятал ключи в сумку и поехал за Десантниками.

Исход

Садилось солнце, обойдя свой круг по небу. Чаша телескопа стала ажурной на просвет, как черная частая паутина. Она поднималась и росла, пока я подъезжал. Закрыла полнеба, когда я вырулил на асфальтовую площадку перед воротами.

Площадка была забита пустыми машинами. Вкривь и вкось, вплотную к воротам и дальше по песчаной обочине стояли автобусы, бортовые грузовики и самосвалы, зеленые газики и «Волги». Торчали, как рога, велосипедные рули. От «москвича», угодившего радиатором под заднюю ось самосвала, растекалась лужа, клубящаяся паром.

Я прислонил велосипед рядом с другими. Прислушался. Из-за забора доносились странные звуки. Визжали женщины, глухо ревели мужские голоса, бахнул выстрел. Коротко, сильно вскрикнули, забубнили. И все стихло.

В этот момент я увидел на кабине грузовика, ближнего к воротам, Десантника с винтовкой. Он сидел спиной к радиатору. Когда я просунулся между машинами, он сделал выразительное движение: проваливай. С его сапог капала вода. Он угрожающе поднял винтовку – я отскочил и, пригибаясь, пробежал вокруг площадки к забору и полез на холм.

Здесь склон круто уходил вверх, так что бетонные звенья забора напоминали лестницу с четырехметровыми ступенями. Под нижней частью каждого звена оставалась клиновья щель, присыпанная песком. Дальше по склону маячила фигура с черточкой винтовки наперевес. Я дождался минуты, когда часовой повернулся спиной и пошел вверх, подскочил к забору, поднырнул, оказался на той стороне и сразу плюхнулся лицом в молодые лопухи. Первый Десантник поднялся на кабине. Он постоял и сел, прогрехотав сапогами. Я кинулся наверх, к ближнему дому. Крики доносились сверху, волнами. Сначала вскрикивает один, потом несколько голосов, потом строгий мужской окрик – и тишина. После тишины через неравные промежутки времени все повторялось.

Я пробежал к дому, обогнул его по бетонному борту фундамента, мимо двери черного хода, и высунулся за угол. Никого. Совсем близко женский голос кричал: «Господи, что же

это!» – и сдавленный мужской голос: «По какому праву?..», и властные, ревушие крики: «Лицом вниз! Руки за гол-лову! Лежать!» Обмякнув, держась за водосточную трубу, я смотрел на следующий угол, за которым теперь была тишина, и тут же следующий вскрик и безжалостная команда: «Руки за гол-лову! Ле-е-жать!» И еще. И еще. И хрякающий звук удара.

Я отполз за угол. Оглянулся. Новый звук нарастал и постепенно наполнял холодеющий закатный воздух. Задребезжали стекла в доме. Мне показалось, что воет и дребезжит у меня внутри от страха и одиночества. Звук стал оглушительным, и, не помня себя, я вскочил в дверь – створка пела и ходила ходуном, – и внезапно все смолкло. А передо мной была стеклянная стена вестибюля. Она выходила на ту сторону дома. Очень близко, перед самыми стеклами, стоял корабль пришельцев. Из-под широкой плиты еще вылетали струи пыли, он устанавливался, покачиваясь. Кроме него, я мог видеть только небо. Я подумал, что не хочу ничего видеть, и в эту секунду из-за корабля полезла вверх серая и зеленая пелена, стали подниматься кусты, белая полоса дорожки, черный диск клумбы. Небо закрылось. Это корабль поставил вокруг себя защитное поле, как в овраге.

Поле как бы изогнуло пространство перед стеклянной стеной. Теперь я видел площадку справа. По ней тесно, как бревна в плоту, лежали люди. Лицом вниз. Их было человек сто, у всех руки закинута на затылок. Над ними, спиной ко мне, стояла редкая цепочка Десантников – только мужчины, с пистолетами и винтовками наготове. Когда лежащие приподнимали голову или вскрикивали, Десантники подсакивали к ним и били ногами или прикладами. Слева, из-за корабля, непрерывно подводили новых – полубегом, с руками, вывернутыми за спину. Швырком укладывали вплотную с остальными. Прежде чем я пришел в себя, уложили человек десять. Я опомнился, когда подвели и швырнули на землю худого, большеглазого Десантника, которого я первым увидел на шоссе.

Что творится, это они своих! Вот кассирша из универсама плачет и пытается снять туфлю с отломанным каблуком... А вот и Нелку приволокли и орут на нее: «Руки за голову! Лежать!»

Я пробежал по пустому вестибюлю налево и увидел, откуда их тащат. Из очередей. Аккуратно, в затылок, стояли цепочки Десантников, как в очереди за билетами в кино. Три очереди, и в каждой, наверно, по полсотне людей или больше. Через стекла было трудно смотреть – внутри защитного пузыря все получалось изогнутым, искаженным, особенно с края площадки. Но я рассмотрел, что средняя очередь тянулась к седому – Линии-восемнадцать. Он стоял лицом к очереди, держась вытянутыми руками за зеленый столб. Десантники спокойно один за другим приступали к столбу, вынимали «микрофоны» и сразу, как от удара, подгибали ноги и сваливались на руки заднему. Тот держал, а сбоку подсакивал здоровенный Десантник и уводил ударенного, выкручивая ему руки на ходу. Задний, освободившись, сам шагал к столбу и тоже падал. А здоровенные непрерывно сновали между очередями. Хватали, выкручивали, тащили. Их было много, потому что в двух боковых очередях творилось то же самое. Там Десантники подходили не к зеленому столбу, а к зеленым ящичкам в руках Киселева и Потапова. Боковые очереди двигались медленнее, но так же неуклонно, спокойно. Без страха. Словно не видя, что им предстоит: обморок, выкрученные руки и лицом в землю или на бетон. А вот их уже кладут прямо на клумбу...

Высокий рыжеволосый парень то и дело менял Киселеву и Потапову зеленые ящики.

Директор телескопа профессор Быстров тоже стоял в очереди, я узнал его по черной шелковой шапочке. Он благодушно улыбался. И вдруг на площадку выбежал его пес, который уволок бластер от корабля. И стал в очередь! Тогда профессор засеменил к седому, показал на собаку. Седой резким, злым движением сунул его без очереди. Профессора увели двое здоровенных, не выкручивая ему рук, посадили в сторонке. Кто-то подошел к собаке, и она кивнула – я сам видел! – и оставила очередь. Бросилась направо, присоединилась к тем Десанникам, которые стерегли лежащих... Там уже набралось сотни три, они лежали

рядами, и стоял сплошной вой и грохот. Некоторые пытались садиться, кричали, охранники прыгали как бешеные и все чаще стреляли над головами. И собака стала носиться между рядами и бить корпусом тех, кто садился... Она сразу навела порядок, только очень уж страшно стало смотреть. Я чуть с ума не сошел. Я же не знал, что человек совсем ничего не помнит, когда Десантник из него высаживается. Я думал, хоть немного должен помнить. А эти несчастные люди! Многие из них с утра носили в себе Десантника, и вдруг – вечер, пальба и удары сапогами! После я узнал, что никто из них не видел очередей к «посредникам». Вернее, не помнил. Их били, толкали и орали страшно, но заставили всех лежать вниз лицом. И наверно, так было лучше. Увидели бы они очереди – наверняка бы рехнулись.

Я совсем уже рехнулся, но тут появился заяц Девятиугольник. Он шариком проскочил под ногами, подпрыгнул к столбу, и вся очередь загоготала, а передний поймал его за ухо, вынул «микрофон» и, подержав зайца у столба, бросил его на землю. Ох, как же он удирал!.. Он мелькал вверху и внизу, он снова стал простым толстым зайцем и не мог выйти из защитного поля!

Когда он последний раз сиганул за кораблем, очереди уже иссякли. Здоровенные Десантники подбегали к седому – он по-прежнему стоял у «посредника» и бесстрастно смотрел, как Киселев и рыжий верзила подхватывают здоровенных Десантников и расшвыривают кругом площадки. Тела падали бесшумно, потому что справа все громче орали люди и бешено, хрипло рычала собака. Через секунду упал и седой. Я вдруг увидел, что он лежит у «посредника», и Киселев перешагивает через него. Киселев вдвоем с верзилой подхватили зеленый столб «посредника», потащили его к кораблю; рыжий на ходу сшиб кого-то кулаком. Открылся люк. В него всадили «посредник» и мешок с бластерами. Пес метался перед люком, отшвыривал всех, кто пытался подойти. Какая-то женщина стояла, зажав себе рот двумя руками, и вдруг вскрикнула – верзила заглянул в люк и стал падать медленно, как сосна. Сейчас же у корабля оказался пес. Оскальзываясь лапами, поднялся на дыбы, приложил морду к люку и упал навзничь, как человек.

Киселев был последним. Не спеша, покачивая бластер на шнуре, оттащил рыжего от корабля. Откатил собаку. Подошел к люку. Бластер спустил в люк, а шнурок спрятал. Прилачился, держась одной рукой за край отверстия и свесившись всем телом наружу. Я отчетливо помню, как он висел на руке, а на него и на корабль смотрели несколько очнувшихся людей. Он крикнул:

– Отойдите! Отойдите, болваны! – И покатился к ним под ноги.

И тут же со звонким хлопком исчезло защитное поле. Сумеречное небо упало сверху, как занавес. Открылись вечерние холмы, дорога, цепочка квадратных машин на ней. Загрели, запели стекла – медленно и плавно, как лифт, поднялся корабль, песчаные вихри забарабанили по окну перед моим лицом. Неловко, хватаясь друг за друга, вставали люди. Киселев смотрел то вверх, то на черную тесьму от гитары, которую вытащил из кармана.

Огромный пес сидел рядом с профессором и пытался лизнуть в щеку.

Профессор слабо отталкивал его и смотрел в небо, придерживая шапочку.

Ушли!

Я отвалил тяжелую стеклянную дверь и нерешительно вышел из укрытия.

Понимая, что пришельцы отступили, я боялся в это поверить, хотя и видел яркую радужную кляксу, уходящую в зенит. От нее кольцами разбегались по небу веселые кудрявые облака.

С тех пор я не люблю смотреть на облака, быстро бегущие по небу.

Еще несколько минут я был в сознании. Стоя на крыльце, пытался понять, кто передо мной – Десантники или уже люди. Из толпы на меня смотрел полковник Ганин.

Он мотал головой, поправлял галстук, будто его душило, и отряхивал о колено фуражку. Полковник попался пришельцам позже всех и поэтому кое-что понимал.

Увидев, что я вышел из двери, он шагнул ко мне и спросил:

– Ты что-нибудь знаешь? – И показал в небо.

– По-моему, они ушли, – сказал я.

Он кивнул. Пробормотал:

– Кабы знать, где упасть, – опять поправил галстук и крикнул: – Внимание! Внимание! Военнослужащие, ко мне!

Стало тихо. Или у меня в голове стало тихо. Помнится, Ганин приказал нескольким военным и милиционерам собрать оружие и быстро пошел к воротам. А я бежал за ним, чтобы рассказать о планах пришельцев, но у меня язык не поворачивался, потому что час назад сам полковник предложил этот план – с захватом Москвы, Нью-Йорка и Лондона, – и я все еще не вполне верил, что полковник больше не пришелец. И так мы вышли к воротам, навстречу бронированным машинам парашютистов, разворачивающимся вокруг ограды телескопа, а дальше я ничего не помню. Только большие колеса и синий дым выхлопов...

Остальное я знаю от других людей. Как парашютисты сдвинули машины вокруг холма и предупредили в мегафон, чтобы никто не выходил за ворота, иначе будут стрелять. Полковник не решился послушаться, а я проскочил в калитку и побежал к ближнему бронетранспортеру, под дулами пулеметов, напрямик. Говорят, я влез по броне, как жук, и стал кричать: «Где у вас командир?» – и меня соединили по радио с командирской машиной и убедили, чтобы я все сказал в микрофон. Я сказал насчет пришельцев, а потом вспомнил о Сурене Давидовиче и так заорал в микрофон, что командир полка приказал отвезти меня в лесопарк. Я потерял сознание только в овраге: показал на Сурена Давидовича, лежащего в русле ручья, и сам упал.

Сурен Давидович остался жив, у него даже астма прошла.

Он поправился раньше меня. Мы с ним лечились в одной больнице, и он ходил меня навещать, когда я еще не мог голову поднять с подушки.

Вячеслав Борисович

Ну вот, я написал про все, как оно было. Довольно скучное занятие – писать. Скучнее, чем решать задачки по алгебре. Но Степка, который сам ничего не написал, а только мешался – здесь я напутал, тут забыл, – Степка говорит, что надо еще написать о нас. Получается, будто мы герои. Это разузнали, там предупредили, тут бабахнули и всякое такое. Чепуха, конечно. Степан прав. Мы никакие не герои, просто нас – детей, я хочу сказать, – нас «посредники» не брали. В нас нельзя было посадить Десантников. Поэтому Степан сумел пройти на телескоп, а я – побывать у корабля и все запомнить. Как это получается, я не особенно понимаю. В такого, как я, нельзя посадить Мыслящего, и все тут. А настоящий герой был один. Вячеслав Борисович Портнов. Писать о нем трудно.

Из-за него я не могу видеть этот проклятый телескоп. И никогда не прощу себе и всем остальным, что мы кричали, радовались, перевязывали царапины. Вспомнить этого не могу. Мы были живы и радовались, а он, спасший нас всех, был мертв и лежал у стола радиостанции, вытянув руку.

Он вернулся на машине к телескопу и прямо пошел в аппаратную. Часового обезвредил «посредником», закрылся в аппаратной и вызвал Москву.

Он успел передать почти все, одного не успел – сказать, чтобы отключили высоковольтную линию, и тут пришельцы взломали дверь, схватили его, а он вырвался и застрелился.

Пришельцы вынули из его руки пистолет и оставили Вячеслава Борисовича лежать. Мы не знали, что он там. Никто не знал, что Вячеслав Борисович застрелился, чтобы не выдать Степана, и этим спас его, а может быть, и всех живущих на Земле.

Книга 2

Дом скитальцев

Пролог

Тугарино, вечер

Бронированные машины сдвинулись вокруг холма. На восточный склон падала и тянулась к горизонту, как огромная маскировочная сеть, решетчатая тень телескопа. Гулко загремели мегафоны, отдаваясь басистым эхом от стен:

– Спокойствие, спокойствие... За ограду не выходить, к машинам не приближаться... Освободите дорогу для машин...

Командир дивизии стоял в своем газике и шарил биноклем по склону. Густая толпа кипела у административного корпуса. От нее отделились двое. Мальчик и офицер. Мальчик присел, взмахнул руками и бросился из ворот – к командирской машине первого батальона.

– Пропустить! – негромко сказал командующий. – Не тот ли пацан...

Он видел, как мальчишка вскочил на броню, и через минуту по радио зазвенел горячий алыт:

– Скорей, скорей, ох, пожалуйста, скорей, он лежит в овраге!

Командующий приказал:

– Шестой, пошлите с мальчиком машину... Я – Первый. Внимание! Четвертый – начать движение!

Колонна бронетранспортеров, растянутая на шоссе, окуталась выхлопами и двинулась вверх – между машинами оцепления. «Спокойствие! Дорогу машинам, граждане!» – призывали мегафоны. Один за другим транспортеры поднялись на холм, осторожно рассекая толпу на мелкие группы. Машины доставили следственную комиссию. Вот она приступила к делу – офицеры выскакивают в толпу. Командующий сморщился – дожили! Своих обыскиваем... Он понимал, что иного способа нет и что первым долгом надо изъять таинственное оружие, которое превращает людей в пришельцев. Понимал и морщился все сильнее, водя биноклем. Происходящее не укладывалось в сознании. Война без противника. Война, на которой каждый мог оказаться противником. Это было невообразимо. В стеклах проплывали растерянные, иногда озлобленные лица парашютистов. Командующий не имел права объяснять офицерам и солдатам смысл операции. Для всех, кроме командиров батальонов, дивизия проводила карантинное оцепление: мол, в Тугарине болезнь, эпидемия...

Солнце катилось по самому горизонту, над волнистой грядой холмов. Там, в десятиверстной округе, тоже работали бойцы дивизии – внешнее оцепление перекрывало дороги. Проведя биноклем вдоль шоссе, командующий увидел улицы Тугарина. Дома и деревья дрожали на окулярной сетке. Зеленые машины, казалось, сотрясали улицы. Это был второй кордон. Он рассек городишко по кварталам. Приказ – никого не выпускать за городскую черту, разыскивать предметы непривычного вида... «Солдаты голодные, – подумал комдив. – Дивизия размазана, как масло по хлебу, на ста квадратных километрах... Надо срочно кормить людей, подавать горячее для машин. И связь еще. Ох уж эта связь!..»

«Первый, докладывает Четвертый. Операция кончена», – забормотало радио.

Командующий спросил:

– Нашли?

– Никак нет.

- Количество задержанных?
- Триста восемнадцать, без мальчика.
- Вас понял. Штаб – вперед! – приказал комдив.

Штабные машины двинулись на холм. И следующие два часа, как и предыдущие – с четырех часов дня, командующий дирижировал грузовиками, бронетранспортерами, вертолетами, тяжелыми воздушными транспортом. Кроме своего хозяйства, на руках были триста невинно пострадавших людей. Их допрашивали следователи, но обеспечить комиссию помещениями, связью, конвоем должен был комдив. Правда, Центр помогал. Начхоз непрерывно докладывал: пришли палатки, походные койки, целый госпиталь врачей. Казалось бы, хорошо... Однако вертолеты и транспортные самолеты надо было принимать и разгружать, палатки – ставить, врачей устраивать по кабинетам, и все это при нехватке людей, в надвигающейся темноте, в слабом свете от передвижных электростанций. Высоковольтную еще не успели восстановить... А едва отпустили дела, к генералу вернулось беспокойство. Сердце сжималось от тревоги – такой огромный район, это же не полкилограмма гречи перебрать на кашу... По оврагам и перелескам в быстро синеющих сумерках, казалось, уходили пришельцы. Уходили, как вода между пальцами, неотличимые от своих. Недаром же здесь их не оказалось... В двадцать два часа комдив прошел на радиостанцию и лично подбодрил патрульные подразделения: «Чтобы муха не пролетела, товарищи!» Про себя он отметил, что следователи работают энергично. Данные опроса текли шифровкой в Центр. Радисты не успели поужинать – котелки стояли у аппаратов нетронутые.

На пути в свой фургон командующий заглянул в госпиталь, где, кроме нескольких взрослых, помещались два мальчика по тринадцати лет. Алексей Соколов метался и бредил. Рядом терпеливо, с микрофоном в руке, сидел следователь. Второй мальчик, неопознанный, только что начал дышать без кислородной подушки – вот как его приложило электричеством, беднягу... Покачивая головой над ребятишками, генерал двинулся было в штаб, но его перехватил дежурный офицер:

– Явился местный гражданин и требует свидания со старшим начальником – только с ним, а со следователями не желает и разговаривать.

– Ну ведите его, ведите. – Комдив остановился на бетонной дорожке.

Из сумрака выдвинулась здоровенная фигура – без пиджака, взлохмаченные волосы блеснули желтым в свете фонарика.

Сумрачный бас проговорил:

– Я Благоволин, здешний сотрудник. Физик. – Он оглянулся на двоих офицеров, неотступно сопровождавших генерала. – Должен поговорить с вами наедине.

– Наедине нельзя, – с тоскливым раздражением сказал командующий. Не имел он права объяснить, по какой причине. Это раздражало.

– Понимаю. У меня информация особой важности. О пришельцах, – сказал физик.

Этот человек был первым, заговорившим о пришельцах, если не считать мальчика Алеши Соколова. Но мальчик нашелся здесь, у телескопа, в числе трехсот девятнадцати, а Благоволин явился неизвестно откуда.

– Информацию примем, товарищ Благоволин. Вас сейчас проводят.

– Хорошо. Куда идти? – спросил сумрачно-равнодушный бас.

И комдив понял, что этот огромный человек держится на последнем напряжении сил, при котором только одно доступно: держаться.

...Через пятнадцать минут руководитель следственной комиссии сам явился к командующему и попросил немедленно переправить в Центр Благоволина, а с ним полковника Ганина и директора телескопа Быстрова. На всякий случай надо послать врача. Следователь, человек необыкновенно сдержанный, с бледным и невыразительным лицом, был явно воз-

бужден и даже сделал попытку потереть руку о руку. Генерал распорядился о вертолете и враче. Затем спросил:

– Обстановка прояснилась?

– Да. Смотрите... – Следователь положил на стол рисунок зелеными чернилами, изображающий «посредник». – Готовим инструкцию, разошлете патрулям, чтоб искали. Это *их* оружие...

– Благоволин? – (Следователь кивнул.) – Это все?

– Он говорит, что был *пришельцами*. Что они подсаживались в него с помощью этого оружия. А он их *выплывывал*. Пятерых или шестерых подряд. Запоминал их мысли. Все наоборот, товарищ генерал-майор... У остальных, очевидно, пришельцы узнавали мысли.

– Та-ак... Слишком хорошо для правды...

Следователь сделал неопределенный жест. Он опять замкнулся и словно удивлялся своей внезапной разговорчивости.

Обстановка, предположим, прояснилась, а забот у комдива лишь прибавилось. «Разошлете патрулям» – легко сказать!

Но дело сдвинулось с мертвой точки. Когда на западе угасли последние отсветы заката, вертолет подпрыгнул к бледным звездам и зарычал и засвистал в темноте, унеся на военный аэродром вызванных и врача.

Всего три часа назад с того же места взлетел корабль пришельцев.

Комитет девятнадцати

Тугарино с окрестностями выглядело как военный лагерь. Но уже в районном центре, где пассажиры вертолета перешли в скоростной самолет, никакого смутения не ощущалось. А в Н... и тем более. Вечер здесь, как и в Тугарине, был очень теплый. Запах тополей вытеснил с улиц бензиновую гарь, и на бульварах гуляющие шли потоком. Медлительно жужжали поливочные машины. Первый приступ сумерек был разогнан отчетливым светом фонарей, в кинотеатрах начались последние вечерние сеансы, собравшие меньше народу, чем обычно. Погода была уж очень хороша... Люди гуляли и были заняты собою и друг другом, и никто не знал, что их мир стал иным. Никто ничего не знал, кроме нескольких человек в Москве и еще девятнадцати человек, собравшихся здесь, в доме, углом выходящем на бульвары.

Полоса освещенных окон желтела над старым бульваром. Огромное здание казалось вымершим, только в глубине настойчиво трещали телеграфные аппараты.

Комитет девятнадцати был создан в шестом часу вечера и вот при каких обстоятельствах. В три часа восемь минут дежурный радист военной станции услышал повторяющиеся слова: «Москва, Москва, Министерство обороны... Имею сообщение чрезвычайной важности. Подтвердите прием на моей волне». Радист ответил и одновременно вызвал к аппарату офицера – начальника смены. «Передает Тугаринский радиотелескоп, у аппарата старший научный сотрудник Портнов», – говорило радио. Через двадцать минут после вызова радиogramма Вячеслава Борисовича Портнова была распечатана на бланках, передана куда полагается, и машина завертелась быстро и бесшумно, как первоклассный двигатель после одного оборота стартера.

Три часа сорок минут – к аппаратам был вызван военный округ и обком партии. Из обкома доложили, что в районный комитет партии поступал такой сигнал – от врача Владимирской. Из района посылали вертолет с ответственными представителями, которые сигнал проверили и квалифицировали как ложный и панический. Однако врач Владимирская – старший член КПСС и женщина весьма энергичная – потребовала поездки в область и в настоящую минуту находится в обкоме...

Разумеется, Анну Егоровну пригласили к аппарату.

Четыре часа шесть минут – поднята по тревоге дивизия. В четыре часа тридцать минут начали подъезжать люди, которые составили ядро комитета девятнадцати. В пять пятнадцать состав комитета был утвержден, и все его члены, кроме Анны Егоровны, собрались в кабинете, выходящем окнами на бульвар. В пять тридцать был отдан целевой приказ парашютной дивизии: Тугарино окружить, никого не выпускать из кольца, личному составу не выходить из-за брони (по сообщению Вячеслава Борисовича Портнова, «посредники» пришельцев через стальной экран не действуют). Наконец в шесть часов пятнадцать минут решили: угрожать пришельцам ядерной атакой и подготовку к этой атаке вести всерьез. Парламентер должен быть *уверен*, что бомбу при необходимости сбросят.

Это было сложное и страшное дело. Комитет не допускал всерьез такой возможности – в Тугарине находилось десять тысяч ни в чем не повинных людей... Однако исключать ядерную атаку тоже было нельзя. Парламентером назначили полковника Генерального штаба Ганина, кандидата военных наук. Ему сказали: «Идете на смерть, товарищ полковник...»

Принимая эти оперативные меры, комитет действовал и в более широких масштабах. В восемнадцать тридцать по московскому времени заработали телетайпы в Париже, Лондоне, Нью-Йорке. По линиям прямой связи между правительствами, называемыми на дипломатическом языке горячими линиями, прошла передача из Москвы. И с девятнадцати часов мир стал меняться при видимой тишине и спокойствии. Отгремели сигналы боевой тревоги на командирских постах зенитных ракет. Пилоты истребителей-перехватчиков затянули шнуры перегрузочных костюмов. В темных кабинах радарных станций дежурили усиленные вахты. Спутники-наблюдатели отвернули свои кварцевые глаза от Земли и уставились в черно-фиолетовое космическое небо.

Можно было надеяться, что теперь корабли пришельцев не подойдут к Земле незамеченными. Действительно, взлет корабля из Тугарина в девятнадцать пятьдесят был отслежен не только из Советского Союза, но и из Франции и Англии и даже с постов Соединенных Штатов на Аляске.

Меры, принятые комитетом, оказались действенными. Пришельцы отступили. Но победа не принесла спокойствия. С часу на час надо было ждать второй атаки пришельцев, а информация о первой не поступала. Не удавалось ее собрать, хотя к десяти часам была опрошена половина из трехсот девятнадцати человек, обработанных «посредниками». Ни один из них не смог рассказать ровным счетом ничего.

Степан Сизов, повредивший с неизвестной целью линию электропередачи, был на грани смерти.

Алеша Соколов успел сказать о том, что пришельцы собираются напасть на столицы великих держав, и потерял сознание.

Вячеслав Борисович Портнов застрелился.

Вещественных признаков атаки, кроме миниатюрной радиостанции, привезенной Анной Егоровной, не оставалось никаких. Ученые, подвергшие анализу радиостанцию, убедились, что ее нельзя вскрыть. Чехольчик из сверхпрочной керамики можно было расплавить, только уничтожив содержимое. Даже алмазы ее не брали.

Получилось так, что после отступления пришельцев информации на йоту не прибавилось. Говоря на военном языке, не было разведанных. Куда ни сунься – темно. В десять часов вечера комитет мог только строить догадки. Например, диверсия Степы Сизова была понята совершенно наизусть, ведь он воспользовался лучеметом пришельцев, правда? Значит, он переоделся в женское платье и разрушил линию по приказу их штаба. Пожженную копну приписали неумелому обращению с бластером. Комитет не обратил внимания и на возраст людей, обработанных «посредниками». Среди них не было ни одного моложе шестнадцати лет, кроме, предположительно, Степки. И этого, повторяю, никто не взял на заметку.

Взрослым людям, заседавшим в комитете, казалось естественным, что пришельцы подчиняют взрослых, а детьми пренебрегают...

А корабль Десантников, развив чудовищную скорость, ушел от локаторов, растворился, исчез.

Очень подавленное настроение было в комитете... Обсуждалось, не выслать ли в Тугарино еще одну группу следователей, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки. И вдруг дело пошло само – появился Благоволин. Руководитель следственной комиссии сообщил, что Благоволин держал в руках «посредник», что условные клички Десантников такие-то, что диверсия на высоковольтной была предпринята Степаном по заданию Портнова и так далее. Но Благоволина вызвали в Центр не только из-за этих, пусть даже очень важных, сведений. Не из-за них, пренебрегая секретностью, комитет просил его продолжить сообщение прямо с борта военного самолета.

Благоволин, пока в него пытались подсадить Мыслящего, а он его «выплевывал», запомнил кое-что о планах пришельцев на будущее.

В десять часов вечера еще никто не понимал, насколько эти планы опасны для человечества. Даже члены комитета, кроме, пожалуй, одного из них.

В одиннадцать тридцать самолет приземлился в Н...

Ночное совещание

Под белым потолком безжалостно пылали молочные плафоны. Девятнадцать человек, казалось, приросли к огромному полированному столу светлого дерева. По его необъятной поверхности были разбросаны рулоны телетайпной бумаги, синие листки телеграмм, военные карты. Стояли бутылки с минеральной водой, термосы с чаем и кофе, тарелки, диктофоны. Во главе стола сидел генерал – заместитель председателя комитета. Председатель, которого все звали по имени и отчеству – Георгий Лукич, расположился несколько в стороне и сбоку. Новых сведений пока не поступало, и председатель отдыхал, прикрыв ладонью натруженные глаза. Второй заместитель, которого все звали по фамилии – товарищ Зернов, очень высокий и худой человек, почти совсем седой, диктовал сообщение для горячих линий. Ему помогал, осторожно вставляя круглые обороты, Лев Краюшкин, совсем молодой человек, светило дипломатической службы. Две группы ученых занимали дальний конец стола. Астрономы и физики шуршали длинными полосами бумаги – с вычислительной машины, копались в справочниках и звездных атласах. Слева гудел бас Анны Егоровны Владимирской – врачи составляли циркулярное письмо всем больницам насчет ускоренного заживления ран у пришельцев. Еще несколько человек сосредоточенно писали в блокнотах. Известный академик, «отец советской кибернетики», выписывал формулы. Рядом с ним профессор-психолог покрывал лист за листом одинаковыми изображениями четырехлепесткового клевера – думал. Два контрразведчика по очереди писали короткие фразы в блокноте с хорошеньким никелированным замочком. «Здесь начинается вторая часть, – говорил в диктофон Зернов. – Указанные в первой части „посредники“ имеют вид...» Дипломат подсказал: «Прямоугольных параллелепипедов..... Прямоугольных параллелепипедов двенадцать на шесть на три сантиметра. Цвет мутно-зеленый, переливчатый. Здесь перерыв в передаче второй части». Зернов поднял глаза к двери и выключил диктофон.

Дежурный офицер скользнул к креслу генерала и прошептал:

– Товарищи из Тугарина...

– Входите, товарищи. Прошу без чинов.

Быстров, Ганин, Благоволин вошли, поклонились – Ганин щелкнул каблуками – и сели на приготовленные места.

– Товарищи прибывшие! Здесь заседание специального комитета в связи с событиями. Председатель – Георгий Лукич. Его вы знаете, конечно. Прошу назваться, кто из вас кто.

Приезжие назвали. Георгий Лукич, помедлив, распорядился:

– Товарищ Зернов.

– Есть. – Зернов, простовато улыбаясь, всмотрелся в приезжих. – Думается, мы не ждем от товарищей личных впечатлений и фактов. Это мы получили... – Он обвел длинной рукой стопки бумаг на столе. – К нам прибыли доктор физических наук, профессор, а также кандидаты физических же и военных наук, правда? Попросим их изложить концепцию событий, которую они, как я думаю, обсудили по дороге сюда...

Один из военных отрезал:

– Возражаю! Имею вопросы!

На что Георгий Лукич тоже отрезал:

– Товарищ Зернов ведет заседание.

И стало тихо. Анна Егоровна одобрительно крикнула.

– Приступайте, товарищи, – сказал Зернов. – Мы здесь тоже составили концепцию, но пусть это не смущает. Наша, видите ли, может оказаться недостаточно безумной...

Профессор Быстров поднял брови. Этот длиннолицый седой человек говорил с начальственной мягкостью, но так, как нужно было говорить. Нынче каждый знает слова Нильса Бора о «безумных теориях», но мало кто умеет применять их к собственным теориям...

– Что же, – сказал профессор. – Мы обсудили ряд гипотез. Основная, впрочем, принадлежит товарищу Благоволину. Не лучше ли ему...

– Нет, – сказал Благоволин. – Лучше вам, Евгений Викторович.

– Я польщен. Мы предполагаем наличие у пришельцев цивилизации машинного типа. Мощная электроника, несомненно – ядерная энергия. По-видимому, использование антигравитации. Но главное – техника, допускающая калькирование или перенос разума. Под калькированием мы понимаем съемку точных копий с сохранением оригинала. В отличие от калькирования, перенос разумов из тела в тело подразумевает уничтожение оригинала. Теоретически оба варианта возможны. Вопрос: а насколько важно для нас знать, какой вариант осуществили пришельцы? Представляет ли сие практический интерес? Разберемся. Начнем с калькирования. Оригиналы – живые разумные существа – остаются на родной планете. В экспедицию отправляются дубликаты разумов. С какой целью это может предприниматься? Предположим, с исследовательской. Подсаживая в наши головы свои разумы, пришельцы намереваются собрать информацию о Земле. Это отпадает, поскольку от Дмитрия Алексеевича мы узнали, что сядилась разведочный корабль, за которым шла эскадра, готовая к массовой агрессии. Другая возможная цель – эксплуатация наших ресурсов. Предположим, земляне полностью, целиком становятся рабами-автоматами и добывают алюминий или что там понадобится. Но ведь много проще разрабатывать ресурсы чисто машинными способами, захватывая безжизненные планеты, которых в Космосе большинство. Рядом с нами – Марс, Венера, Меркурий, спутники Юпитера и Сатурна... На наш взгляд, не стоит преодолевать межзвездные пространства с такой мизерной целью. Теперь прошу вас обратить внимание на стратегию пришельцев. Прежде всего, они весьма осторожны. Они исследуют нашу систему спутников-наблюдателей и сажают миниатюрный корабль точнехонько в тот момент, когда над Тугарином не проходит ни один из спутников, – между шестью и семью утра. Корабль должен незаметно захватить плацдарм, обеспечить спокойную посадку эскадры. Заметим, что до приземления пришельцы ничего не знали о зенитном ядерном оружии. Они перестраховывались. А едва их окружили войска и запахло ядерным сражением, как они мгновенно уступили позиции. Я бы сказал, предупредительно уступили, хотя корабль, по некоторым соображениям, мог дать бой нашей славной дивизии и даже выиграть этот бой. Но – ценой

крови землян. Все эти факты не весьма понятны, если анализировать их в свете гипотезы калькирования.

Рассмотрим второй вариант – перенос разумов с уничтожением оригиналов. Сразу бросается в глаза слово «уничтожение». Нешуточная затея, если она проводится в крупных масштабах! Уничтожить – читай «убить». Оправданием сему, кроме тупого злодейства, может служить личное, я подчеркиваю – не телесное, а личное бессмертие каждого члена общества. Предположим, что в момент, предшествующий смерти, снимается копия личности разумного существа. Пусть организм погибнет. Копию можно подсадить в другой, здоровый организм, и личность получит вторую жизнь. Приняв эту гипотезу, мы получим обоснование агрессии, а заодно и дальних космических перелетов. Нелегко найти планету, населенную высокоорганизованными существами – людьми, например. В Солнечной системе такова одна Земля. Приходится летать далеко, приходится и воевать, и – прошу отметить – воевать бескровно. Захватчики относятся к нам, аборигенам, как к своим потенциальным телам. Убийство и самоубийство для них – синонимы. Поэтому они и не свалились нам на голову всей эскадрой и не устроили кровавую баню...

– Высший пилотаж!.. – иронически отметил генерал авиации. – Далеко-о смотрите...

– К сожалению, в завтрашний день, товарищ генерал. Мы насущно необходимы для них – таков основной вывод из предложенного рассуждения. И мы сорвались с крючка. Следовательно, будет заброшен еще один и еще, пока рыба не клюнет прочно. Теперь нас в покое не оставят.

Зернов поднял руку:

– Товарищи, предложены две версии. Третьей нет? Нет... Прошу специалистов ответить: какую версию принимаем как рабочую – первую либо вторую. Психологи? Кибернетика? Медицина? Все за вторую. Так... Мы, разведчики, присоединяемся. Переходим к следующему вопросу. Дмитрий Алексеевич Благоволин имеет сведения, что агрессоры оставили резидентов. Цель – проникновение в органы военного и государственного руководства. Его доклад с борта самолета мы слышали. Разрешите задать ему несколько вопросов? Дмитрий Алексеевич...

Благоволин сидел, опустив голову на руки. Ганин подергал его за рукав. Физик вздрогнул, проговорил севшим басом:

– Виноват, я заснул. Слушаю.

– Дмитрий Алексеевич, в вашем докладе было два пункта, глубоко нас заинтересовавшие. Первое: вы не единственный человек, оказавший сопротивление. Что вам известно об остальных?

– Дети, – сказал физик.

– Вы про Соколова и Сизова?

– Не знаю имен. Я понял так, что дети не подчинялись Мыслящим, а, наоборот, их себе подчиняли...

– Причины?

– Что-то в конструкции мозга. Мои, так сказать, клиенты были настолько удивлены этим фактом, что избегали о нем думать.

– Это нарушало их планы?

– Нарушило, – пробасил физик. – В утечке информации они виноватили детей.

– И не зря, – сказала Анна Егоровна. – Кабы не дети, мы бы тут не сидели, уважаемый.

Зернов спросил с неожиданным, очень живым любопытством:

– Скажите, а вам как удалось воспротивиться?

– Чудом, – сказал Благоволин. – Еще бы пять минут – и каюк. Их что-то отвлекло от моей особы.

– А без чудес?

– Я знал заранее, зачем они ко мне идут. Потом, я же профессионал. Мышление – моя работа. Я привык отстаивать свою линию мышления.

По комнате прошло движение – здесь было достаточно профессиональных мыслителей. Быстров сказал:

– Если позволите... Дмитрий Алексеевич в некотором роде вундеркинд. Так сказать, мыслитель милостью божьей... Кандидатскую диссертацию он защитил в двадцать пять лет, не получив докторскую степень по грустной случайности.

– Какая же случайность? – спросил Зернов.

– Ученый совет, и я в числе его членов, не понял настоящего смысла его работ. Не доросли.

– Евгений Викторович, хватит, – сказал физик.

Зернов невесело улыбнулся:

– То есть для самозащиты от «посредника» надо быть либо гением, либо ребенком?

Психолог, давно порывавшийся вставить словечко, сказал:

– Эйнштейн писал, что в гении всегда сидит ребенок.

– Товарищи, к делу... – проговорил Георгий Лукич.

– Виноват, – сказал Зернов. – Второй вопрос к Дмитрию Алексеевичу. Повторите насчет их планов на будущее.

– Пожалуйста. Вскоре после начала операции несколько Десантников были назначены резидентами. Их задача – действовать самостоятельно, если десант отступит. Количество держится в секрете. Тактика – проникновение в руководящую структуру планеты. В первоначальной десантной операции они не участвовали.

– Это все?

– Да.

– Они остались в Тугарине?

– Не знаю.

– А как думаете?

– Думаю, надо предполагать худшее. Оно разумней...

– Скажите, товарищи, – тихо проговорил Георгий Лукич, – есть возможность на глаз отличить человека, зараженного пришельцем?

– Нет. Сомнительно... Нет, – ответили в один голос Анна Егоровна, Благоволин и Ганин.

– К сожалению, отпадает. Остаются научные методы. Излучение, например? Что говорит наука?

– А ничего, – сказала Анна Егоровна. – Нужно двоих-троих пришельцев для исследования, аппаратуру, тогда наука и скажет.

– Плохо, – сказал Георгий Лукич. – Ну а физики? У вас кончились исследования микрорепердатчика?

Кто-то сказал:

– Кончены, Георгий Лукич. Не излучает.

– Что поделаешь... Зернов, прошу соображения вашей службы.

Зернов принял от соседа папку с замочком, заглянул в нее, закрыл и поднялся из кресла.

– Случай необычный. – Он вздохнул и опустил на столешницу длинные растопыренные пальцы. – Как он смотрится с точки зрения нашей службы? В пределах госграницы имеется несколько... – он пошевелил пальцами, – несколько лиц с безупречными документами, безупречным знанием обстановки, условий и так далее. Это еще не делает их неуловимыми... – Он сморщился и несколько раз кивнул. – На чем я могу поймать разведчика? На попытках проникнуть куда-либо. Например, в Генеральный штаб. Но могу ли я предотвратить такое проникновение сейчас? Заявляю авторитетно – нет...

По залу прошелестело что-то. Видимо, все еще надеялись. Не бывало такого, чтобы Зернов чего-то не мог.

– Почему так? – спросил Зернов. – На подходе мы не в состоянии их задержать, поскольку они безупречно замаскированы. Точнее, им и маскироваться не надо... Далее, мы бы сумели приставить охрану к ряду товарищей, но и сие бесполезно. Благодаря своей аппаратуре – «посредникам» – они одинаково легко управятся и с охраняемыми лицами, и с охранниками. Таким образом, сейчас мы беззащитны, и необходимы решительные меры. Необходимы! Уже сейчас, в настоящую минуту, несколько резидентов едут сюда и будут здесь, – Зернов показал на окно, – к утру.

– Выезд из Тугарина мы закрыли, – сказал генерал.

– Так точно. – Зернов сложил кончики пальцев и посмотрел на стенные часы. – С восемнадцати часов. Но я бы на их месте двинулся в дорогу прямо с утра. На утренний самолет они опоздали; вечерний мы отменили. На поезде они едут, товарищ генерал... Здесь будут в семь ноль две, на Северном вокзале.

– Задержать их на вокзале! Проверку документов устроить, тугаринских задержать!

– Не забывайте о «посредниках», – задушевно сказал Зернов. – Если они хоть малость смыслят в маскировке, они уже раза три переменили хозяев. Не сомневаюсь, что граждане из Тугарина сейчас уже, сидя в вагонах, удивляются – за какую надобностью их унесло из дома... Они-то уже не пришельцы... Сейчас «посредники» везут со-овсем другие граждане. М-да... Я поступил бы именно так.

– Вы – несомненно, – сказал генерал. – А они?

– Они такие же специалисты, как я. Если не получше... – Контрразведчик улыбнулся. – Итак, мы должны быть готовы к утру. Времени мало. Предложить я могу единственную, но решительную меру: наглухо изолировать от внешнего мира всех людей, коими интересуются пришельцы...

– Паникуешь! – крикнули с дальнего конца стола.

– Я рассуждаю, а не паникую, – сказал Зернов.

Благоволин пробасил:

– Товарищ Зернов абсолютно прав.

– Да. Спасибо, – сказал Зернов. – Прошу понять, что первейшая задача пришельцев – перехватить руководство нашей воздушной обороной. А мы знаем, что правом отдавать распоряжения зенитчикам обладают считанные товарищи. Отсюда мы исходим. И предлагаем. Первое: указанных товарищей немедленно, до семи утра, перевести на казарменное положение. Запретить им контактировать с внешним миром – только по телефону. Список готов.

– Ого! – Генерал оглянулся на председателя. – Это, значит, меня?! И надолго такое?

– Я думаю, придется выйти наверх с таким предложением, – проговорил Георгий Лукич. – Товарищ Зернов, продолжайте.

– Второе. Перевести на казарменное положение аппаратчиков связи – в тех же целях... Третье. Необходимо обыскивать всех входящих в помещение штабов. На предмет «посредников». Без них пришельцы не более опасны, чем обыкновенные люди. Это все. Ситуация не из приятных, товарищи. – Зернов обвел глазами всех по очереди. – Обыски, казарменное положение... Конечно, мы проверим поезда, и в Тугарине дремать не намерены, однако все предложенное необходимо. Еще одна просьба: разрешите всю работу сосредоточить в одном месте, причем не здесь. Очень уж людно... В самостоятельном Центре. Есть домик на примете. В нем расположим общежитие, лаборатории, узел связи, оперативные группы. Илья Михайлович, вы сумеете быстро перевести ваших исследователей в такой Центр?

Академик-кибернетист наклонил голову.

– Вот и прекрасно! – сказал Зернов.

Особняк

Утром следующего дня в одном из Н-ских переулков началось необыкновенное оживление. Распахнулись ворота особняка – в нем, по преданию, ссыльный Пушкин писал письма – огненные письма! – одной чрезвычайно знаменитой графине. Ворота распахнулись, но в просторный двор одна за другой стали въезжать не кареты, а грузовые военные машины. Потом – легковые машины. Зафыркал как черт автопогрузчик. Это все произвело такое сильное впечатление на местных старушек-пенсионерок, что они бросили посты у своих подъездов и стянулись к дому номер девять – напротив особняка. И оттуда наблюдали, как распахивались венецианские окна и шустрые солдатики мыли эти окна. Как крытые грузовики степенно съезжали со двора. Как за стеклами подъезда замаячили молодые люди в штатском. Как, наконец, проехала открытая грузовая машина, заваленная доверху прекрасными деревянными кроватями. Старушки терялись в догадках. Они бы еще сильнее терялись в догадках, имей они опыт систематических наблюдений. Тогда бы они заметили, что «солдатики» покинули особняк и более не возвращались. А штатские, явившись в здание, не покидали его день за днем. Таков был порядок, установленный Зерновым для работников Центра. Все они жили в особняке и на улицу не выходили. По делам выезжали – со двора – в автомобилях с пуленепробиваемыми стеклами. Это и понятно. Работникам Центра приходилось беречься от пришельцев не менее тщательно, чем военному командованию.

Отсутствие пешеходов пенсионерки как раз заметили. Вывод последовал самый решительный и неожиданный: в дом номер десять въехало «тайное посольство одной великой державы». Столь же нелепый миф, как и насчет ссыльного Пушкина, который никогда здесь не проживал и, ясное дело, не писал отсюда писем. Так-то... Но самые нелепые мифы одновременно и самые живучие. И старушки были очень огорчены, когда два обитателя особняка вышли на тротуар пешком, через дубовые резные двери подъезда.

Учитель появляется

Это было две недели спустя после тугаринских событий. Центр уже давно развернул работу – разливал по баночкам скудный ручеек информации, сочившийся из Тугарина. Пришельцы-резиденты никак себя не проявляли, и коллектив томился от безделья. Беспокойно и напряженно было в Центре. В девять ноль-ноль полковник Ганин, комендант Центра, как обычно, производил обход помещений. Осмотрев кухню и гаражи, он поднялся по служебной черной лестнице на второй этаж, заглянул в безжизненно-чистые, пустые комнаты больнички, к связистам, в шифровальную, в лаборатории и по мраморной парадной лестнице спустился в вестибюль. Здесь он увидел, кроме дежурного офицера, еще и Дмитрия Алексеевича Благоволина – референта начальника Центра Зернова. Референт выглядел крайне несолидно: рубашка-распашонка, вокруг шеи – полотенце, карман узких джинсов оттопырен мыльницей. Дело в том, что общежитие помещалось в левом крыле этажа, а умывальня – в правом. Однако торчать посреди вестибюля в таком виде, подавая дурной пример строевому составу, не следовало. А Дмитрий Алексеевич именно торчал и тоскливо смотрел на улицу. Раздумывая, сделать ему деликатное замечание или воздержаться, полковник подошел и тоже стал смотреть в переулок, хотя глядеть там было не на что. Юная мамаша прокатила коляску. В подъезде дома напротив, между каменными львами, сидели древние старухи и окаменело тарасились на «посольство». Покачивая хозяйственной сумкой, шел пожилой мужчина – при толстых седых усах, в соломенной шляпе. «Наверняка бывший учитель», – подумал Ганин и только собрался сказать это Благоволину, как усатый человек упал, поскользнувшись на апельсинной корке. Ганин жалостно крикнул. А Благоволин, загремев

мыльницей, подскочил к дверям, отбил засов и очутился на мостовой. Старухи одна за другой открыли рты.

– Назад! – крикнул полковник – налицо было грубое нарушение устава, но Благоволин уже поднимал усатого. Тогда Ганин сам выскочил из дверей и схватил вольнодумца за рукав гавайки. Благоволин выпустил «учителя», подобрал свою мыльницу, валяющуюся на асфальте, и сейчас же вернулся в дом, а «учитель» захромал дальше.

Все это заняло не более десяти секунд. Тем не менее полковник строго выговорил дежурному офицеру – за беспечность. И через час, когда прибыл начальник Центра, доложил ему о происшествии.

Зернов внимательно выслушал коменданта. Подумал. Сложил пальцы кончиками и сказал:

– Итак, Дмитрий Алексеевич поднял его, взяв под мышки. Этот... учитель ничего не передал Благоволину?..

– Так точно, – сказал Ганин. – Наблюдали я и двое дежурных – в подъезде и за калиткой.

– Ну и предадим происшествие забвению.

– Разрешите доложить, по инструкции я обязан товарища Благоволина откомандировать. Пункт шестой, контакт с посторонними лицами.

– Забудьте, Иван Павлович. Соприкосновение у нас еще впереди.

– Слушаюсь, – сказал Ганин. – Разрешите неофициально?..

– Да. Курите, Иван Павлович.

– Спасибо, Михаил Тихонович. Я давно хотел спросить... Вы серьезно рисковали, вводя нас троих в Центр. Мы же были пришельцами, так сказать... Почему вы пошли на это? Где гарантии, что мы не резиденты?

– Полные гарантии дает только английский банк, – усмехнулся Зернов. – Насчет вас и профессора все ясно. Многие видели, как вы перестали быть пришельцами. Алеша Соколов даже запомнил, что вы поправляли галстук, а профессора пропустили вне очереди. С Дмитрием Алексеевичем – сложнее...

Ганин насторожил уши.

– Вот он является. Утверждает, что «был пришельцами», и дает ценнейшие показания. Подозрительно? С одной стороны – очень. Фабриковать показания умеет любой разведчик... И первой моею мыслью было: резидент явился сам. Разыгрывает заурядный гамбит – жертвует пешку, чтобы схватить ферзя. Однако вот анализ последовавших фактов. До Благоволина никто и словом не обмолвился о шестизарядном «посреднике», а он дал точные размеры и рассказал, как им пользоваться. Зачем бы это? А? При чем показания его были истинными. Теперь это подтвердили ребяташки, Степа и Алеша, но еще четырнадцатого вечером был найден платок, в котором свидетельница Абрамова держала «посредник». Платок сохранил форму содержимого – ту форму, о которой говорил Благоволин. Узнав о платке, я решил – Благоволину верю. А потом подумал: ведь он не мог предусмотреть болезни обоих мальчиков... Преподносил нам то, что мы и от них могли узнать. Интересно, что позже это подтвердилось. Пароль «Здесь красивая местность» мальчики слышали не раз. «Посредником» Степан освободил Портнова. Вот кончим дело, подарю им именные часы... Ну ладно. Когда Благоволин сюда летел, я думал: выслушаю его, а потом запру. Для спокойствия. А он возьми да засни при Георгии Лукиче... Помните? Ну, думаю, фрукт... Либо сверхъестественная выдержка, либо уверен в своей правде. После совещания пригласил его к себе в машину – оттягивал решение. Тогда он и пошел козырем. Сказал, что сам хотел побеседовать со мною наедине. Об одноместных «посредниках», пальчиковых, которыми должны быть снабжены резиденты. Ну, тот рисунок, что с пятнадцатого стали рассылать...

– Так это он показал? – поразился Ганин.

– Кто же еще, Иван Павлович? Не предупреди он нас, пришельцы смеялись бы над нашими обысками. А сейчас они, как видите, и близко не подходят. Остерегаются рентгеновской проверки.

– Или не хотят мешать Благоволину действовать...

– Семнадцатого мая, – сказал Зернов, – полковник имярек – прошу извинить, фамилию его не назову – отлучился со службы в поликлинику. Лечить зубы. Явившись в часть, доложил, что по дороге терял память. Очнулся у кабинета врача. Вам ясно, Иван Павлович? Они его взяли, узнали о рентгене и освободили.

– О рентгене было известно только нашим сотрудникам, Михаил Тихонович, по списку.

– Ну-ну, – сказал Зернов. – Будочки-то мы понаставили у вахт. И в них жужжит. А полковник имярек пятнадцатого числа делал рентген и, жужжание услышав, сопоставил факты. Нынче все грамотные, Иван Павлович... Резиденты ходят вокруг и ждут своего часа.

– Боюсь, дождутся, – вырвалось у Ганина.

– Я тоже боюсь, – просто ответил начальник Центра. – Две-три недели – и они отыщут, куда просочиться, если мы их не опередим... Между нами, очень обещающий план разработал тот же Благоволин. Ну, спасибо, Иван Павлович.

– Разрешите идти?

– Пожалуйста. Проследите, чтобы мне представили приметы гражданина, с которым соприкасался Дмитрий Алексеевич.

«Э-ге-ге! Доверяй, но проверяй!» – подумал полковник и мгновенно распорядился насчет примет. Листочек подали Зернову, и тут же оперативная группа приступила к розыскам. Но гражданина шестидесяти лет, с седыми усами, крупным прямым носом, светло-голубыми глазами, роста среднего, одетого в чесучовый костюм, соломенную шляпу и сандалии довоенной конструкции, найти не удалось. Видимо, он жил в другом районе и заехал по пути на вокзал в центральный магазин «Диета» (судя по продуктам, замеченным в его кошелке). На вокзале похожего человека видел оперативный сотрудник. Заприметил его по сандалиям – такого фасона, которые сейчас шьются только для детей. С круглым глубоким вырезом на подъеме, перекладной и жестяными пряжками. «Учитель» сел в дальнюю электричку, прорезающую насквозь Н-скую область, да еще, как нарочно, со всеми остановками. В какой из бесчисленных городов и поселков области он уехал? По делу ли его разыскивали люди Зернова?

Довольно долго этого не знал никто, кроме двух человек, о которых речь будет впереди.

Часть 1 Планета

Дача

Севка бежал в темноте между теплыми стволами сосен. Поселок спал, погасли огни, только дорожка белела под ногами. Она была земляная, но твердая, как бетон. Из нее выступали отполированные подошвами корни мачтовых сосен. Севка, не глядя под ноги, перепрыгивал корни. Он спешил, но старался дышать ровно. Пробегая мимо дачи режиссера Лосера, он услышал голоса и увидел искры, летящие в темноте от самовара, и подумал, как удивились бы все сидящие на террасе – за столом. Потом запахло малиновыми кустами и крапивой, и дорожка стала пружинить под ногами. Слева был колодец. Севке очень хотелось пить. Он представил себе, как он останавливается и снимает с медного крюка бадейку и, тормозя ворот ладонями, пускает бадейку в глубину. Потом крутит толстую железную руко-

ятку, стараясь вертеть ровно, чтобы не выплескивалась вода, и вместе с бадьей из колодца поднимается запах грибов и плесени.

Но колодец остался позади. Только заныл зуб – с дуплом, – и по груди и животу проскользнул, как сосулька, холодок утоленной жажды.

Севка не останавливался у колодца. Он пробежал еще два десятка шагов и свернул в узкий проход между двумя заборами. Ветки малины, пробившиеся между штaketинами левого забора, скребли по ногам и царапались. Это была знаменитая во всем поселке малина. Хозяин дачи, инженер Гуров, провел к малине канавки от колодца и нарочно посадил ряд кустов вдоль забора, чтобы мальчишки рвали снаружи, а внутрь не лазали. Севка подумал, что два-три куста у угла забора еще не обобраны, и во рту немедленно возник вкус спелой малины. Сладкий, но водянистый вкус, потому что гуровская малина получала слишком много воды. Он помотал головой и влетел в калитку, едва не наступив на ежа. Это был коллективный еж Тимофей Иванович, он жил у колодца и ловил лягушек. Иногда его приглашали в дачи ловить мышей. Он истреблял мышей и неизменно возвращался к колодцу. Сейчас он шел домой, держа в зубах заднюю часть лягушки, и Севка, перепрыгивая через Тимофея Ивановича и через лягушку, видел все это. Седоватые иголки ежа, кусок белого пуза и растопыренные пальцы лягушки. Здоровенная лягушка, с зеленой мраморной спинкой. Он знал это, хотя спинку еж съел раньше, еще под фундаментом Машкиной дачи. Почему-то все было известно. Севка мог представить себе вкус сырой лягушки, причем не для себя, а для ежа. Он сплюнул и притворил калитку, чтобы отгородиться от всего этого. Калитка протяжно скрипнула, коллективный еж Тимофей Иванович скрылся в малиннике, а Севка подбежал к Машкиному окну, подпрыгнул и лег грудью на подоконник.

Два скворца, Генка и Нюрка, живущие в большом скворечнике над крышей, завопили: «Воры-путь-путь-хе-хе-хе!» Никто не проснулся в доме от их крика – они всегда вопили «Воры!», кто бы ни пришел, хоть сам хозяин, Машкин отец. Генке и Нюрке было все равно. Такие уж это были скворцы. Сейчас они всполошились, зашуршали в скворечнике и заодно дали выволочку старшему скворчонку, чтобы не просил есть среди ночи.

Севка тихо свистнул. Он чувствовал холодные кирпичи фундамента под пальцами ног и теплый подоконник под животом и грудью. Справа в темноте зевнуло, засопело, и Машкин сонный голос прошептал:

– Ты кто?

– Я. Пошли живее, *он* опять здесь. На клумбе.

– Врешь, – шепнул голос.

– Чтоб мне сырую лягушку съесть. Вставай.

– Я причешусь. – Она стукнула пятками об пол. – Лезь сюда пока и рассказывай.

– Ладно, ты чисти свои зубы, – скорбно сказал Севка. – Чисти, чисти. Чудеса подождут.

Машка сердито запыхтела, натягивая платье. Севка знал, что Белый Винт будет стоять на клумбе до рассвета и что торопиться некуда, но ему неохота было лезть в спальню. Неловко даже было торчать в окне, пока Машка одевается. Неловкость эта его сердила, казалась бессмысленной, потому что они с Машкой дружили миллион лет. Еще прошлой осенью они ввалились через это окошко после набега на поздние яблони режиссера Лосера и, как были – в мокрых штанах и рубахах, – залезли под одеяло и умяли три десятка лосеровских знаменитых антоновок. Тогда шел дождь и, кажется, со снегом.

Что-то изменилось с прошлой осени.

Севка сердился потому, что Машка по-прежнему его не стеснялась, словно все осталось как год назад. Это было новое, взрослое спокойствие. Машка его достигла, а Севка – нет.

– Да причешешься по дороге, копуша! – зашипел он в окно, и Машка покорно вылезла.

В одной руке она держала большую расческу, в другой – теннисный мяч. Севка протянул руку, но она сказала: «Прочь, презренный раб!» – и спрыгнула на землю. Скворцы опять завопили про воров, и к ним присоединились скворчата.

Этих скворчат прошлой осенью и в помине не было. Смешно.

Севка потрогал мяч и убедился, что это именно мяч и что руки у Машки еще горячие со сна. Стало тепло. Они побежали в калитку и мимо колодца. На лосеровской террасе еще пили чай и тихо, гнусаво завывал радиоприемник. Машка пробормотала: «М-музыканты...», подпрыгнула и запустила мячом – раздалось звонкое бам-м, и сразу контральтовый женский взвизг. Лосериха не зря была женой известного режиссера. Она визжала, как очень важная дама.

Добежав до конца просеки, Машка остановилась и воткнула расческу в волосы, как перо. Волосы были такие густые, что Севка дразнил ее Медузой-горгоной.

– Кажется, я попала в самовар, – равнодушно сказала Машка.

– Это было нужно? Люди сидят, чай пьют...

– У меня – переходный возраст, – сказала Машка.

– Они узнают мяч, ты учти. Я вчера написал на нем кое-что.

Машка хихикнула. Севка проворчал:

– Объективные причины... Третий год слышу про этот возраст.

– Я такая, – сказала Машка и скрипнула расческой в волосах. – Что ты написал на мяче?

– Узнаешь. Точно тебе говорю.

– Что-нибудь хулиганское? – с надеждой спросила Машка. – Тогда ничего. Я же пай-девочка.

– «Машета – мазила», вот это я написал.

– Живописец...

Дольше стоять было нельзя. Машке хотелось, чтобы он взял ее за руку. Она трусила, но совсем немного. И ей хотелось, чтобы он ее погладил по голове.

– Пошли, – сказал Севка.

Машка на ходу скрипела расческой и шипела от боли. Перешагивая через очень толстый, изогнутый сосновый корень, она сказала:

– Вырубить его, проклятого...

– Сосна зачахнет, жалко.

Об этом корне они говорили всякий раз, перешагивая через него. Как заклинание. И утром, и днем, и на закате, когда весь старый сосновый бор становился огненно-рыжим. Дачный поселок стоял на фундаменте из сосновых корней, и летние радости стояли на них и казались вечными, как сосны. А этот изогнутый корень у самой калитки, о который они так часто и больно ушибали пальцы и калечили велосипедные обода, был их собственным корнем, и на нем росли их, Севкины-Машкины, радости. Вот что они узнали сейчас. А ведь сосны когда-то были маленькие и пушистые. Смешно.

Они шли совсем медленно.

– Сознайся, что ты врешь, – приказала Машка. – Быстро сознавайся, ну? Пока не поздно идти купаться.

Он молчал. Машка прикоснулась к его плечу и почувствовала, что он дрожит. Не крупно и весело, как после купания, а мелко, как захладавший щенок. Севка оттолкнул калитку, и они вошли на участок, обогнули муравьиную кучу и на цыпочках пошли к дому.

Белый Винт

Весь мир уснул. Не шелестел муравейник на Севкином участке. У Лосеров смолк радиоприемник. Елена Васильевна погасила лампу на остекленной веранде и сейчас спала,

держа книжку перед собою торчком, двумя руками. Она всегда так засыпала. И Севка, пробираясь мимо веранды, заглянул туда и различил светлый прямоугольник книжки, покачивающийся от дыхания вместе с руками матери. Машка нетерпеливо дернула его за рубаху.

– Где он?

– Смотри на большую клумбу...

Сразу за углом веранды, на клумбе анютиных глазок, вздымался Белый Винт. Его свет падал на Машкино лицо. Странные тени пробегали по стеклам, по доскам. Отблески суетились на муравейнике, как муравьи.

– Где, где? Ничего не вижу, – шептала Машка. – Ты все выдумал!

– Стой и жди. Он... не сразу...

Так было у него, и теперь будет у Машки. Если только у девочки это может быть. Сначала она увидит столб легкой пляшущей дымки. Рой комариков-толкунцов. Столб будет висеть над клумбой, и, если смотреть на него внимательно, он сгустится. Уйдет вверх между сосновыми кронами, вверх, неизвестно куда, и ветви осветятся его жидким пляшущим светом. И он опустится до земли и станет Белым Винтом. Таким, каким его видит Севка, – бело-снежной спиралью, упирающейся в небеса. Дымчатым белым штопором, переливающимся, как рой толкунцов, а под ним – коврик из анютиных глазок, и все цветы видны как днем, только цвет у них другой.

Вторую ночь Белый Винт стоял на клумбе и ждал. Почему-то Севка знал, что Винт ждет их обоих, его и Машку. Зачем? Это было тайной. Он появлялся в одно и то же время. За десять минут до последней электрички. Сейчас она стучала вдалеке, уже за поворотом, у моста через водохранилище.

– Ой, Севочка, ой... – шепнула Машка. – Страшно мне. Ой!

Она попятилась, но Севка знал, что она не уйдет, потому что сейчас на Белом Винте, по грани, проступают письмена, которые он в одиночку не может прочесть. Теперь он знал все. Не глядя, видел, что Машка наклонила голову влево и таращится на письмена. Что мать проснулась, положила книжку и думает о нем, Севке. Что письмена нельзя прочесть одному человеку. Что еж Тимофей Иванович давно спрятал лягушку и пошел на Машкин участок ловить лесных мышей. Севка видел пчелу, заснувшую от вечернего холода на клумбе, и знал, что пчела сейчас видит анютины глазки дневными, а не ночными, а сверху удивленно смотрит дятел. Между тем письмена проступали все яснее и как бы складывались в слова. Их не прочесть одному, ни за что не прочесть. Надо вдвоем. НАДО. НАДО.

– Читай! – приказал Севка себе и Машке.

Белый столб завился еще круче. Штопором, локоном, архимедовой спиралью. Пчела зажужжала и взлетела. Стволы сосен осветились ржавым, как на закате. По белой грани пронеслась надпись, и она была почти понятна.

Машка двумя руками держалась за Севку. Руки дрожали. «То-то, – подумал он, – теперь тебе не смешно...»

– Там написано, что мы... – едва слышно сказала Машка.

– Да.

– Что мы должны...

– Да.

– Подойти к нему и прикоснуться. Нет, Севка, нет!!!

И они шагнули вперед. И протянули руки.

Ничто

Крепко держась друг за друга, они прикоснулись к белому туману. Руки показались огромными, черными. Исчезли. И сейчас же исчезло все. Их подхватила и понесла пустота.

Гулкая, пустая, как неимоверно громадная бочка. Словно они сидели в самой середине ее, а вокруг не было ничего на миллионы километров, кроме тоски. Пустота завывала угрожающе, как бормашина. Она грозила жалобно, тонко, настойчиво, потом смолкла. Осталось *ничто*. Как долго это продолжалось, они не знали. В *ничто* нет времени. Пришлось закрыть глаза и ждать. Потом звонко лопнула невидимая преграда, и Машка с Севкой опять очутились где-то. Только где?

Они чувствовали, что держатся за руки. Сжали пальцы. Попробовали встать на ноги.

Все еще с закрытыми глазами, они нащупывали землю и не находили ее. Это было как плавание в сухой неощутимой воде. И вместе с тем вокруг был воздух, а не вода. Воздух дул по лицам, у него был странный, знакомый запах. «Где же мы? – подумал Севка. – Надо глаза открыть. Сосчитать до трех и открыть. Раз, два, три...»

Место Покоя Мыслящих

Они плавали в воздухе, как в воде. Вниз лицом. Или вверх лицом. Тяжести не было. Все-таки они смотрели вниз, вдоль блестящей круглой стены – вдоль шахты. Огромная глупина. Вход виден оранжевой точкой. Это было так же странно и знакомо, как здешний запах. Как неяркий свет, которым сияла круглая стена шахты. И сама стена, сложенная из тонких шестигранных ячеек, определенно была знакома. Здесь всегда было тихо и хорошо пахло, и по всей высоте шахты – собственно, это была Башня – висели разноцветные фигурки *балогов*. Они держались у стен. Только Машка и Севка витали в середине. Вблизи никого не было. Башняверху сходилась в темную точку. Метров по пятьсот было до верха и до низа. Выходит, они висели примерно посредине, на своем обычном месте...

«Значит, я не проснулся», – подумал Севка. Во сне такое бывает. Незнакомое место снится как знакомое. И летаешь. В незнакомом знакомом. «Надо проснуться, пока не поздно», – встревоженно подумал Севка.

Он посмотрел на балога, висящего рядом с ним. Во сне это существо считалось Машкой. Взрослая здешняя женщина. Она была очень хорошо ему знакома. Более того, он знал, что она, по меркам балогов, красавица. Сильная, широкая, с веселым и лукавым лицом. И вместе с этим Севка твердо знал и другое. Повстречай он это чудище наяву, он бы помчался прочь как ошпаренный.

Вместе с тем он знал, что не спит. Рядом с ним висело в воздухе существо из другого мира. Существо называлось «госпожа Ник». Кое-что человеческое в нем было. Две руки, две ноги. Одежда. Но лицо... Нет, лучше было пока не смотреть ей в лицо. Подумав так, он поймал ее взгляд и поспешно отвернулся. Хотя взгляд черных глаз тоже был очень знаком. Глаза треугольные, черные, как шерсть неска. Это зверек такой. Черный, неуклюжий, с шестью лапами. Легко приручается, весьма чистоплотный... *Да что же это такое?!* – мысленно взвыл Севка.

Между ячейками-кирпичиками тут и там блестели полированные пластины. Выпуклые. Изогнувшись, он заглянул в ближнюю пластину и увидел свое крошечное отражение. Да. То же самое. Серо-синяя фигура с устрашающей белой мордой и черными глазами. Жуткая морда. Но по-здешнему – красивая. Как и дома, они были здесь «красивой парой». Черт знает что. Господин Глор и госпожа Ник, вот как их зовут. И они совсем взрослые.

Ох... А что, если мы не Севка с Машкой?

– Ты... Ты Машка?

Говорить по-русски он, оказывается, не мог. А по-здешнему говорил свободно. И он прощелкал свой вопрос на языке балогов. Имя он ухитрился как-то изобразить. Не выговорить – вспомнить было трудно... В ответ существо отщелкало:

– Я, а кто же еще?! Ник, что ли? О-ах, как страшно!..

Значит, все-таки Машка... Он заставил себя посмотреть ей в глаза. И – ничего. Оказалось не так уж страшно. Черные треугольные штуки, без белков. По-настоящему черные, как китайская тушь «жемчужина». Только здесь тушь не выделяют. Говорят: «Черный, как неск». Потешный зверек неск. В диком состоянии он живет в норах стайками, по шесть-восемь особей, легко приручается...

Хватит про него, слышишь? Надо что-то делать.

Они висели посредине Башни. Это было опасно. Опасность окружала их, как круглая стена Башни. Здесь опасность ждет всех. Тут каждый настороже. Нельзя витать посредине Места Покоя Мыслящих, полагается держаться за стену. А они висят уже давно. Он посмотрел вниз-вверх, никто не подлетал к ним. Машка плаксиво прощелкала:

– Я сойду с ума... Давай отлетим к стене, пока нас не взяла Охрана!

Они оттолкнулись друг от друга и плавно скользнули на разные стороны Башни. Севка ухватился за ячейки, а Машка, не задерживаясь, отпихнулась от своей стены и оказалась рядом с ним. И отчаянным, совсем нечеловеческим движением спрятала голову между ячейками и его грудью.

Что теперь делать?

Севка не знал, что теперь делать. Свободной рукой он постучал по стене – не больно. Ага! Значит, сон! Приободрившись, он постучал еще и охнул – скорее от огорчения, чем от боли. Она возникала не сразу. Первый удар давал тупое, неприятное ощущение, второй – немного болезненное, а третий – острую боль. Теперь он твердо знал, что не спит. Потому что Глор *всегда* чувствовал боль ступенчато. И не один Глор. Все балог и все животные на этой планете Пути.

«Путь, – подумал он. – Значит, я Глор. Почему же я раньше был Севкой? Ну как же так? – Он осторожно придерживал Машку и думал: – Как же так? Только что, совсем недавно, я открывал калитку и вел Машку к белой штуковине. Это же был не Глор, а я, Севка. Раз я думаю о себе „я Севка“, значит я и есть Севка, да? Но как тогда Глор? Почему я сижу в его теле, как в клетке, и откуда я знаю, что тело принадлежит господину Глору, монтажнику высшего класса?»

Очень странно было ощущать его как оболочку. Одежду – как оболочку на оболочке. Он поднял четырехпалую руку, еще ноющую отзвуком боли, и ощупал комбинезон на груди. Жесткая, как кольчуга, синевато-серая пластмасса. Полоски молекулярных застежек – серебряные. Цвет монтажников... На руке плотно сидел широкий браслет. Он казался зеленоватым и полупрозрачным, как нефрит, но Глор знал, что цвет его меняется от освещения. Одна секция браслета была вдвое шире остальных – личный передатчик. Рядом с ним – справа и слева – приемники общей сети и сети оповещения высших каст. Четвертая секция – «соглядатай». По ней Охрана следит за местоположением владельца браслета. Пятая и шестая – ключи от дома, гаража, машины и багажных контейнеров; седьмая секция – застегиватель одежды, восьмая – личный номер...

«Ничего не понимаю, – подумал он. – Если я Севка, кто тогда научил меня всей этой церемонии? Сеть оповещения высших каст! Подумать только! Ох и влипли! – подумал он в отчаянии. – Ох и влипли!»

Отозвавшись на этот вопль отчаяния, из глубины его мозга всплыла спокойная мысль: «Почему ты паникуешь? Ничего удивительного не происходит. Ни-че-го. Всю жизнь ты боялся, что твое тело захватят, отнимут... Вот и захватили. И хорошо еще, что тебя при этом не превратили в Мыслящего, а оставили. Твое сознание не уничтожили – подчинили. Чему ты удивляешься? Тебя захватили, голубчик Глор. Некогда твои предки захватили жителей этой планеты. Вот нашлась и на вас управа, голубчик Глор...»

«О-ох, дела! – подумал Севка. – Де-ла... Это же мой голос! Это же я уговариваю. Откуда я знаю, чего боялся он? И насчет его предков?!»

«Говорю тебе, все нормально, – возразил тот же голос. – Конечно знаешь. Ты, Севка Мысин, седьмой „В“. Ты, всем на удивление, оказался высшим существом и захватил Глора вместе с его сознанием. Одно и странно, что ты – высшее существо...»

«Де-ла! Теперь я сам себя уговариваю», – подумал Севка.

«Правильно, – сказал спокойный голос. – Сам себя. Ты – по-прежнему ты, но вместе с Глором. Ты знаешь все и умеешь все, что он. И это очень хорошо, ибо ты пропал бы здесь в одиночку. И хорошо, что Машка захватила госпожу Ник. Она умница, госпожа Ник. И веселая, и не трусиха».

– А-а! И Машка тоже...

«Конечно, – рассудительно сказал Севка себе, – и она».

«Вы оба здесь не из простачков. Монтажники высшего класса, при хорошем деле. Прдержитесь, право!»

Как видно, Машка-Ник не подозревала, что о ней судят так благожелательно. Она шевельнулась в своем убежище и буркнула:

– Домой хочу!

– Я бы не прочь, – протянул Глор-Севка.

Он хотел сказать, что дело неслыханное и надежды на возвращение нет. Кто-то пересадил их сознания, оставаясь невидимым и неслышимым. Дела. Разве что пересадила белая штукovina?

– Хоть куда домой... хоть в Монтировочную! – щелкнула Ник. – Подумай, что будет с перчатками!

Несомненно, это была практичная Ник – отнюдь не ветрогонка Машка. Она уже поняла, что дорога на Землю закрыта, а внизу пост Охраны и придется надевать перчатки. И если перчатки лопнут, расправа будет короткая...

С ними обойдутся как с похитителями сознаний – чхагами.

– Да, надо подумать, – добросовестно сказал Глор.

Ник выпростала голову и жалобно прощелкала:

– Получается, что мы чхаги?

– Что ты! Мы же не хотели, и вообще...

– Тогда это происки чхагов! – паниковала госпожа Ник. – Я не хочу возноситься в Мыслящие, я жить хочу! – Она с отвращением показала на голубые кристаллы Мыслящих, лежащих по ячейкам аккуратными девятками. – Зачем ты меня втянул? Я домой хочу!

Иван Кузьмич

– Дети, перестаньте ссориться. И выключите браслеты, – сказал чей-то голос.

Они оглянулись, повернув на голос одинаково белые лица, одинаково обрамленные синими капюшонами. Рядом с ними сидел в воздухе пожилой усатый земной человек. Обыкновенный человек, да еще в очках. Он был одет по-дачному, в чесучовый пиджак и брюки, белую рубаху и сандалии с дырочками, но выражение лица у него было вовсе не дачное. Он сильно хмурился из-под шляпы и поглаживал усы.

Глор-Севка машинально подчинился – высвободил руку, нащупал выключатель своего браслета, нажал. В голове его творилось бог знает что. Словно череп развалился на две половины и в щель дунул ветер. Севка и Глор разъединились. Севка обомлел радостно, а Глор – испуганно. В жизни своей Глор не видывал подобных чудовищ... Больше всего он испугался его усов и носа.

Это продолжалось несколько секунд. Глор всхлипнул, ушел в глубину. Заслонился Севкой от опасности, как щитом. Но и теперь Севка слышал его мысли за своими, как оркестр за голосом певца: «Прямоходящий, как мы. Одежда, обувь... Зачем бы этот нарост посреди лица? И два пучка щетины под ним... А голова-то, голова! Это шлем или голова такой формы?»

«Это шляпа, болван», – мысленно сказал Севка.

Он радостно отдувался, глядя на Ивана Кузьмича. Да, перед ним был дачник и старый приятель инженера Гурова, школьный учитель Иван Кузьмич, который выглядел так, как ему полагалось выглядеть. Старый школьный учитель.

«Он всегда казался очень странным», – подумал Севка.

Ник-Машка разжала руки. Взглянула на Ивана Кузьмича повнимательней, пробормотала: «Ну и ну!» – и выключила браслет. А Учитель поглаживал усы и разглядывал Ник и Глора с заметным удовольствием.

– Во имя Пути! – взмолился Севка, протягивая свободную руку. – Вы не могли бы разъяснить... А? Что?

Рука прошла сквозь Учителя. Было видно, как она белеет внутри, как проглоченная.

«Объемное изображение, – догадался Глор. – Уф-ф...»

Он спрятал руку за спину.

– Прекрасно, вы меня узнали, – отметило изображение. – Замечательно... Как вы чувствуете себя, дети?

– Просто изумительно, – брякнула Машка.

Это уж несомненно была Машка с ее ядовитым язычком.

– Ну-ну, обойдется... – Учитель повернулся к Севке: – Ты сказал: «Во имя Пути». По-видимому, ты достаточно освоился и даже знаешь, что такое Путь?

– Величайшее движение в истории Галактики, в истории всей Вселенной!.. – Слова посыпались из Глора, как из говорящего автомата. – Предначертанное слияние всех форм жизни в высшем разуме! Путь одаривает сознанием и творческим разумом низшие формы жизни. Благотворное прикосновение высшего разума дает этим тварям, обреченным на прозябание... – Глор смущенно щелкнул, пробормотал «м-да...» и смолк. Понял, что повторяет заученную чепуху.

– Послушайте, – сказала Ник. – Почему вы заставляете нас заговаривать самим себе зубы? Что, по-вашему, должно «обойтись»? Ведь это вы все подстроили. Для чего вы это подстроили?

– Ну-ну, а что, собственно, случилось? – учительским голосом спросило изображение.

– Вы еще спрашиваете? Могли бы и раньше спросить – там... – Она показала вверх.

– Еще не поздно, – сказал Учитель. – Могу вернуть вас домой. Пожалуйста! Пожалуйста, поймите: там я ничего не смог бы растолковать. Значительно проще было доставить вас сюда. – Он обвел руками круг. – Это самый простой способ. Вы сразу узнали о Пути все, известное блогоам.

– Так уж и все! – проворчала Ник.

– Проверим... На какой тяге взлетают корабли Пути?

– Конечно, на антигравитационной...

– А разгоняются в открытом Космосе?

– На ионной, разумеется!

– Нуте, а что знала Машка о ракетной тяге?

– Ничего она не знала, – вмешался Севка. – И нечего об этом разговаривать. Перейдем к делу.

Учитель погладил усы и взглянул на него. Этот взгляд сказал Севке лучше, чем целая тысяча слов, что он уже не Севка. Перейти к делу просил Глор, монтажник высшего класса,

не человек, а балог. Вчетверо старше, вдесятеро более опытный и в тысячу раз больше знающий, чем земной школьник. И он повторил:

– Перейдем к делу. Кто вы?

– Ты не ответил на вопрос, – сказал Учитель.

– Ответил.

– Еще раз: каков смысл Пути?

Понятно... Он все же хотел убедиться, что Севка – главный. Если бы Глор не подчинился Севке, то повторил бы навязшую в зубах болтовню о «величайшем движении в истории Галактики».

– Если отбросить вранье и несущественные детали – система космических захватов. В общем, мерзость.

– А ты как думаешь? – Учитель перевел внимательные глаза на Ник.

– Допустим, так же, – неохотно прощелкала госпожа Ник и покрепче схватила за рукав Глора. – А вы можете нам ответить, наконец?

Учитель хмуро-одобрительно посмотрел на нее:

– Ну-ка, вызовите медицинский контроль...

Они могли только слушаться. Послать его к черту и остаться в неизвестности? «Клянись началом Пути, это уж наглость!» – подумал Глор, включая девятую секцию браслета. Через несколько секунд автомат медицинского контроля пропищал по радио: «Норма».

– Ну, здоровые же молодцы! – сказал Иван Кузьмич. – Теперь слушайте. Десантники – на Земле.

Они замерли и уставились на него. «Десантники. Понятно. Авангард Пути, пионеры прогресса. Для них мы строим малые корабли Пути. На *Земле*. Это также понятно. Назначение касты Десантников – высаживаться на иных планетах. Для этого – Путь. Для этого – все мы, и балог в том числе. Десантники привели на Землю эскадру, нагруженную Мыслящими».

И вдруг они ощутили сильнейший страх. И стыд. «Десантники на Земле! Мы строили корабли, мы работали как бешеные, как монтажные автоматы – зачем? Чтобы Путь, этот космический спрут, сожрал Землю? Прекрасную Землю, о которой мы, монтажники Глор и Ник, только что узнали?»

Десантники на Земле! Значит, эскадра на подходе и уже нет Земли! На ней кончилась радость. Она тоже станет огромным механизмом, производящим корабли и выбрасывающим их в Космос. Во имя Пути. Во имя этой чудовищной, гигантской, мерзкой бессмыслицы.

– Простите нас, – сказал Глор. – Нам очень стыдно.

Ник тревожно спросила:

– То есть вы Десантник?!

– Глупости! – сердито сказал Учитель. – Не воображаешь же ты, что Путь овладел гиперпространством? До этого пока не дошло... Да-с! Этого им не получить! Вас перебрали сюда, чтобы поубавить прыти господам Десанникам.

«Понятно, так-так, – сообразил Глор. – Серая мгла, в которой мы летели... Мыслящих наших переправили сюда мгновенно, то есть через гиперпространство... «Как он раньше не понял! Уж в этом он, космотехник, отлично разбирался! Корабли Пути ползли через Космос годами именно потому, что теория гиперпространства оказалась для Пути слишком крепким орешком. Значит, Иван Кузьмич не Десантник в теле человека... «Мы послали вас»... Кто же он, если не балог и не человек? Что за сила перебрала Севку и Машку через космическую пустыню?»

– Слушайте меня, – сказал Учитель. – Повторяю: Десантники высадились на Земле. Развернули операцию «Прыжок». Она провалилась. Сейчас они приступили к операции «Вирус». К скрытному проникновению...

– Не может быть. Десантники не отступают, – пробормотала Ник.

Учитель насмешливо протянул:

– Не отступа-ают? Превосходнейше отступают, когда их прижмут... На Земле их и прижали. – Усы его встопорщились от удовольствия.

– Сказки! – ответила Ник.

– Ну и упряма же ты!.. Говорю тебе, их обнаружили, они отослали корабль и перешли к операции «Вирус».

– Да как их могли обнаружить?

– На Земле дети оказались *комонсами*. Вы – комонсы.

– Кто? – спросил Глор.

– Ну да, – пробормотал Иван Кузьмич. – Конечно... Этого вы не знаете. Вас же учили, что в Космосе обитают низшие существа... Что балогам подчиняется любой разум... Все это ложь. Дети не повинуются балогам. Наоборот, они подчиняют их Мыслящих себе.

– А-а! Потому сюда перебросили нас? – вскрикнул Глор. – А не взрослых?

– Наконец-то понял, – сказал Учитель.

– Я еще ничего не понял, – сказал Глор. – Предположим, что нас послали сюда. Зачем?

– Операция «Вирус» есть тайный захват людей, руководящих планетой. Землей руководят взрослые. За ними и охотятся Десантники, а вашего брата избегают как чумы. И они добьются своего. Дети им не помеха. Чтобы остановить операцию «Вирус», нужно доставить на Землю схему детекторов, изготовить их и выловить Десантников.

– Значит, нас послали, чтобы мы похитили схему перчаточных детекторов? – медленно проговорила Ник.

Глор посмотрел на свою подругу. От чувства бессилия у него свело челюсти. Достать схему детекторов! Это безнадежно. Пустой разговор. Мечты. Десантники сделают с людьми то, что делали уже с миллионами разумных и неразумных тварей на сотне планет. Схему перчаток не достанешь. А без нее Десантников нельзя обнаружить – они спрятаны в людских телах, как злокачественные микробы. Так же надежно, как Севка – в теле Глора... Потому операция и названа «Вирус».

Ник вскрикнула:

– Внимание! Сюда летят!

Вверху что-то кружилось, мелькало, металось от стены к стене, неприметно и в то же время быстро увеличиваясь. Это спускался посетитель, закончивший визит к Мыслящим. Он приближался неотвратно. Глор и Ник судорожно схватились за стену. Сейчас этот балог увидит Учителя. Еще через минуту он будет внизу, на посту Охраны... Вот он! У-иш-ш, – свистнул воздух. Мелькнуло белое лицо, вытянутые руки, и, провожая его глазами, Ник и Глор обнаружили, что Учителя нет.

Он исчез, словно его никогда не было.

Словно Ник и Глор посетили своих Мыслящих и ничего более не произошло.

Как будто они были прежними, верными детьми Великого Пути.

И тут перед ними снова появился Иван Кузьмич. Прозрачный силуэт, который постепенно сгустился и стал четким. Лишь тогда они вспомнили, что Учитель был объемным изображением, а не человеком.

– Вы добудете схему перчаток, – проговорило изображение. – Задача разрешима, если пустить в ход ту же операцию «Вирус».

Перчатки

Второй, и третий, и четвертый раз мимо них проносились посетители Башни. Последним был старый командор – коренастый, подобранный, он просвистел мимо, как торпеда.

Из-под командорского шлема угрюмо сверкнули холодные, как ледяные метеориты, старческие глаза.

К этому времени Ник и Глор остались одни. Насовсем. Прижавшись лицами к ячейкам, они делали вид, приличествующий «безмолвной почтительной беседе с Мыслящими». Как и другие посетители, они думали о своих делах. Но странными показались бы их мысли тому, кто сумел бы их прочесть... И дорого бы заплатила Охрана такому провидцу!

Личные номерные перчатки... Едва ли не самый важный предмет обихода на планетах Пути. Секрет из секретов. Среднее между автоматическим паспортом и личным охранником. Паспорт без фотографии, охранник без оружия. Перчатками нельзя меняться – они лопнут, если их наденет другой балог. Но меняться перчатками никому не придет в голову. Лопнувшие перчатки означали, что тело балога захватил другой Мыслящий.

От рождения до смерти балог не расставались с перчатками. Еще бы! На планетах Пути потерять тело было не труднее, чем в европейской стране потерять шляпу или носовой платок. Не зря же Глор всю жизнь боялся, что похитят его тело. То есть разум извлекут и превратят в кристаллик, в Мыслящего. А взамен подсунут чужой разум. Единственное, что останавливало таких похитителей, *чхагов*, – перчатки. Ведь вместе с новым разумом требовались и новые перчатки. Без них балог чувствовал себя хуже чем голым – беззащитным, почти мертвецом. И секрет перчаток был величайшим, важнейшим секретом Пути.

Поэтому они именовались важно: «детектор-распознаватель личности». Поэтому новые перчатки выдавались счетом, а сношенные принимались обратно чинами Охраны по счету же. Изготавливались они в подземельях сверхсекретных заводов Охраны, куда никто не имел доступа. Работали там автоматы. Ни одно живое существо не видело, как делаются детекторы. Но каждый балог представлял себе, как они устроены. В перчатках содержатся две молекулярные схемы. Одна – так называемый «планетный посредник». Другая – упрощенная копия Мыслящего того балога, для которого приготовлены перчатки. Когда их надевают, «посредник» сравнивает разум с его копией и, если находит отличия, взрывает всю схему. Перчатки лопаются, и Охрана арестовывает подменыша.

Для землян здесь важна вот такая подробность: «планетные посредники» реагируют только на балогов. А Мыслящих других разумных существ, автоматов, животных просто не замечают. Поэтому Севка и Машка могут преспокойно обитать в телах балогов – перчатки Глора и Ник не реагируют на добавочных Мыслящих. Так будет и на Земле, если каждому человеку дать детектор-распознаватель для любого из балогов, безразлично какого. Детектор опять-таки «не заметит» людей, но чуть к нему приблизится Десантник, как схема взорвется. Потому что из всех балогов, сколько их есть, детектор выносит прикосновение одного-единственного – хозяина перчаток. А хозяина-то на Земле и не будет. Десантники не имеют тел, посему им не положено перчаток...

Да, замысел Учителя казался простым и эффективным. Машка и Севка должны использовать Глора и Ник как трамплины – прыгнуть из их тел к вершине пирамиды, ворваться в руководство планеты. И там найти секрет детекторов. Операция «Вирус» против операции «Вирус». Лихой замысел, но как его выполнить? Пересаживаться из тела в тело, пока не доберешься до самой верхушки, до Великих? Так поступили бы Десантники. Они специалисты. Их обучают на Особом факультете Космической академии, им ведомы все типы и схемы «посредников». А Глор и Ник только видели «посредники» у знакомых командиров, и то средней мощности. А для пересадок им нужны мощные, серии ЛЛ. Нужно знание ПИ, пересадочной инструкции, в которой изложена техника пересадок. «Посредник» не игрушка. При неумелом обращении он может и убить...

Значит, прежде всего надо добывать ПИ. Затем «посредник». Затем искать объект пересадки. Желателен высокопоставленный инженер-химик, специалист по детекторам, но где его добудешь? Глор и Ник, монтажники высшего класса, водили знакомство только со сво-

ими, членами той же касты. Ни одного химика не было среди их приятелей... А к схеме детекторов имеет доступ, наверно, главный химик планеты.

«Ох, дела! – подумал Севка. – Все-таки влипли...»

Учитель сумел дать им лишь три практических совета. Первый – двигаться «к вершине пирамиды». Второй – пользоваться только «посредниками» типа ЛЛ. Третий – не пренебрегать случайностями (если это можно назвать практическим советом).

Да, хуже всего, когда нет ориентира, зацепки. Здесь, в Башне, ориентиром служит воздух, продуваемый вентиляторами сверху вниз. Полетишь по струе – попадешь к выходу. В розыске детектора и такого ориентира не предвиделось. А времени у них было – считанные дни.

Четырежды по девять дней, как сказал Учитель.

Крайний срок. Дольше землянам не продержаться.

«Клянусь началом Пути, вот задача», – думал Глор. Да еще Учитель приказал три дня отдыхать, входить в новую роль. Привыкать не выделяться и быть как все.

Учитель не приказывал, а советовал. Но балогии не знали слова «совет». Для них каждый совет был приказом.

Первая проверка

– Глор, время... – шепнула Ник.

Время настало. Слишком долгая беседа с Мыслящими подозрительна. Здесь все может оказаться подозрительным. И они оттолкнулись друг от друга, потом от стен – как бильярдные шары – и помчались вниз. Монтажники высшего класса, навестившие своих Мыслящих... У выхода висел охранник с распылителем, пристегнутый за пояс к поручню. Старший офицер одет в серо-синюю одежду – такую же, как у всех персон высшего класса. Застежки его комбинезона были ярко-желтыми – цвет чинов Охраны. За спиной офицера помещался объемистый шкаф, на дверце которого светилось напоминание: «Оружие и перчатки сдать!»

– Ваши номера, господа монтажники!

Они подняли левые руки, показали номерные пластинки браслетов. Не оборачиваясь, охранник набрал номера на клавиатуре. Пока он всматривался в браслеты, Глор и Ник быстро переглянулись и взглядом напомнили друг другу: перчатки придется впору. Не лопнут. Так сказал Учитель.

Ник первая получила перчатки и нарочито медленно принялась их разворачивать. Если *это* случится, пусть случится сразу у обоих. Бессмысленное желание, но такое понятное... Каждый раз им бывало страшно при выдаче перчаток – извечно, с детства. Даже зная, что бояться нечего, они боялись. Ник зажмурилась, напрягла левую руку и всадила пальцы в жесткую, прохладную перчатку. Во имя Пути, пронесло! С легким, характерным шелестом синяя пластмасса осела на руке. Облила ее, как вторая кожа. На этот раз пронесло...

За порогом кончалось поле нулевого тяготения. Первый шаг надо было сделать плавно, с плотным упором на всю ступню. Раз-два! Хрустнули суставы. Свет Большого Солнца ударил в лицо. Они зажмурились и пошли, тяжело ступая по синей траве.

Был поздний час дня. Большое Солнце висело на полпути от зенита к горизонту, а Малое уже скрылось за деревьями. Балогии оглянулись на Башню. Титановые бока ее блестели как полированные. Изломанное, чудовищно вытянутое отражение Большого Солнца слепило глаза. Башня отражала Солнце по всей своей высоте, как огромная прямая река, поставленная дыбом, сверкающая бликами, рябинами и пластинами света. С середины и выше Башню освещали оба Солнца – вершина блестела, как огненный меч.

Малое Солнце было красным карликом, крошечной звездой с мутным багряным светом...

– Красиво, – тихонько сказала Машка-Ник.

– Мм.

– И все синее. Смешно...

– Да, – сказал Глор. – Пошли.

Они шли по синей траве. За ними шагали синие тени. Справа и спереди – малиновые, в отраженном свете Башни. Вот он, их новый-старый мир. Синие деревья, двойное Солнце. Все, что они видели тысячи раз – и никогда. Подошвы свистели и шуршали по жесткой траве. Многоствольные деревья с плоскими кронами окружали Башню. Белые воздушные корни шевелились, поворачивая кроны за Солнцем. На верхних ветвях грелись лаби-лаби – летающие полотнища, очень полезные существа. Безглазые лаби-лаби, слепые охотники, – эмблема Десантников. Они видели всем телом.

На ветке ближнего дерева зашевелился здоровенный лаби-лаби. Он отогнул уголок, направил его на прохожих – проверил, что за движение. Разочарованно выправил уголок и вдруг напрягся. Тело его выгнулось, приняло форму чаши – так лаби-лаби приглядываются ко всему летающему в небе. Еще миг – и он со свистом, блеснув белой изнанкой, взмыл над деревьями и схватил какую-то добычу. Весь свернулся, как сачок, и поймал. Тут же распрямился и спланировал обратно на дерево.

– Пойдем же, на нас смотрит Охрана, – прошептала Ник.

По бетонному основанию Башни ходил вооруженный стражник. Охранник низшего класса, рядовой, – пренебрежительно отметил Глор. Однако он рассматривал господ монтажников, нисколько не скрываясь. Провожал подозрительным взглядом, пока они шли к своей машине. С чего бы господа монтажники высшего класса стали разглядывать лаби-лаби?

Охранник был из молодых. Надеялся продвинуться по службе.

– Пошел за нами, – меланхолично отметила Ник.

Охранник действительно прыгнул в траву. Тщедушный, в розовом комбинезоне рядового, он ковылял следом, придерживая на груди распылитель.

– А, пускай его! – сказал Глор.

По краю транспортной площадки тесно стояли машины. Поблескивали разноцветные кузова. Пахло амортизационной жидкостью и озоном. Между деревьями, навстречу Солнцу, уходила дорога. На станцию спускался, тормозя, общественный гравилет. Господа монтажники солидно и неторопливо подошли к своей новенькой машине.

Охранник

Овальная кабина была прозрачна изнутри, а снаружи казалась матовой. Она раскрылась, как лепестки кувшинки, едва Глор прикоснулся к ней браслетом. Обнаружились четыре мягких сиденья, между ними – низкий столик. Клавиатура управления – под ветровым стеклом. Двигатель скрыт под брюхом кабины, между основаниями ног. А сами ноги – гидравлические, прозрачные. Золотистая жидкость, приводящая их в движение, красиво переливается на ходу. «Исключительно мягкий ход. Препятствий для машины не существует, шесть ног преодолевают любое бездорожье. Испытана в ядовитых болотах Тауринжи. Приобретая наш вездеход, вы сможете совершить незабываемое путешествие...» – утверждала реклама и не лгала.

– Садись, госпожа Ник... Зря мы на него польстились, вот что... Дорого.

Начинался обычный разговор. Каждый раз, усаживаясь в машину, Глор заводил такое нытье.

– Восемьдесят одна очередь – совсем не дорого, – привычно отвечала Ник. – Я бы отдала вдвое за такую прелесть...

– Восемьдесят одна очередь, конечно, нас не разорит... Однако тут девятка, там девятка... Набегает, – лениво ныл господин монтажник.

Не закончив тираду, он передернул плечами и на всякий случай посмотрел, что делает охранник.

Охранник все еще ковылял по траве следом. Молчаливо, упорно глядя на господ ненавидящими глазами. Господа неуверенно переглянулись, сели по местам. Лепестки кабины захлопнулись над их головами. Сразу стало прохладно. Кабина поползла вверх – из посадочного положения в рабочее, а Ник проговорила упавшим голосом:

– Знаешь, я не могу...

– Я тоже не могу, – сейчас же ответил Глор. – Но Учитель приказал нам быть как все.

– Как все! «Дорого, накладно, восемьдесят одна очередь!» – передразнила Ник нарочито гнусавым голосом. – Вот уж гадость...

– Что ж поделаешь? Если мы не будем вести себя как прежде, мы навлечем на себя подозрения и недовольство, – рассудительно сказал Глор.

– Все равно не могу. – Она ткнула рукой в стекло обтекателя. – Смотри! Неужели ты гаркнешь на эту пигалицу: «Пшел вон, хам! Мы будем говорить с офицером Охраны, не с тобой, рядовым»?

Охранник неуклюже карабкался на высокий борт площадки. Глору вдруг стало тошно. Он выпрямился, провел руками по щекам и пробормотал:

– Твоя правда. Мы не прежние.

– Да, да...

– Мы больше тамошние, чем здешние...

– Да, – сказала Машка и, вспомнив что-то, взяла его за руку.

Балоги никогда не брали друг друга за руку. Здесь это было неприличней, чем на Земле взять человека за горло. Да, в главном они были земными больше, чем здешними, хотя и произнести не могли слова «Земля». «Добром это не кончится», – подумал Глор. Осторожно освободил руку, открыл колпак. Охранник уже стоял у машины. Неприязненно прошелкал:

– Прошу господ подождать! Я вызову командира!

Глор ответил ему как равному:

– Плавного Пути, господин рядовой... Вам, наверно, нужны номера? Будьте любезны, вот перчатка, браслет – прошу.

Охранник быстро, кособоко присел – то ли от изумления, то ли в знак приветствия. Рот его приоткрылся. Точь-в-точь первоклашка, которому завуч сказал: «Здравствуйте, Петр Иванович!» Он присел еще раз и, не разгибая колен, стал пятиться. Глор сунул перчатку к его глазам. Рядовой потрогал номер грязным когтем и нелепо захихикал.

– Нам можно ехать? – доверительно спросил Глор. – Позвольте угостить вас жвачкой... – И выудил из кармана на стенке кабины палочку дорогой жвачки, пол-очереди за коробку.

Охранник в третий раз присел. Палочку он зажал в ладони.

– Безветренной дороги, господа монтажники! – пискнул он.

– Безветренной дороги, господин охранник...

Кабина захлопнулась. Шестиног проскочил мимо маршрутного гравилета. Белые лица пассажиров, смутно видные под пыльным стеклом кабины, повернулись как по команде. Господа монтажники сидели молча, привычно надувшись от гордости. Шестиног выбежал на дорогу. А там присел к земле и надал. Ох и надал! От скорости ноги стали невидимыми, вокруг колпака зашелестел и загрохотал воздух. Свистящее эхо отлетало от встречаемых машин и от деревьев. На что уж придорожные деревья привыкли к скоростному движению, но даже они вздрагивали, когда «Скиталец», свистя, пролетал мимо.

Ах да, новый шестиног они называли «Скитальцем»... Вспомнив это, Глор вспомнил и кое-что еще и нагнулся к багажному ящику. Оттуда с обиженным писком выскочил неск. От скуки и духоты вся его шкурка встала дыбом.

– Эх ты, зверь! – Глор взял его на руки.

Неск сунулся хоботком в перчатку, узнал запах Глора и стих. Теперь все было в порядке. Госпожа монтажница лихо гнала машину, а господин монтажник ласкал породистого неска. Такой зверь приносит счастье – черный, без пятнышка, с девятью белыми волосками вокруг хоботка. Зверя звали Любимец Пути.

Ник сказала:

– Вот как отлично обошлось! Послушай, Глор... Если с низшими хорошо обращаться *всегда*? Этот даже не проверил номера.

– Право, не знаю. Он испугался.

– Ему было приятно.

– Не думаю, – сказал Глор. – Говорю тебе, он испугался.

– Он приятно испугался, – упрямо сказала Ник.

Глор повернул свое сиденье так, чтобы видеть ее лицо.

– Ничего не выйдет. С низшими нельзя обращаться как с равными. погоди! Послушай меня сначала.

– Я слушаю.

– Мы не *там*. Мы здесь. *Там* считается, что все люди рождены равными. А здесь – нет. Он сам полагает себя низшим, этот охранник. Он – убежденный раб. Да что он... Сегодня утром мы с тобой готовы были целовать когти Первого Диспетчера.

– Так это Диспетчер! – неосторожно сказала Ник.

Глор сейчас же подхватил:

– Между нами и Первым Диспетчером всего три звания. А между розовым комбинезоном и нами – пять. «Так это Диспетчер»! – передразнил он. – Поставим мысленный опыт. Что подумала бы ты – монтажница высшего класса, если бы Первый повел себя чересчур вежливо? Отвечай быстро!

– Что это работа чхагов...

– ...подсадивших в Первого существо низшей касты, – подхватил Глор. – Каковое, в силу своего ничтожества, заискивает перед тобою, существом высшего ранга! Но прежде всего ты бы испугалась. Ну, что скажешь?

– Поразительно, в каком ничтожном мире мы выросли, – отчетливо сказала Ник. – Давай лучше помолчим.

А дорога, прямая как стрела, вела их к городу. Лесистую равнину сменили холмы, застланные красной пылью. За холмами были титановые карьеры, где добывают руду металла титана. Карьеры – огромные ущелья, вырытые в земле автоматическими экскаваторами. По берегам ущелий тянутся городки промывочных, сортировочных, обогащательных машин – грохот, скрежет и пыль такая, что темно днем и ночью. Здесь не могут работать баллоги. У машин работают автоматы и *курги*, но – тсс! Об этих кургах не принято говорить в приличном обществе. Лучше сменить тему разговора... Смотрите-ка, контейнер!

Над холмами взлетел, стоя торчком на столбе красной пыли, гигантский остроносый цилиндр. Покатился грохот. Ветер качнул «Скиталец». Это запустили в Космос контейнер с рудой. Глор и Ник знали, что титан выделывают вне планеты, на естественном спутнике Титановом. Эта маленькая луна кружится в Космосе, в пустоте, а титан как раз и надо выплавлять в пустоте. Контейнеры отправляют на спутник с фейерверком – из стартовых башен, в которых поддерживается поле нулевого тяготения. Внутри поля все предметы теряют вес. Пустой контейнер помещают в башню – он становится невесомым. Его загружают невесомой рудой и взрывают под его дном стартовый заряд. И контейнер летит, как

снаряд из пушки, прямо в зенит, сопровождаемый столбом пыльного невесомого воздуха, – феерическое зрелище!

Ба-ба-бах! – гремело над дорогой. Глору и Ник повезло. Взлетели подряд три контейнера. Столбы пыли поднялись на многие километры и были такими плотными, что казались сделанными из твердого темно-багрового материала. А совсем высоко они расплывались в грибовидные облака.

Ник и Глор переглянулись. На этой планете, похоже, только они двое знали, что такое настоящее грибовидное облако.

Бурая тень укрыла дорогу, протянулась по холмам. На горизонте замаячил лес, окружающий город – Монтировочную третьего потока.

Кург

Город выскочил из-за холма, как неск, преследуемый диким кургом. Вентиляционные устройства на шести опорах, увенчивающие Монтировочную, и впрямь походили на шестиногого зверя, и дело было не в сходстве. Каждый, проезжая мимо титановых разработок, вспоминал о каторжанах. Жуткое, позорное наказание – ссылка в тело курга... В последнее время к нему присуждали все чаще. Не зря на планете почти перевелись дикие курги. Экспедиции Охраны отправлялись за ними в дельту Полночной реки. В глухие дебри, лежащие к северу от ядовитых болот Тауринжи.

Так думал Глор, когда «Скиталец» затрясся от резкого торможения.

– Ты что?! – вскрикнул Глор.

Машина скользила по дороге напряженными от усилия лапами. Ник повернула сиденье, прижалась лицом к колпаку и всмотрелась в дорогу позади машины.

– Там... Там кург. У дороги, – прошептала Ник.

– Дохлый?

– Он живой. Мне показалось...

– Поезжай сейчас же, – неуверенно сказал Глор.

– По-моему, он ранен.

«Накликал я беду», – суеверно подумал Глор. Он никогда не видел и дикого курга – только изображения в учебных пособиях, а уж такого...

– Мы не должны, – как мог убедительно проговорил он. – Надо быть как все.

– Он ранен.

– Во имя Пути, нам что за дело! Ты...

– О великие небеса! – чужим голосом перебила Ник. – Какие же мы ничтожества!.. Хорошо. Едем. Но Учитель приказывал не пренебрегать случайностями.

Это уже был аргумент. Глор сказал:

– Ладно, поворачивай! Но помни...

– Я постараюсь не забыть, – сухо ответила Ник.

Мимо проскочила длинная восемнадцатиниговая машина со знаком Десантников на борту. Мелькнули неподвижные, как манекены, фигуры. «Они же искусственные, – подумал Глор. – Вот перебраться бы в искусственное тело с Десантником... Уж они-то знают пересадочную инструкцию как собственную перчатку».

«Скиталец» повернул и двигался обратно. Машина Десантников стремительно уходила по блестящему в косом свете полотну дороги.

– Дала бы им уйти подальше...

– Господа Десантники не заметят такой мелочи, как полудохлый кург. О! Вот он...

Кург лежал у дороги. Он был покрыт красно-бурой рудной пылью, сливался с землей. Буквально чудом Ник его заметила. Только прижавшись лицом к колпаку, Глор сумел рас-

смотреть большую голову, тело, похожее на длинный мешок с шестью буграми плечевых суставов. Закрытые глаза зверя заносила пыль.

– Он повернулся, когда мы проезжали. Я и увидела, – сказала Ник.

Машина сошла с дороги на обочину, едва не наступив на зверя. Тот даже не шевельнулся.

– Хоть быдохлый оказался, – пробормотал Глор. Он сбросил с колен неска, наклонился и вынул из багажного ящика «руку» – универсальный ремонтный инструмент. Все-таки оружие.

Ник остановила его:

– Не нужно. В том боку у него рана. Кулак пролезет.

– Тогда возьми клей.

Пока Ник доставала тубу с клеем для первой помощи, Глор рассмотрел курга вблизи. Широкая хищная морда, облепленная рудой, лежала на мускулистой лапе. К когтям пыль не приставала, и они ярко белели на фоне темной земли.

Они выпрыгнули на обочину. И тут в кабине истерически завизжал Любимец Пути – подслеповатый зверек учуял наконец истонного врага. Глор поспешно закрыл колпак, но визгливые жалобы неска прорывались наружу. Казалось, они разбудят всю округу. Ник громко спросила:

– Вы меня слышите?

В смутной тоске Глор окинул глазами дорогу. Как все неподвижно! Застывшая машина, неподвижные складки на комбинезонах и красно-бурые холмы. Пыльный столб над стартовой башней, казалось, застыл в воздухе.

– Вы меня слышите? Покажите рану!

Едва заметная волна прошла по телу курга. Глор понял: он слышит все и не желает замечать балогов. Он приполз сюда, чтобы умереть. Тогда Глор зачем-то отряхнул перчатки, взял курга за передние и задние лапы и перевернул через спину на другой бок.

Рана была огромная. Больше чем с кулак. Сквозь нее проглядывал дыхательный мешок, и весь бок запекся струпями черной крови. Ник, сострадающе прицеливая челюстями, залила рану клеем и шепнула:

– Лучеет... почти в упор...

– Шагов с восемнадцати, – подтвердил Глор.

Ник потрогала плечо курга, нашла кровеносный сосуд и приложила к нему ампулу с универсальным лекарством.

– На него это может подействовать как яд, – сказал Глор.

Ник промолчала. Да и что было говорить? С тех пор как на планету ступил первый Десантник, кургов ловили или уничтожали. Кому придет в голову лечить курга?

Когда ампула опустела, Ник ее не выбросила, а спрятала за отворот перчатки. «Молодец», – подумал Глор. Брошенная ампула может оказаться уликой.

Кург бессильно приподнялся. Уронил морду в пыль. Черные, с зеленым отливом глаза поплыли направо, потом налево. Остановились. Ник громко сказала:

– Вы *должны* бороться с болезнью! Почему вы не боретесь? Старайтесь заживить рану, пожалуйста. Вам теперь лучше?

Кург дернулся и пополз, перебирая передними лапами. Обе пары задних тащились по земле. Он полз совершенно по-звериному – равнодушно. Он был равнодушен к балогам, к своему страданию, к себе самому. Для него все было кончено, и он уходил подальше от дороги.

– Он хочет умереть, – пробормотал Глор. – Невероятно... Он все равно умрет, если... – Он махнул рукой.

– Он может говорить?

– У них же нет речевого аппарата. Голосовой мембраны и прочего...

Монтажники потихоньку шли за кургом. На их щегольские комбинезоны садилась пыль. Шагах в двадцати семи от дороги зверь снова лег. Ник присела перед его мордой и сказала:

– Мы хотим вам помочь. Слушайте. Я буду говорить. Вы кивните вот так, когда я назову то, что вам нужно. Вы поняли меня?

Кург поднял с глаз перепонку и пролаял:

– Традотаскиттр!

Гнусное ругательство – «торговцы телами собственных матерей». Глор подпрыгнул, а Ник отступила на шаг, однако продолжала мужественно:

– Зачем вы нас оскорбляете? Мы хотим вам помочь.

– Ах, простите, милая госпожа, – издевательски пролаял кург и выругался еще замысловатей.

Наверно, он перестарался. Выплюнув ругательство, он опять закатил глаза и поник всем телом.

Глор, коричневый от злости, прохрипел:

– Теперь будешь знать, как помогать государственным преступникам! Благотворительница! Идем!

Ник молча потихоньку пошла к машине.

– Надо еще выяснить, откуда он научился разговаривать! – кипятился Глор. – Хам!

– Тебя бы на его место...

– Неблагодарная тварь, вот он кто, – сказал Глор.

Ник поглядывала через плечо, не спорила. И вдруг остановилась – кург полз следом. Пролаял:

– Эй, господа!..

– Что тебе? – осведомился Глор.

– А ты мне не тыкай, господская морда...

– Во имя трех Великих, чтоб тебя распылили, невежу! Что тебе?!

– Ар-р-р... Я бы тут подох. Понятно? Без вас.

– Продолжайте, – сказала Ник.

– Ар-р-р-оу! Я не просил вас соваться. Понятно?

– Да...

– Сейчас припрутся охранники, – яростно рычал кург. – Сволокут в яму и прижгут еще. Ар-р-р!

– Он прав, – сказала Ник.

Глор неожиданно для себя выпалил:

– Мы вас увезем.

– Р-р-р...

– Я подгоню машину.

Дорога все еще была пустынна. Глор вскочил в кабину, сунул дрожащего Любимца Пути в карман со жвачкой, застегнул наглухо. В два прыжка подогнал «Скиталец», поставил его над кургом и опустил нижний люк багажного ящика. Кург, сотрясаясь от слабости, вскарабкался на крышку люка. Ник подтолкнула его и махнула: «Поднимай!»

– Посмотри, не выпало ли чего! – распорядился Глор.

И «Скиталец» побежал по дороге. Холмы качались и поворачивались за стеклом. Поднимался вечерний ветер – пыль клубилась и наметалась барханами. Следов не останется, и то хорошо...

Кург молчал, лежа в багажнике. Молчал так упорно, будто все-таки исхитрился умереть.

Старая Башня

Движение на дороге усиливалось. Навстречу, разбрасывая ногами разноцветные блики, неслись экипажи из города. Это в Монтировочной кончилась смена. В небе завертелись маячки гравилетной трассы. Тяжелые, широкие грузовые гравилеты утюжили небо с неумолимой регулярностью часовой стрелки. Из-за горизонта ярус за ярусом вздымался город, нависал над дорогой. «Скиталец» уже миновал границу лесной зоны, окружающей Монтировочную. Оглядываясь на госпожу Ник, Глор видел, как ее голова все глубже уходит в плечи. Так-то, голубушка Ник... Проявить благородство – дело нехитрое... Но спрятать курга или хотя бы выпустить – вот задача, во имя Пути! К вечерней поверке они должны быть дома. Нет времени доставить курга в леса, подальше от Монтировочной. Равным образом его нельзя укрывать в машине – роботы, обслуживающие гараж, непременно заглянут в багажник... Глор тоскливо посмотрел в чащу пригородного леса. Густота, темень... Кажется бы, идеальное убежище для зверя... Но пригородная зона прочесывается машинами Охраны, и курга изловят еще до наступления темноты. А затем придет очередь господ монтажников. Они останутся на свободе ровно столько времени, сколько понадобится Охране для допроса каторжника в Расчетчике. А там не солжешь, даже если очень захочешь солгать. Там кург скажет все.

Сообразив это, Глор схватился за дорожную карту – включил и поспешно погасил. Безнадёжно... Дорога к югу, плюс возвращение – нет, нет... Они опоздают не только на поверку, они пропустят половину рабочего времени!

Выхода не было. Господа монтажники высшего класса сунули головы в ловушку, и она аккуратно захлопнулась. Глор окоченел от ужаса, как пойманное насекомое.

Севка остался один. Он был как всадник, лошадь которого пала посреди пути. «Ну ты, поднимайся!» – сказал Севка. «Нет...» – сказал Глор.

«Почему ты струсил? Гляди, какой лес! А кург небольшой зверь, как собака средних размеров. Разве его обнаружат в чащобе?» Глор простонал: «Вездеходы Охраны снабжены инфракрасными искателями... Обнаруживают живое по тепловым лучам».

«Ох и жизнь!.. Неужели у вас нет местечка, куда бы не заглядывала Охрана? Отвечай же!» Господин Глор прорычал: «Ах и ах, она вездесуща...» – «Думай, – сказал Севка. – Думай, трус... Вы тут просто не умеете думать... Что торчит вон там, слева?»

Над лесом, километрах в четырех от дороги, блесело что-то непонятное. Синий титановый блеск, неправильные очертания. «Развалина. Старая Башня МПМ, – торопливо сообщал Глор. – Очень старой постройки. В позапрошлом поколении – кажется, именно в позапрошлом – остановился генератор антигравитации, и Башня наполовину рухнула. Опасное место. Лес завален титановыми листьями и ячеями – до сих пор планируют сверху, как лабилаби... Если титановый лист рухнет на машину ребром, колпак развалится, как гнилой орех. Опасное место. Запретное место...»

– Нашел! – вскрикнул он и закрыл рот, потому что браслеты были включены.

Он ткнул пальцем в колпак, в Башню. Лицо Ник медленно просветлело.

– Запретное место! Правильно, давай!

Машина рванулась вперед. «Этот поворот или следующий? – соображал Глор. – Запретное место – вот это находка, клянусь шлемом и перчатками! Тысячи Мыслящих валяются в зарослях. Когда падала Башня, они сыпались горохом – почтенные Мыслящие, не какие-нибудь каторжники! Поэтому конструкции не разбирают на лом – кто посмеет топтаться машинами по Мыслящим? Проскочить бы, проскочить, а уж там...»

«Скиталец» юркнул за поворот и полным ходом потянул по заброшенной дороге. «Ты не бойся, – глазами сказал Глор, повернув голову. – Нам бы только прорваться, понимаешь?»

Ник еще раз кивнула.

Им стало весело от неожиданной простоты решения. Ведь не было никакого запрета на Старой Башне. Туда просто не полагалось ездить, как на Земле не полагается устраивать танцульки на кладбищах. Охрана туда не совалась. Неписанный закон ограждал Башню лучше, чем пять рядов колючей проволоки...

Настало время сворачивать – впереди пост Охраны. «Скиталец» прыгнул в чащу, присел и помчался, виляя между деревьями. Глор задал автоматическому рулевому маршрут и оставил управление. На такой скорости нельзя было вести «Скиталец» вручную.

– А что, если?.. – спросила Ник, указывая на экран контроля: если, мол, окликнут.

– Проверяем машину перед путешествием на Тауринжи, – отчетливо сказал Глор. Чтобы слышала Охрана.

Снаружи трещало и всхлипывало. Неистово мелькали белые стволы. Балогов мотало в креслах, а как приходилось бедняге-кургу в багажнике!.. Экран контроля плясал в амортизаторах. По его рампе бежала цепь импульсов – сигнал, что машина подключена к сети контроля, как обычно. Однако грозный сигнал: «Стой! Прибыть к посту Охраны!» – не зажигался. Значит, их не засекли. Несколько прыжков через поросль молодых деревьев, и шестиног очутился на открытом пространстве. Приехали! Тормоза... Глор отключил авторулевого и дал «Скитальцу» команду «внешние опасности». Машина начала следить за внешним миром. Если сверху упадет кусок обшивки, «Скиталец» отскочит в сторону. А если появится гравилет, укроется поглубже в чаще.

– Пошли осмотримся, дружок, – сказал Глор машине и послал ее в обход Башни.

Под механическими ногами шуршал и сыпался бетон бывшей посадочной площадки. Когда-то здесь кончалась гравилетная линия. Теперь колодец гравигенератора был пуст, в глубине чернела грязная вода. Лаби-лаби отдыхали на бетоне и на листах обшивки, упавших сверху. Некоторые листы отнесло на большое расстояние от Башни – титан то и дело гремел под кабиной. А вот заброшенный каземат Охраны. Турель стационарного лучемета нелепо торчала из бойницы. Видимо, ее начали вытаскивать и бросили – не пролезла. За турель цеплялось двумя корнями молодое дерево.

– Никого, – шепнула Ник. – Давным-давно. Смотри, деревья.

Деревья отвыкли от движущихся предметов и подбирали корни, когда машина пробежала мимо.

– Да, никого, – сказал Глор и выключил браслет.

– Покажи, как он там...

Открылся внутренний люк багажника, и кург высунул голову. Глаза его ожили – он косился на балогов и принюхивался. Ай да кург! Он пролаял:

– Выходить прикажете? Это где?

– Старая Башня МПМ, – ответил Глор. – Слыхали?

Кург угрюмо зарычал. Сам же испугался и втянул голову в ящик. Опять высунулся. На морде только что не было написано: «Ох, передумают, не выпустят...»

– Пусть на вас покоится благодать Пути, милые господа, – со лъстивым подвыванием пожелал кург. И, не удержавшись, добавил: – Ар-rrr...

– Ведите себя достойно! – рассердилась Ник. – Вы разумное существо! Как вы смеее унижаться?

– Приходится, р-р-гау...

– Оставим этот разговор, – сказал Глор. – Место вас устраивает?

– Пр-ропитаюсь.

– Что вы собираетесь делать дальше?

– Придумается, – пообещал кург.

В этот момент неск Любимец Пути оценил обстановку и завершал в кармане со жвачкой. Кург внимательно посмотрел на карман и отвернулся. Любимец орал и барахтался, как Красная Шапочка в волчьем брюхе. Ник сказала, наклонившись к багажнику:

– Вы держитесь поблизости... Отсюда не уходите. Мы попытаемся добыть «посредник».

– Это зачем? – спросил кург.

– Для нашей безопасности. Если вас поймают, нам несдобровать.

– Меня – в Мыслящие?

– По-моему, это единственный выход.

– Р-рау! В Мыслящие не желаю. Пр-родержусь. Приезжайте. Меня зовут Нурра.

– Подумайте, Нурра. Желаю вам плавного Пути!

Багажник открылся. Нурра соскользнул на землю и прорычал:

– Плавного Пути, господа чхаги! – За ним из багажника выпорхнуло облачко красной пыли, качнулись деревья, и кург исчез.

– Почему он обозвал нас чхагами?.. – с легким смущением спросила Ник.

– А у кого, как не у чхагов, есть «посредники»? – ухмыльнулся Глор, выживая Любимца Пути из кучи растерзанных палочек жвачки.

– У командоров.

– Что же он – дурак? Не видит, что мы монтажники, а не командоры?

– Он-то не дурак, – сказала Ник. – «Посредник» нужен...

– Тише... – сказал Глор, хотя браслеты были выключены.

Он с преувеличенным вниманием занялся неском. Ему не хотелось думать о «посреднике». Эта мысль тянула за собою что-то скверное, мутное – не поиски «посредника», а то, что будет после.

Они включили браслеты и примолкли. «Скиталец» выскочил на большую дорогу – в синие сумерки и синие звезды сигнальных фонарей на встречных машинах. Постепенно разгорались световые панели на обочинах, приближалась ночь. Только город еще ловил последние лучи Большого Солнца. На позднем закате они делались фиолетовыми, и Монтировочная стояла над горизонтом, как огромная перевернутая кисть лилового винограда. Или гроздь воздушных шаров – на двести тысяч штук. Каждый шарик был домом-квартирой. Даже с ближнего подъезда город представлялся игрушкой, прихотью веселого архитектора, детской забавой.

В этом городе жили строители больших кораблей. Металлурги, инженеры – физики, химики и монтажники. Специалисты по ядерным двигателям, по антигравитации, сварке металлов и пластмасс, кибернетике, сжижению газов. Центральный ствол города был Монтировочной – эллингом, в котором монтировались транспортные корабли. Сейчас в Монтировочной висел полуторакилометровый корабль. Самый большой корабль для перевозки Мыслящих, заложенный от начала Пути.

Дома

Они отпустили «Скиталец» в гараж. Неск Любимец Пути привычно прицепился к комбинезону Глора и повис, спрятав хоботок между свободными лапками. Втроем – два балога и зверек – они прошли сквозь разноцветную толпу в широчайшие ворота сектора «Юг», пересекли площадь вестибюля нулевого яруса, ухватились за движущиеся поручни – у внутренней стены вестибюля все становилось невесомым – и всплыли в кабину гравитационного лифта, под мигающую надпись: «19-27». Город по высоте делился на восемьдесят один ярус. Ник и Глор жили на двадцать третьем. До девятнадцатого лифт шел экспрессом, а после делал остановки. Надпись погасла – кабина тронулась. Господа монтажники покачива-

лись у стен, как синие плоды, развешанные для просушки. Синие комбинезоны, серебряные застёжки – монтажники высшей касты. Никаких других цветов, только синий и серебряный. Это не было случайностью. Специалисты высшего класса живут только в ярусах девятнадцать – двадцать семь, и более нигде. Южный сектор этих ярусов занимают монтажники. Просто и четко, господа, каждый сверчок знай свой шесток... На двадцать третьем Ник и Глор выплыли из кабины, опять ухватились за движущиеся поручни и повлеклись из поля к внешней стене вестибюля. Они плыли в привычном монотонном гуле. Свист лифтов, мягкие удары подошв, сдержанные голоса, звяканье торговых автоматов. Выбравшись из поля неведомости, Ник и Глор тоже хлопнули башмаками об пол. Шлеп-шлеп-шлеп... Соседний лифт выбросил новую порцию господ монтажников – приближается вечерняя поверка, торопитесь, господа! Над синими комбинезонами мигала синяя надпись: «Юг-23, Юг-23, Юг-23...» Ник и Глор пробрались к своему коридору. Надпись «Коридор-7» бежала по окружности входа, и в ней, как ступица, сияла каска офицера Охраны. Старый знакомый – плоская жирная физиономия, каска надвинута на хитрые глазки, поперек груди – распылитель. Когда госпожа Ник проходила мимо, он в знак восхищения похлопал себя по затылку, так что каска совсем прикрыла ему глаза. Любимца Пути он пощекотал под лапкой. Глор услужливо подставил зверька, а сам рассмотрел распылитель. Настоящему Глору это нипочем не пришло бы в голову, ибо дело монтажника – собирать корабли, а дело охранника – беречь эти корабли от возможных злоумышленников, врагов Пути.

– Жирная бестия, жирненькая! – гудел офицер. – Вот бы из тебя жаркое... Ц-ц-ц, малютка!

– Ласку он любит, – пробормотал Глор, рассматривая оружие. «Запомним на всякий случай... Ход спускового рычага – пальцев шесть. Выстрел производится в самом конце хода, после наводки на дистанцию. Не меньше полусекунды от нажатия до выстрела».

Охранник поправил каску и отсалютовал – проходите. Движущийся пол повез монтажников в шаровой вестибюль номер 23-ЮГ-7-17, ко входу в их собственный дом. Они там жили, как две косточки в виноградине.

– Уф! – фыркнул Глор, бросаясь на пол в гостиной. – Уф! Ну и денек!

Ник молча улеглась поодаль. У них едва хватило сил снять перчатки. Через одну восемнадцатую суток – здешний час – начиналась смена в Монтировочной. Надо было отдохнуть хоть немного. Любимец Пути ползал по их неподвижным телам и хныкал. Намекал, что пора ужинать. А они лежали молча, не шевелясь. Станные сдвоенные мысли бродили в их головах. «Как же там мать?» – думал Севка, и в Глоре эта мысль вызвала неожиданную тоску.

Это была тоска, свойственная всем разумным существам, – по ясности, простоте, осязаемости. Глор знал, что Севка перед самым перемещением заглянул к Елене Васильевне и увидел, как она закрыла книжку. Это простое знание – что мать здесь, рядом, и она спокойно спит, и в мире все спокойно, – позволило Севке храбро подойти к Белому Винту. Он сумел прикоснуться к инвертору пространства, потому что мать была рядом. Здесь же маленькие балогии не видели своих матерей, пока не становились взрослыми. Глор познакомился с госпожой Тавик, будучи уже старшим кадетом Космического корпуса, причем не в этой своей жизни, а в прошлой. Он знал это, но не помнил – память о прошлых жизнях не сохраняется. Только Бессмертные, то есть балогии, Мыслящие которых переходят прямо из тела в тело, помнят прошлые жизни. Это особая привилегия: и Бессмертие, и Память. А Глор ничего не помнил о своей прошлой жизни. Даже о том, что его прошлое тело, как и теперешнее, было космическим специалистом. Он узнал об этом случайно от господина Бахра, Бессмертного, который сотню лет назад был воспитателем в Космическом имени Сына Бури корпусе и присутствовал при свидании кадета Глора, сына Тавик, с матерью. Глор не тосковал о ней, и Севкины чувства казались ему нелепыми, но внушали смутное уважение. Глор нуждался в

бескорыстной любви сильнее других благогов высших каст. «Наверно, Ник похожа на меня, – подумал Глор. – Поэтому мы так дружны».

Странные мысли, странная тоска...

– Поразительно, в каком ничтожном мире мы выросли, – сказала Ник.

Сегодня утром этот мир был устроен идеально. «Ну и болваны здесь живут! – подумал Севка. – Совершенно взрослые люди обязаны являться домой за час до начала работы! Нипочем я не стал бы жить в таком гнусном обществе. А куда бы ты делся?» – подумал он, поднимаясь. Надо было заказывать ужин, прежде чем кухня поднимет тревогу.

Он опоздал. Из стены послышался голос: «Центральная кухня – господам монтажникам, 23-ЮГ-7-17, помещение 9! Угодно господам заказать ужин?»

Неск уже пристроился у кухонного лифта, жалобно похныкивал и шевелил хоботком.

– Сейчас, сейчас, маленький обедала, – сказал Глор. – Сейчас мы тебя угостим.

Он погладил неска и удивился: почему шерсть? Должны быть колючки. Машинально доставая из лифта посуды и отделяя Любимцу его порцию, он все пытался сообразить, отчего ему почудились колючки. И только после ужина догадался, что принял зверька за ежа...

«Монтажники высшего и первого – в Монтировочную!» – проговорил динамик. Началась смена.

Монтировочная

Эллинг казался пустым. Это была величественная, океанская пустота с редкими островками из металлических площадок и кабин, осветительных панелей, ячеек с Мыслящими. Острова качивались на невидимых волнах гравитора – генератора нулевого тяготения. Высоко вверху, у крыши Монтировочной, под колпаком носового обтекателя корабля, висел блестящий корпус «капитана-автомата» – автоматического устройства, заменяющего пилота, штурмана и бортинженеров. Он монтировался на восьмидесятом ярусе. С площадки двадцать третьего, где стояли Ник и Глор, он казался блестящей маленькой пробочкой, заткнувшей огромную бутылку с полутьмой. Вплоть до пятнадцатого яруса, в километровом трюме, разместится главный груз корабля – ячейки с Мыслящими. У нижней границы трюма светила другая яркая точка – кабина Второго Диспетчера. Это важное лицо в снежно-белом комбинезоне восседало в круглой, прозрачной, ярко освещенной кабине, как белый болотный паук чирагу-гагу в своем светящемся пузыре. Второй Диспетчер распоряжался постройкой носовой части корабля – навигационными системами и трюмом. За кабиной Второго мигали крошечные светляки – тысячи автоматов копошились, собирая ГГ – главный гравитор. Корпус гравитора был похож на улитку из синей пластмассы. Плоская его раковина имела семьдесят метров в диаметре и всего десять в высоту. ГГ перекрывал почти все сечение Монтировочной. Над ним, как штрихи голубого света, перекрещивались ажурные фермы – первый пояс из сотни. На фермах будут смонтированы хранилища Мыслящих. С площадки двадцать третьего яруса Ник и Глор видели все это. Синий гляцевитый диск улитки, тонкие штрихи ферм, пятна света, блуждающие на зеленой керамической броне корабля. Кое-где светились оранжевые точки – офицеры Охраны стерегли ячейки Мыслящих, уже установленные на место. Белые огоньки, летающие в трюме, – лампы монтажников третьего и четвертого класса. Монтажники распоряжались установкой ферм и прокладывали линии связи Расчетчика, невероятно сложную паутину проводов, соединяющую ячейки Мыслящих. Ячеек будет полмиллиарда. Самый большой корабль Пути монтировали Ник и Глор, но теперь это сознание не веселило их сердца, как прежде. Семи таких кораблей достаточно, чтобы заселить Землю целиком, до последнего человека...

Браслеты сжались и зажужжали на руках – пора следовать дальше, на рабочие места. Одинаковым движением они присели, приветствуя корабль, одинаково повернулись и прыгнули в трубу сообщения – вниз, под синюю улитку ГГ. Они летели вперед головой, вытянув руки, в толпе других монтажников. На стенке трубы мелькали цифры – счет ярусов. У пятнадцатого Глор перевернулся в воздухе, его понесло к стене, и – хлоп! – он выпрыгнул из трубы на площадку четырнадцатого яруса. Хлоп! – Ник выпрыгнула следом.

Плоское дно ГГ теперь нависло над головой. Оно было утыкано прожекторами. Здесь приходилось освещаться по старинке – не хватало места для осветительных панелей. И все прожекторы светили вниз. В их голубом сиянии, в клубящемся дыме сварки перед людьми предстало сердце корабля, большой тяговый реактор – БТР. Машинища такой же ширины, как ГГ, но раз в пятнадцать выше и раз в сто сложнее. Еще бы! Гравитор запускается только при взлете и посадке – раза четыре за всю жизнь корабля. А БТР должен действовать непрерывно. От него энергия подается ходовым двигателям, и тому же ГГ, и Расчетчику, и капитану-автомату – всему кораблю. Тяговый реактор рассчитан на годы, столетия, тысячелетия работы. От планеты в начале Пути до планеты в конце Пути и дальше, если понадобится, ибо Путь не кончается никогда.

Вот почему сборкой большого тягового реактора занимались только монтажники высшего класса.

Едва Глор ступил на площадку, как его браслет снова сжал запястье. Запищал голос дежурного переводчика – помощника Первого Диспетчера.

– Плавного Пути, – сказал Глор. – Меня вызывает Первый.

– Плавного, – сказала Ник.

Рукой в толстой лапчатой рабочей перчатке она ухватила за трос и скользнула по нему к автомату сгорания БТР. А Глор прыгнул в трубу и полетел еще дальше вниз, к нулевому ярусу, под землю. Снова замелькали номера. Девятый – кончился БТР. Вплоть до четвертого яруса монтируются баки под сжиженные газы – гелий, водород, кислород. Четвертый и ниже – ходовые двигатели. Первый – посадочные опоры, нижняя точка корабля, конец. От нулевого яруса глубоко под землю уходил гравитор Монтировочной. В его поле висели конструкции будущего корабля и сама Башня города. Отключись поле на секунду – и вся машина рухнет, подумал Глор. Как Старая Башня. Эта неожиданная мысль поразила его. Он как раз спустился в нулевой ярус.

Глор остановился, ухватившись за край грузового туннеля, и заглянул вниз. Днищем Башни служил стометровый диск из упругого, так называемого космического стекла. Сквозь его толщу можно было рассмотреть мембрану гравитора – отполированный до невыносимой яркости лист благородной бронзы. Поверхность стеклянного днища была мутная, исцарапанная, почти матовая. Все же стекло пропускало достаточно света к мембране. Казалось, она вибрирует под стеклом. По ней бродили и сплывались отраженные огни. Временами они начинали кружиться, потом расходились, создавая таинственные узоры. Но Глор хорошо знал, что световая игра происходит от движения огней в нулевом ярусе. Что вибрацию бронзового излучателя так же невозможно заметить глазом, как невозможно проникнуть в подземелье гравитора. Подземелье выдержит взрыв водородной бомбы. В него нельзя пробраться. Единственное узкое отверстие оберегается нарядом Охраны и беспощадным сторожевым автоматом.

Глор вздохнул, поднес к уху браслет и убедился, что время истекает. По уставу он обязан явиться к Первому в течение одной восемнадцатой часа после вызова. Он поддернул отвороты перчаток, поправил каску и нырнул к центру яруса, к кабине Первого Диспетчера.

Здесь было тесно, шумно, суетливо. Грузовые туннели изрыгали контейнеры с оборудованием – с нуля снабжалась вся кормовая часть строительства. Балог и автоматы двигались здесь поспешнее, чем наверху. Гремел голос дежурного переводчика. Воздух был

пропитан страхом – здесь лютовал сам Первый Диспетчер. Он командовал восемнадцатью своими заместителями, а те – ста шестьдесятю двумя заместителями заместителей и таким же количеством помощников заместителей. Глор был помощником заместителя Первого Диспетчера и до сегодняшнего дня очень гордился этим званием. Он подозревал, что его предыдущее тело имело звание заместителя. С чего бы иначе его, молодого монтажника, выдвинули на такую ответственную должность? Кроме почета, должность давала сто восемь очередей в год. Вместе с нормальным заработком монтажника высшего класса – восемьдесят одна очередь – это составляло кругленькую сумму...

Пробираясь в сутолоке автоматов, контейнеров с оборудованием, связок труб, кабельных катушек, растяжек, транспортных тросов, баллонов, упаковок с пластмассой, Глор не испытывал обычного страха перед Первым. Только сегодня утром они с Ник мечтали о том, что ему дадут должность заместителя заместителя Первого Диспетчера. Предположим, после ходовых испытаний корабля. Как странно, что все это кончилось.

Днем, перед вечерним ветром, это кончилось.

Он потряс головой. Смешно. Не днем, а *ночью*, на Земле, у клумбы анютиных глазок.

Он ощутил вкус малины на своих роговых челюстях и сплюнул. Вкус показался отвратительным. А в голове началась странная путаница. Он вдруг вспомнил курга Нурру и увидел его прожженный бок и стенку дыхательного мешка, шевелящуюся в ране.

Глор остановился. Послушал браслет – нет, его никто не окликал. Было ощущение, словно его позвали. Странно... Злющая морда Нурры почудилась ему на плоскости контейнера, выползающего из транспортного туннеля. На фоне надписи: «Транспортировать в сопровождении балога».

Глор привычно рассердился – контейнер пустили без сопровождения! Непорядок. Он гаркнул в браслет:

– Эй, транспортная!

Ему ответили не по браслету. Знакомый голос проговорил из воздуха:

– Я просил вас отдыхать трое местных суток. Пока ничего не предпринимайте. Вы устали... – Голос Учителя прервался.

– Да мы не очень устали! – горячо сказал Севка. При этом его тело стояло, неприлично выкатив глаза, и молчало. Браслет нетерпеливо дернулся и прокричал голосом дежурного переводчика:

– Господин Глор, оставьте транспортную! К господину Первому Диспетчеру!

И легкий, как жужжание сонной пчелы, пролетел голос:

– Мальчик, будь осторожен.

Господин Первый Диспетчер

Проскользнув под гроздью ящиков, он сделал «горку» и ухватился за кабину Первого. Приложил браслет к двери, вошел и поклонился, держась за поручень.

Первый Диспетчер висел у своего пульта. В ответ на поклон монтажника соизволил подогнуть колени.

– Монтаж идет по графику? – не глядя на Глора, спросил он.

– Опережаю, – ответил монтажник.

Первый любил, чтобы ему отвечали кратко и по существу вопроса.

– Подойди сюда, монтажник...

Глор подплыл вплотную к пульту. Диспетчер досадливо покосился на него.

– Разве приказывал я опережать график? Смотри!

Глор почтительно наклонился и взглянул на пульт. Там, на огромном экране, светилось объемное изображение корабля – в таком виде, в каком он сейчас. Все детали, вплоть до

самой малой, были окрашены в разные цвета. Больше всего голубых, смонтированных точно в срок. Несколько узлов сияли красным – опережение графика. Среди них Глор увидел и свой узел, седьмой питатель БТР, и узел Ник – автомат сгорания. Они почти сплошь были красными. А зеленым окрашивались детали, которые по графику должны были уже стоять, а их еще не было... Ого! Их слишком много! В некоторых местах зеленые трубочки светились пачками.

– Нехватка труб такого-то размера? – определил он и пощелкал челюстями, изображая огорчение. – Ай! За что?!

Господин Первый Диспетчер укусил его в плечо. Через ткань укус почти не чувствовался, но было очень обидно.

– За что, господин Диспетчер?!

– Сколько труб всадил вне графика, тина болотная? – грозно проревел Диспетчер. – Я т-те покажу самодеятельность...

– Штук двадцать семь, господин Диспетчер! Только.

Первый заметно смягчился. Укусив кого-нибудь, он становился добрее.

– Двадцать семь еще ничего, – милостиво проговорил он. – Да-да, я вижу. Именно двадцать семь. Ничего, ничего... Мы не получили контейнер с трубами. Космический цех подводит. Так-так...

Глор стоял, преданно вылупив глаза, совсем как прежде. Однако мысли его были не прежние. Он думал: «Хитрый паук... Лучшее меня знает, сколько я поставил трубочек такого-то размера... Подо что же он копает, Диспетчер?»

– Так... Так... Ну хорошо, я доволен тобой. В конце концов, ты еще молод... Кстати, вы с госпожой Ник сегодня навещали своих Мыслящих?

– Вы правы, как всегда, господин Диспетчер!

– Благополучны ли они?

– Благодарю вас, господин Диспетчер.

– Близка ли их очередь?

– К сожалению, нет, господин Диспетчер.

– Где вы побывали еще, кроме Башни?

Вопрос был задан так же небрежно, как и предыдущие. Монтажник ответил на него расторопно и почтительно, как и полагалось:

– В сущности, больше нигде, господин Ди...

– Что значит «в сущности»?!

– Мы проверяли новую машину и сделали крюк по лесу.

– Зачем проверяли? На какой предмет?

– На предмет путешествия в Тауринжи, – ответил Глор, не прибавив «господина Диспетчера».

Мол, «не интересуйся тем, что тебя не касается. Куда я езжу, вам еще полагается знать, Первый Диспетчер. А зачем я езжу – не ваше дело. В конце концов, я тоже принадлежу к высшей касте...»

– Н-ну, помиримся, – проговорил Первый. – Ты молод. Твоему возрасту свойственны необдуманные поступки. Мой долг – предостеречь тебя вовремя, Глор. Тем более что сегодня ожидается его предусмотрительность командор Пути. Я одобряю туризм, однако ты ездил в запретную зону, и это нехорошо.

Глор невероятно изумился:

– Во имя Пути, об этом я позабыл!

– Позабыл! Эх, молодость! Ну, ступай. Смотри, чтобы к обходу его предусмотрительности питатель был в порядке.

– Слушаюсь, господин Диспетчер! – отрапортовал монтажник.

Выйдя из кабины, он едва не врезался в контейнер со злополучными трубами. Шепотом выругался и дал себе слово три дня никуда не лезть и остерегаться всех возможных неприятностей.

Еще одна неожиданность

Глор промчался по трубе наверх, к своему агрегату – седьмому питателю БТР. Вдохнул успокоительный запах сварки. Грузные сварочные автоматы ползали по воронке, по уложенным спиралью броневым плитам. Подсвеченный горячий дым бил из воронки, как из жерла вулкана. Автоматы-сборщики под присмотром монтажников собирали реактор – основную часть питателя. Накрытые выпуклыми панцирями, сборщики были похожи на черепах. Звонко щелкали по металлу их ножки-присоски. Над десятиметровым жерлом воронки помещалась площадка с креслом, маленьким пультом и «схемой» – матовым плоским экраном. Как у Диспетчера, но поменьше – на нем изображалась схема питателя. Площадка с пультом и была рабочим местом старшего монтажника господина Глора. Он уселся, посмотрел на экран, убедился, что монтаж идет нормально, и повернул сиденье так, чтобы видеть Ник.

Ее место было у автомата сгорания, как раз над питателями. Она помахала перчаткой, Глор тоже помахал перчаткой. Их разделяли какие-нибудь двадцать пять метров.

Часа полтора он сосредоточенно занимался делом, изредка поглядывая на госпожу Ник. Ему было приятно смотреть, как она, пристегнутая к тросу-растяжке, орудует у своего автомата сгорания. Один раз она почувствовала его взгляд, обернулась и покачала головой в каске – не мешай, мол. Он послушно опустил глаза. И вдруг увидел, что с площадки северного сектора стремительно скользит по тросу незнакомый монтажник с контейнером в свободной руке. Глор поднялся и помог гостю затормозить – перехватил контейнер, придержал за руку.

– Благодарим, господин помощник заместителя! – сказал гость. Это был не балог, а первосортное искусственное тело – пит. Робот с Мыслящим в искусственном мозгу. Не здороваюсь – питы никогда не здороваются, – он продолжал: – Мы намереваемся испытать воронку, господин помощник заместителя.

– Это... – щелкнул Глор и поспешно умолк.

Он хотел сказать: «Это ошибка! Воронка не собрана!» И, благодарение Пути, удержался. Ибо Расчетчики *не ошибаются*.

Мыслящие

Искусственные тела не случайно взамен «я» говорят о себе «мы». Разум, живущий в искусственном мозге, чувствует себя несчастным. Сознанию нужно живое тело. Хотя плохонькое. Тело курга и то лучше, чем искусственное. У курга могут быть друзья и враги, а какие друзья у пита? Мыслящим остается единственное утешение: думать вместе, большими группами, так называемыми Расчетчиками. «Мы» – это тысяча, или пять, или десять тысяч Мыслящих. «Мы хотим испытать воронку» – означает, что Расчетчик приказывает испытать. И здесь уж не поспоришь. Во-первых, решение коллективное и оно принято опытными специалистами. Во-вторых, пит говорил от имени Расчетчика Монтировочной, который управляет всей постройкой корабля. В-третьих и в-последних, с Расчетчиками просто не полагается спорить. Таков закон. И Расчетчики ревниво следят за его исполнением.

Все это Глор усвоил с детства и, конечно, не попытался возражать. Хотя распоряжение и показалось ему нелепым – всего через двое суток воронка будет совсем готова.

Испытание

Глор спросил:

– Условия испытаний?

Пит указал на экран. Там уже светились цифры и условные значки. «Испытание методом обстрела, – читал Глор, – скорость метеоритов такая-то, вес, количество...» Во имя Пути! Они затеяли настоящую проверку, как будто воронка готова полностью и даже прощупана автоматами контроля!

Доверие к Расчетчику было так велико, что Глор съехал по тросу и заглянул в воронку: а вдруг на него нашло затмение и все плиты стоят на местах? Но чудя не произошло. Собрана лишь верхняя часть и середина. Из двухсот керамических броневых плит установлено около ста восьмидесяти. Отсутствовала нижняя часть воронки. Штук девять плит приваривалось, а на местах остальных зияли дыры. В одной дыре висел монтажник – осматривал края, прежде чем разрешить установку плиты. Весь раструб был усеян автоматическими сварщиками, контролерами, шлифовальщиками... «Во имя Пути, да что же это происходит? Сообщить разве Первому? Но он знает, как же иначе?»

Передегиваясь от волнения, Глор приказал монтажникам расставить недостающие плиты, прихватить их сваркой и вывести автоматы из воронки. С Расчетчиком не спорят...

Испытание обстрелом – проверка воронки в рабочих условиях. Когда корабль устремится в Космос, все девять воронок, направленные вперед, будут ловить метеориты – крошечные камни, витающие в межзвездной пустоте. Метеориты будут колотить о раструбы воронок. Сталкиваться с броней на той же скорости, с которой идет корабль. А броня должна стоять. И раструб должен быть собран так чисто и правильно, чтобы все камни проваливались в реактор питателя, как пирожки в желудок обжоры. Вот в чем назначение питателей. Они превращают встречные метеориты в чудовищно горячее вещество – плазму – и впрыскивают ее в тяговый реактор. Чем быстрее идет корабль, тем больше пыли и камней попадает в воронки и тем больше плазмы в БТР.

И тем сильнее удары метеоритов о броневую раструб.

Конечно, на планете невозможно испытать воронку на полную силу ударов. Зато камни берутся крупные и тяжелые. И если уж воронка собрана плохо... «Ах и ах, тогда беда! – думал Глор. – Впрочем, верхние пояса брони собраны и отшлифованы на совесть. А в горловину метеориты попадают, уже погасив скорость на раструбе. Пожалуй, Расчетчик знает, что делает».

Расчетчики не ошибаются!

Монтажники таскали плиты и устанавливали их на места. Автоматы пришлось увести – они просто не поймут, если им прикажут ставить плиты временно. Глор суетился вместе с бригадой. Подгонял, покрикивал, между делом осматривал готовые швы и постепенно успокаивался. Сварка широкой части выглядела идеально.

Воронка осветилась ярким дрожащим светом. Значит, высоко вверх, над улиткой генератора, уже зарядили пушку и включили прожектор дымного света. Туманный фиолетовый конус накрыл раструб воронки, ограничивая опасную зону.

Когда включили прожектор, Глор оставил своего заместителя заканчивать дело и вернулся на площадку. Пит уже открыл свой контейнер, достал скоростной видеопередатчик и направил его на край раструба. Лицо пита металлически светилось в луче.

– Волнуешься, монтажник Глор? – проговорил бодрый голос. – Первый выстрел по первой воронке?

На площадку прыгнула Тачч – бригадир соседнего, восьмого питателя. Старая монтажница. Они с Глором дружили настолько, насколько монтажники могут быть дружными.

– Во имя Пути, удачи тебе! Когда же вы успели дошлифовать горловину?

– А мы не успели, – беспечно ответил Глор.

Тачч тихо, изумленно щелкнула. Всмотрелась в экран и неуловимым движением канула в дымный луч – зигзагами, как мяч, отталкиваясь от брони, ушла в воронку и через секунду вынырнула. Похлопала Глора по каске, проговорила:

– Отшлифовано хорошо. Разве что в третьем ряду есть дефект. Показать?

Они спрыгнули на раструб. На лету, крепко ухватив Глора за плечо, монтажница прошептала:

– Уйди с площадки при выстреле! Рикошеты!

Глор потерял равновесие и завертелся, погружаясь в проклятую воронку. Яростно оттолкнулся, вылетел вверх, вцепился в кресло. В тридцати метрах от него госпожа Тачч спокойно стояла у своего бригадирского пульта.

Под воронкой с грохотом захлопнулась крышка реактора. Все готово. Сейчас будет произнесена уставная фраза: «Господин помощник заместителя, к испытаниям готовы». И что будет тогда?

Теперь Глор знал, что будет. Метеориты ударятся о швы временных плит. Отразятся от стыков, пойдут обратно в раструб – в кормовую стенку – и срикошетируют точнехонько сюда, на площадку. Вот что будет. Либо камни пришибут его – и он вознесется в Мыслящие, либо они прошьют трубопроводы жидкого гелия – и он пойдет на каторгу. Да, он – ибо Расчетчик *не ошибается*. Поразительно, с какой точностью проклятые Мыслящие выбрали время. Именно эти плиты дадут рикошет на его рабочее место!

«Другое поразительно, – сказал он себе. – Как покорно ты ослеп. Ты должен был сам просчитать рикошеты – и не посмел. Ну, Расчетчик... Во имя Пути, мы еще посмотрим!»

Из воронки поднялся помощник. Глор скомандовал:

– Следуйте за мной!

Они подтащили броневого лист главной обшивки. Подвесили его в воздухе перед рабочим местом бригадира, закрыв поле зрения представителю Расчетчика. Пит загредел магнитными башмаками, обошел лист, воткнулся перед ним со своей камерой. А помощник стал серым от испуга – старший проговорил в браслет:

– Монтировочная! Всеобщее оповещение! Шестой, седьмой, восьмой секторы, ярусы пятнадцатый и шестнадцатый! Покинуть секторы, подняться на ГГ!

В эфире наступила напряженная тишина. Потом заместитель Первого подал голос от пушки:

– Седьмой питатель, что у вас?

– Принимаю меры от рикошетов, господин заместитель Первого Диспетчера! – отрапортовал Глор.

Опять тишина. Впрочем, говорить уже было поздно. Ярусы пустели. Прозвучали короткие доклады: «Шестой – готов. Восьмой – готов». Пронзительно взвыл ревун. Ударил выстрел. Двукратно грохнули камни – сначала о воздух, затем о броню воронки. За этим грохотом монтажники не расслышали рикошетных щелчков. Только броневого лист, прикрывший их от метеоритов, дернулся и поплыл к пульта. Глор поднял руки к щекам – над броней взмыл и медленно закружился в луче прожектора злополучный пит. Два камня прошли насквозь его первосортное искусственное тело.

Вернемся к началу

Автомат-носильщик унес пита вместе с контрольной камерой. Монтажники разлетелись по местам. О странной ошибке Расчетчика не говорили – ее не заметили. Только помощник Глора посматривал на своего молодого шефа – забавно посматривал. Как неск на хозя-

ина. И госпожа Ник наведлась вниз, на площадку седьмого питателя, что также не вызывало удивления. Чересчур нежная привязанность господина Глора и его подруги давно была предметом вежливых насмешек. Чудная пара!

Иногда быть чудачком выгодно. Глор смог шепнуть своей подруге: «Старайся держать меня в виду. Возможны неприятности». Он все время ждал, что появится охранник с традиционной формулой: «Следуйте за мной, во имя Пути. Воздержитесь от вопросов». Так-то... А пока ему хватало возни – растаскивать времянки, налаживать обычный рабочий ритм. Ближе к концу смены заглянул заместитель Первого – старый угрюмый Диспетчер. Слетал в воронку, потрогал следы метеоритов и мрачно удалился. О происшествии – ни слова. Будто его не было. Глор совсем уже приготовился к худшему, когда над ГГ замелькали, как оранжевые светляки, каски Охраны. Но это была смена караула у ячеек с Мыслящими, первый сигнал о конце работы. Одновременно прозвучал приказ: «Монтажники и физики пятого и четвертого, к выходу!» – и у транспортных труб, как пчелы у летка, за клубились розовые комбинезоны. За ними – зеленые, черные. Последними – фиолетовые и синие. Смена прошла.

Добравшись до своего дома, Глор и Ник поспешно отключили браслеты и устали друг на друга.

– Рассказывай скорее! – взмолилась Ник.

Глор рассказал. Ник слушала его и постепенно становилась серо-коричневой. Здесь не бледнели, а темнели: коричневая кровь прилиwała к коже.

– Так прямо Тачч и сказала? – спросила она. – Ах и ах, Глор... Она знала, заранее знала! Тебе устроили ловушку.

– Она отличный, опытный инженер, не то что я.

– Нет, – сказала Ник, – нет, Глор. По инженерной смекалке ты ей не уступишь. Только зная заранее, Тачч могла догадаться. Расчетчики действительно не ошибаются...

– Но клянусь антиполем, зачем Расчетчик станет подлавливать какого-то монтажника?! Он может и так...

Действительно, Расчетчику достаточно распорядиться, чтобы любого взяли под стражу и начали следствие.

– Он-то может... – угрюмо сказала Ник. – А Тачч?

– Она сделала то, что обязан был сделать я. Прикинула траектории камней и увидела...

– ...Понимаю. Почему она стала прикидывать? Почему она усомнилась в Расчетчике?

– Она лет тридцать работает на монтаже. В ее практике и не такое небось бывало.

– У тебя на все есть ответ, – сказала Ник.

– Ах и ах, если бы на все... Да, вот что еще: желал бы Расчетчик меня утопить, мы бы сейчас здесь не сидели. Пита ведь пришибло на моем участке, а? Пожалуйте-де к ответу, господин помощник заместителя, почему вы сами спрятались, а казенное имущество бросили?.. А с Тачч я потолкую.

– Нет, – сказала Ник, – я не хочу.

– Почему?

– Она жуткая. Ты посмотрел бы, какие у нее глаза. Будто она постоянно думает о...

– О чем?

– Не знаю. Об убийстве. У нее безжалостные глаза.

– Ко мне она всегда была добра, – сказал Глор.

– Этого я боюсь больше всего. Помнишь, как она тебя поздравляла с назначением? Брр... Ты ей зачем-то нужен.

– По-моему, ты ревнуешь.

– Нет, – сказала Ник, открывая дверь ванной. «Кислый вихревой душ – лучшее средство для очистки кожи и восстановления сил», как утверждает реклама...

Глор выдвинул из стены верстачок и принялся за модель корабля. Все монтажники строят модели. Полезное занятие, весьма помогающее в работе. Орудия крошечным молекулярным паяльником, упиравшись лбом в нарамник микроскопа, Глор думал. Раньше он не думал за работой. Было удовольствием сидеть на высоком табурете, расставлять по памяти, безошибочно, крошечные детальки, вдыхать запах горячей пластмассы. А теперь все шло насмарку. Когда в капитане-автомате заработала батарейка и он замигал огоньком готовности, совсем как настоящий, Глор не ощутил удовлетворения и бросил паяльник.

Ник лежала на полу, постукивая ботинком. Любимец Пути бегал вокруг нее на четырех лапках, а передними, хватательными, ловил то ботинок, то руку. В ванной тихо возился робот-уборщик. Сквозь полупрозрачные стены пробивался утренний свет, понемногу гасли осветительные панели.

Все это не было реальным. Стену и потолок делила пополам тень соседнего дома, и это тоже не было реальным, как и смутное воспоминание о том, что на Земле они регулярно впадали в оцепенение, именуемое сном. Реальной была только опасность.

Он опустил глаза к модели. «Растерялись, трусите, спрятались» – мигала огненная булавочка. Глор выключил батарею. Раскрыл коробку с деталями и поймал пинцетом зеленый конусок – «дюзу главного двигателя». Поставил ее у стенки торчмя, как солдатики. Проблема номер один – задание Учителя, схема перчаток. Прекрасное задание, если знать, как его выполнить... Рядом поставил вторую дзюзу – это был кург Нурра, с которым, хочешь не хочешь, надо возиться дальше. Третья дзюза изображала Расчетчика.

Успокаивая Ник, он твердо знал, что сверхмозг не ошибался, а хотел с ним расправиться. Нечто странное промелькнуло еще в разговоре с Первым Диспетчером. Неужели Расчетчик успел пронюхать, что Глор более не Глор?

Он подумал даже, что Мыслящие подслушали их разговоры в Башне, но усмехнулся и покачал пинцетом. Они глухи и слепы, и в этом – главная трагедия Пути. Балогии не умирают, но становятся глухими, слепыми, неподвижными кристалликами. Нет, пока еще никто не знает. Догадываются ли – вот вопрос...

«Интересно, хватит ли мне конусочков? – подумал Глор и поставил четвертый. – Госпожа Тачч. Каковая, несомненно, ждала от Расчетчика подвоха и почему-то пожелала спасти его, Глора. Почему? Она предупредила его и спасла, рискуя собой. Ведь сомнение в правоте Расчетчика толкуется как неповиновение».

Четыре солдатики стояли в ряд. Четыре неразрешенных вопроса – многовато за половину суток... Причем один надо решать срочно... Глор выдвинул из ряда второй конус, обозначающий Нурру. «Пока его не поймали – а рано или поздно Охрана доберется до него, – с кургом надо кончать. Вернее всего – убить, – жестко подумал Глор. – Вот цена сентиментальности. Неуместная жалость, вот чем она кончается».

Глор встряхнул коробку. Пустые разговоры, пустые сомнения. Все упирается в «посредник». Это единственная проблема. Добыть «посредник» и пересадочную инструкцию.

Обладая «посредником», они выручат Нурру из тела животного и обезопасят себя. Они станут другими балогиями и уйдут от коварных затей Расчетчика. И начнут погоню за схемой перчаток. Надо срочно, немедленно добывать «посредник». Тень ужаса опять мелькнула перед ним, как и тогда, когда он думал о пересадке сознаний. Он потряс коробку. Детальки весело загрохотали. Любимец Пути подбежал к нему – просился поиграть.

Глор повернулся к Ник:

– Слушай. Нам приказано отдыхать еще двое с половиной суток. По-моему, сейчас некогда отдыхать...

– Продолжай, – сказала Ник.

– Вот госпожа Тачч. Она к нам расположена. Знакомства у нее широкие. Начнем-ка с нее.

– Ты думаешь о химиках?

– И о химиках. Надо же с чего-то начинать.

– Ей *нельзя* верить, – сказала Ник.

– Во имя Пути, да что ты против нее имеешь? – спросил Глор. – Спокойная, доброжелательная, услужливая...

– Она похожа на чхага.

– Вот как...

– Я понимаю, – пробормотала Ник, – у меня нет ровно никаких... Ты же сам говоришь – она загадочная...

Она была смущена. О чхагах не полагается говорить. Разве что грубиян, ругатель вроде Нурры, облает «чхагом» другого грубияна... Но Глор вдруг заметил:

– И очень бы неплохо...

– Что-о? – удивилась Ник, а Глор пояснил кратко:

– «Посредник».

Приглашение

У кого, как не у чхагов, есть «посредники»? Эти слова произнес сам Глор вчера вечером. Но лишь сейчас он задумался: а зачем, собственно говоря, чхаги воруют тела?

Прежде это казалось недостойным размышления. Чхаги, или трамбиры, орудовали на всех планетах Пути и, как любые вору, похищали ценности. А ценностью всегда является то, чего не хватает. На планетах Пути не хватало живых тел – они умирали, оставляя Мыслящих. Поэтому тело, годное для Мыслящего, представляло величайшую ценность и вся система Пути была построена для поиска живых тел. Мыслящие зачислялись на очередь для погрузки в корабли, а живые строили корабли и отправляли их в Космос на поиски тел. На планетах Пути одна *очередь* была денежной единицей. Заработав сто очередей, вы продвигаете своего покойного родственника на сто мест в очереди на погрузку в корабль либо на освободившееся тело преступника.

Иными словами, здесь каждый был заинтересован в том, чтобы корабли выходили из эллингов, а преступники совершали злодеяния. Поэтому преступлениями считались самые пустячные провинности вроде нарушения правил уличного движения. Глору и Ник наказание грозило трижды. За «потерю себя» – за то, что они позволили Севке и Машке захватить их тела и разумы, – полагалось «распыление». Высшая мера наказания, с уничтожением Мыслящего. За помощь Нурре – каторга в теле курга либо ссылка в Мыслящие с отдаленной очередью. Ну и история с испытаниями. Мелочь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.